

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 1 / 2026

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АНТОНЯН Елена Александровна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЕМОВ Николай Михайлович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
ЛАПАЕВА Валентина Викторовна	д. ю. н., главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
ЛАПТЕВА Людмила Евгеньевна	д. ю. н., профессор, декан юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д. ю. н., профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации
РАРОГ Алексей Иванович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д. ю. н., профессор, главный редактор, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЕБЕДЕВА Вероника Сергеевна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

**COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL
"RUSSIAN LAW ONLINE"**

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elena A. ANTONYAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law named after V.E. Eminov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
Valentina V. LAPAEVA	Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
Lyudmila E. LAPTEVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Editor-in-Chief, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Veronika S. LEBEDEVA	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Грачев Н. И., Румянцева В. Г. <i>Россия как государство-цивилизация</i>	5
Лапаева В. Н. <i>Судебная доктрина и научная концепция конституционной идентичности России: к истории вопроса</i>	14
Скоробогатов А. В. <i>Героический миф мемориального законодательства</i>	24

РАКУРС

Глотова Е. Л., Яфаев Э. И. <i>Правительственный конституционализм начала XIX в.</i>	38
Асриев Н. А. <i>Первые конституционные гарантии прав рабочих: механизмы реализации Конституции 1918 г.</i>	45
Гордеев А. Г. <i>Конструирование политического пространства в РСФСР и СССР: от военного коммунизма к нэпу</i>	55

РОССИЯ

Максимова О. Д. <i>Управление трудовыми ресурсами в СССР в контексте решения современных кадровых вопросов</i>	61
Гоглева К. Ю. <i>Муниципально-конфессиональное сотрудничество в Российской Федерации: трансформация формы и содержания</i>	67
Рашидова А. И., Шубников Ю. Б. <i>Публично-правовые механизмы социального партнерства</i>	73
Чекмарев Э. В., Переверзев К. В. <i>Формирование мировоззрения обучающихся в условиях интеграции искусственного интеллекта в образование</i>	79

МИР

Акишин М. О. <i>Логические основания в исследовании политики и права Аристотеля</i>	90
Калинина Е. Ю. <i>Метафизика правового мышления раннего Нового времени: адвокаты в ведовских процессах</i>	98
Алексеева Т. А. <i>«Нация» и «император» в первой конституции Бразилии</i>	109
Кислухин В. А. <i>Правовое противостояние охотников-любителей и антиохотников в Королевстве Нидерландов</i>	116
Лобынцев М. А. <i>Международный трибунал по бывшей Югославии: организационно-правовые основы деятельности</i>	127

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Бочарников Д. А. <i>Особенности информационно-правового режима научных данных</i> ..	143
Павликов С. Г. <i>К вопросу о патентном праве</i>	151

CONTENTS

TRENDS

- Grachev N. I., Rumyantseva V. G.** *The Russian Federation as a Civilizational State* 5
- Lapaeva V. N.** *Judicial Doctrine and the Scholarly Concept of Russia's Constitutional Identity: A Historical Overview* 14
- Skorobogatov A. V.** *The Heroic Myth of Commemorative Legislation* 24

FOCUS

- Glotova E.L., Yafaev E. I.** *Governmental Constitutionalism in the Early 19th Century* 38
- Asriev N. A.** *The First Constitutional Guarantees of Workers' Rights: Mechanisms for the Implementation of the 1918 Constitution* 45
- Gordeev A. G.** *Constructing the Political Space in the RSFSR and the USSR: From War Communism to the NEP* 55

RUSSIA

- Maksimova O. D.** *Management of Labor Resources in the USSR in the Context of Addressing Contemporary Personnel Issues* 61
- Gogleva K. Yu.** *Municipal-Confessional Cooperation in the Russian Federation: Transformation of Form and Content* 67
- Rashidova A. I., Shubnikov Yu. B.** *Public-Law Mechanisms of Social Partnership* 73
- Chekmarev E. V., Pereverzev K. V.** *Formation of Learners' Worldviews in the Context of Integrating Artificial Intelligence into Education* 79

THE WORLD

- Akishin M. O.** *Logical Foundations in the Study of Aristotle's Politics and Law* 90
- Kalinina E. Yu.** *The Metaphysics of Legal Thought in the Early Modern Period: Lawyers in Witch Trials* 98
- Alekseeva T. A.** *«Nation» and «Emperor» in the First Constitution of Brazil* 109
- Kislikhin V. A.** *The Legal Conflict between Recreational Hunters and Anti-Hunting Activists in the Kingdom of the Netherlands* 116
- Lobyntsev M. A.** *The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: Organizational and Legal Foundations of its Activities* 127

POINT OF VIEW

- Bocharnikov D. A.** *Peculiarities of the Information-Legal Regime of Research Data* 143
- Pavlov S. G.** *On the Question of Patent Law* 151

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.005-013

РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Грачев Николай Иванович,

профессор кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент
400089, Россия, г. Волгоград, Историческая ул., д. 130
grachev.n.i@mail.ru

Румянцева Валентина Геннадьевна,

главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры
истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
valentinorum@mail.ru

© Грачев Н. И., Румянцева В. Г., 2026

***Аннотация.** Статья посвящена такой политической форме, как государство-цивилизация. Тенденции геополитического генезиса показывают, что основанием многополярного устройства мира могут быть только цивилизационные государства, поскольку другие акторы не способны выстоять идеологически и не имеют соответствующих ресурсов. Неповторимое целеполагание России — это собственная государственно-правовая миссия как государства-цивилизации. Качественные признаки государства-цивилизации в отечественной истории начали проявлять себя еще в эпоху Древнерусского государства. Свойственные отечественной государственности черты государства-цивилизации позволили русскому народу сохранить достаточно высокую степень религиозно-культурного и правового единства, сплотиться вокруг Москвы, превратив государство в настоящую империю. Следует включить категорию «государство-цивилизация» в устойчивую правовую терминологию и релевантно изложить в конституционном законодательстве.*

Ключевые слова: государство; государство-цивилизация; империя; право; власть; суверенитет; политика; идеология; идентичность; этнос; суперэтнос; народ; нация

THE RUSSIAN FEDERATION AS A CIVILIZATIONAL STATE

Nikolay I. Grachev,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Full Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

grachev.n.i@mail.ru

Valentina G. Rumyantseva,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Editor-in-Chief, Russian Law Online; Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

valentinorum@mail.ru

Abstract. *The paper is devoted to the political form known as the civilizational state. Trends in geopolitical development indicate that only civilizational states can serve as the foundation of a multipolar world order because other actors lack the ideological resilience and corresponding resources necessary for such a role. Russia's distinctive teleology lies in its own state-legal mission as a civilizational state. The defining characteristics of a civilizational state in Russian history began to emerge as early as the period of the Old Russian state. The features inherent in Russian statehood as a civilizational state enabled the Russian people to preserve a relatively high degree of religious, cultural, and legal unity, to consolidate around Moscow, and to transform the state into a genuine empire. The category of «civilizational state» should be incorporated into stable legal terminology and appropriately reflected in constitutional legislation.*

Keywords: *state; civilizational state; empire; law; authority; sovereignty; politics; ideology; identity; ethnos; superethnos; people; nation*

Кризис мирового неолиберального порядка на рубеже XX–XXI вв. привел к появлению новых геополитических центров в лице государств-цивилизаций, или цивилизационных государств¹. Государства-цивилизации — центры макрорегиональных геополитических единств неоимперского типа. К подобным центрам можно отнести следующие страны:

- Индию (Южно-Азиатский регион);
- Китай (Азиатско-Тихоокеанский регион);
- Россию (Евразийский регион);
- США (Евро-Атлантический регион)².

Если учесть, что США продолжают попытки создания однополярного мира, а цель ЕС — объединение Европы в рамках федеративной империи³, то будет очевидно: время национальных государств уходит, их суверенитет исчезает, а представление о том, что каждый народ должен иметь свое государство, выглядит анахронизмом.

Понятие «государство-цивилизация» применительно к современной России неоднократно использовалось Президентом РФ в его посланиях к Федеральному

¹ См.: Спиридонова В. И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. 2022. № 1. С. 29–41; Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2021. Vol. 4. No. 3. P. 93–125; Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. No. 14. P. 225–242.

² Иран, Турция, Саудовская Аравия, Германия, Польша также претендуют на роль геополитических центров.

³ Рокоссовская А. Ги Верхофстадт: Страны Европы должны объединиться в федерацию // Российская газета. 2012, 17 декабря. URL: <https://rg.ru/2012/12/17/verhofstadt-poln.html> (дата обращения: 30.01.2026).

Собранию РФ и других выступлениях. Благодаря восприятию Российской Федерации как государства-цивилизации осознаются, по мнению Владимира Путина, и «наше собственное развитие», и «основные принципы мирового устройства, на победу которых мы надеемся»⁴, что постулируется в следующих правовых актах:

— «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации» (ст. 4 Концепции внешней политики Российской Федерации);

— «Россия — великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие» (ст. 5 Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения);

— «Государственная национальная политика основывается на историческом опыте становления и развития России как самобытного государства-цивилизации» (ст. 6 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года)⁵.

Категория «государство-цивилизация» активно изучается гуманитарными науками; исследованы исторические, философские, геополитические аспекты этого феномена⁶. Меж тем значительная часть политико-правовых его свойств остается без внимания, ведь отечественная наука всё еще находится в плену либеральных догматов, мешающих открыто говорить о роли и месте нашей страны в мировой истории.

Понятие «государство-цивилизация» фундирует цивилизационный подход, согласно которому субъект исторического процесса — локальные цивилизации. В пространственном отношении локальная цивилизация есть большой и обособленный географический макрорегион, а ее этносоциальный субстрат — суперэтнос. «Крупнейшей после человечества (как аморфной антропосферы — одной из оболочек Земли) единицей является суперэтнос, т.е. группа этносов, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность»⁷. Суперэтнос — высший таксон этнической иерархии, нация-цивилизация, социальный базис цивилизационного государства.

Духовно-культурная жизнь цивилизации — это система социально-нравственных ценностей и глубинных традиций на уровне культурного кода, которая служит вектором идентичности для всех входящих в нее народов.

⁴ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (5 октября 2023 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444?ysclid=mlamop3v6f179179453>.

⁵ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406 ; Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2587 ; Указ Президента РФ 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 48 (ч. IV). Ст. 7312.

⁶ См.: Багдасарян В. Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 15–29 ; Феофанов К. А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 4. С. 122–135.

⁷ Гумилев Л. Н. Этнос — состояние или процесс? // Этносфера: история людей и история природы : сборник статей. М. : Экспрос, 1993. С. 131.

Государство-цивилизация — «частный случай традиции-цивилизации»⁸, его рождение возможно, когда в географическом регионе обитания цивилизации путем политического возвышения стержневого государства происходит преобразование горизонтальных международных связей в государственно-правовые отношения вертикально-диагонального типа, в результате чего цивилизация в целом или ее значительная часть получает сильный суверенитет.

Необходимые условия генезиса государства-цивилизации:

— стержневой этнос (ядровый народ), который утверждает культурную и политическую гегемонию над областями и этносами цивилизационной периферии;

— цивилизационно-государственная идеология, именуемая учеными по-разному: «идея-правительница», «сакральная вертикаль», «универсальная религия»⁹. Такая идеология следует за религиозными или этическими учениями, однако не тождественна им и обязательно содержит идею цивилизационной миссии. Эта миссия порождает собственное пространство сакрального с метафизикой и святынями, надстраиваемыми над религиозными и этническими системами, примиряя и объединяя их благодаря идентичности и политически интегрируя народы в нацию;

— политико-правовая традиция, придающая исключительную пространственную организацию тому или иному государству, где выделяются: сакральный правительствующий центр и неотчуждаемое ядро (паттерн); периферия — территории за пределами ядра, с одной ее стороны — культурно близкая центру сфера, с другой — сфера, которую центр не всегда контролирует; лимитрофы — пограничные территории с маргинальным статусом, которые центр стремится контролировать, из-за чего государство как бы пульсирует, то расширяясь, то сжимаясь, а границы теряют строгую определенность. Несмотря на все эти государственно-правовые контрасты, константами верховной власти всегда будут унитаризм и централизация.

Государство-цивилизация образуется посредством наложения друг на друга государственной и цивилизационной традиций, их совмещение дает гармонию экзистенции всем локальным цивилизациям в рамках единой политической формы. Такое происходит только в империи¹⁰. Понятие государства-цивилизации есть политкорректный эвфемизм империи для государств, поскольку мировые и региональные страны современности официально не желают называть себя так, опасаясь обвинений в имперских амбициях. Это политический псевдоним империи эпохи постмодерна, знакомые тенденции движения государства в сторону суверенной цивилизации, а также геополитического и культурного доминирования в конкретном регионе или во всем мире. Единственное отличие большинства современных претендентов на статус государства-цивилизации от империй прошлого — отсутствие у них цивилизационной миссии, содержащей четкую экзистенциальную цель.

Россия обладает всеми признаками государства-цивилизации. На протяжении практически всей своей истории наше государство — автаркийный географический и культурный мир с собственным опытом государственного строительства. Не стоит забывать, что единству Евразии во главе с Россией «традиционно противостояли:

⁸ Аверьянов В. В. Русская традиция-цивилизация на новом перевале. Поиск модели самоописания // Изборский клуб. 2024. № 7–8. С. 26.

⁹ Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык. М. : Прогресс, 1995. С. 438–443 ; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М. : Европа, 2007. С. 502–503.

¹⁰ Империя и государство-цивилизация — близкие понятия. Говорящее о собственном пути цивилизационного развития государство либо де-факто империя, либо стремится к этому. По своей политической форме подобное государство — имперское, а по этнокультурной идентификации — цивилизационное. Исторически именно империя всегда выступала как государственно-территориальная форма существования локальной цивилизации, будучи для нее традиционной.

на западе — католическая Европа, на Дальнем Востоке — Китай, на юге — мусульманский мир»¹¹.

Движение России в сторону государства-цивилизации начинается с момента возникновения российской государственности. Ранее некоторые протогосударственные образования племен восточных славян входили в состав перманентно действующих на древних евразийских степных просторах кочевых империй (скифов, сарматов, гуннов и др.). «Изучающий русскую историю не может предать забвению игру экономических и культурных сил, которая имела место на территории России задолго до появления собственно России. Именно в этот доисторический период сформировалось “жизненное пространство” русских людей»¹².

Первый опыт построения Россией собственного государства — грандиозное предприятие. Это создание княжеской династией Рюриковичей могущественной державы, просуществовавшей с середины X до второй трети XII в.¹³, что значительно дольше, чем империя Карла Великого и подавляющее большинство других империй Средневековья. Единое Древнерусское государство — многосложное политическое объединение родоплеменных союзов, в составе которых были помимо государствообразующих славян балтские, финно-угорские, тюркские, сарматские и другие этнические группы. «Тысячелетнее развитие России в качестве великой евразийской державы вскрыло смысл нашего Отечества как особой Русской цивилизации. К ее появлению привели великие переселения и войны IV–VIII вв. н. э., в горниле которых ковался сплав этносов и культур»¹⁴. Таким образом, на территории России возникает единое восточнославянское государство с политическим центром в Киеве, а также стержневой этнос — русский народ, духовно единая надэтническая общность, цивилизационно-культурные черты которой будут доминировать на евразийском пространстве.

В результате принятия Русью христианства по византийскому обряду рождается национально-государственная доктрина. Во главу угла ставится державно-патриотическая интерпретация православного учения¹⁵. Одновременно распространяются автохтонные идеологемы религиозно-политической природы, воплотившиеся в государственно-правовой практике Древней Руси и отразившиеся в общественном правосознании в виде сакральных архетипов. Духовной основой Российского государства выступают:

— образ Святой Руси как Русской земли. Этот образ — не столько фактическое государство, сколько идеал, а его святость есть «пансакральная установка», высшая цель исторического развития¹⁶. Тем самым имя «Русская земля» стало собирательным для всех этнически и социально разрозненных народов;

— архетип русского народа как носителя божественной благодати, что встречается у митрополита Илариона в «Слове о законе и благодати». Митрополит вместо обычного для того времени понятия «Русская земля» употребляет понятие «русский народ». Благодаря православию словосочетание «русский народ» используется для определения суперэтноса — субъекта мировой истории¹⁷;

— идеальный образ русского государства как духовно и политически суверенного пространства, наследуемого каждым новым поколением народа от своих

¹¹ Лавров С. Б. Завещание великого евразийца // Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М. : Айрис-пресс, 2008. С. 295.

¹² Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь ; М. : Леан ; Аграф, 1996. С. 27.

¹³ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 27–109.

¹⁴ Бабурин С. Н. Мир империй. Территория государства и мировой порядок. М. : Юридический центр, 2005. С. 334.

¹⁵ Позже, в XIX–XX вв., в политической философии она получит наименование «Русская идея».

¹⁶ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. М. : Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. С. 11–14.

¹⁷ Будилов В. М. Органическое понимание народа и концепция «ранее не народ, а ныне народ»: возникновение в России. СПб. : Лема, 2019. С. 90–92, 97–119.

предков, — идея, которая прослеживается уже у Илариона, утверждающего равенство и взаимное уважение всех христианских народов и позиционирующего Русь как равную Византии в политическом и вероисповедальном отношениях, отвергая ее претензии на религиозное верховенство;

— идея самодержавной власти, рецептированная у Византии и трансформированная в России. Внедрение идеи самодержавия — рубеж X–XI вв., а развернутое обоснование (например, у Илариона и его преемника митрополита Никифора) — середина XI — начало XII в.¹⁸

В московский период складывается политико-правовой конструкт государства-цивилизации, с которым Россия будет связана в дальнейшие периоды истории. Русское царство сменяет Великое Московское княжество, открывая себе путь для колонизации на восток, в Сибирь, вступая тем самым в права ордынского наследства: региональная восточноевропейская страна перерастает в континентальную евразийскую империю, где наряду с русским ядром всё больший удельный вес постепенно получают иные народы.

Вместе с геополитическим расширением прогрессирует русская государственная идеология. Иван III именуется государем всея Руси с титулом «самодержец». Венчание на царство по древнему византийскому канону Ивана IV знаменует радикальное изменение статуса государства¹⁹. Русь принимает миссию Третьего Рима, где русский царь — катехон. Московское царство переходит на новый геополитический уровень с имперским статусом и вселенской сакральной миссией несения православной веры: «для означения, что только власть православных государей истекает из воли истинного Бога, стали употреблять в титуле со времени Иоанна Грозного так называемое богословие, т.е. краткое изложение православной веры»²⁰.

Византийское наследие сливается с архетипическим образом Святой Руси. Россия фактически является полиэтничной, поликонфессиональной империей; ее мировоззренческий фундамент — православная традиция Византии, геополитический базис — территориальное пространство Востока и Запада: русские цари невольно берут на себя историческую миссию объединения евразийских земель. Официально русский царь воплощает в себе верховного главу православного и басурманского миров, выступая для тюркского и монгольского населения, вошедшего в состав России, в качестве белого царя²¹.

В XVI в. окончательно закрепляется цивилизационный выбор России. Фокусом русского политического и правового сознания становится фигура православного царя, главы верховной государственной и духовной власти, браздодержателя государства и праведной веры, воспринимаемого как высшая земная ценность и подданными, и

¹⁸ См.: Будилов В. М. Органическое понимание народа и концепция «ранее не народ, а ныне народ»: возникновение в России. СПб. : Лема, 2019. С. 72–101 ; Послания Митрополита Никифора. М. : ИФ РАН, 2000. С. 75–82.

¹⁹ Царями на Руси раньше называли лишь византийских императоров и ордынских ханов, и использование этого титула Иваном III после падения Византии характеризовало его как единственного оставшегося на земле православного государя и преемника византийских императоров. «Самодержец» — славянская калька титула византийских императоров. Позднее, при Иване IV, титул «самодержец» олицетворял правителя с формально неограниченной верховной властью, потому что и царь, и самодержец «в Древней Руси значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государе с неограниченной внутренней властью, а о властителе, не зависимом ни от какой сторонней внешней власти, никому не платящем дани. На тогдашнем политическом языке оба этих термина противопоставались тому, что мы разумеем под словом “вассал”». См.: Ключевский В. О. Курс русской истории : в 9 т. М. : Мысль, 1987. Т. 2. Ч. 2. С. 115–116.

²⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 182.

²¹ Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М. : Восточная литература, 2007. С. 13–56.

всей православной ойкуменой²². Отсюда берет начало отечественная этатистская и монархическая (самодержавная) правовая традиция, задача которой — легитимация власти верховного правителя вне зависимости от его формального наименования.

В XVII в. Россия приобретает черты евразийского имперского государства-цивилизации:

— объединение в рамках единого государства различных народов, конфессиональных групп, социокультурных укладов и стран и образование российского суперэтнуса со славянской стержневой основой;

— имперское политическое и правовое пространство, в котором жесткий стратегический централизм сочетается с определенной автономией региональных этнополитических образований, а в территориальной, этнической и управленческой структуре государства четко выделяются паттерн, периферия и лимитрофы;

— самодержавная форма правления, в которой императорский статус верховного правителя легитимирован народным правосознанием, а власть ограничена православным вероучением и традицией;

— идеократический характер государства, где мессианская идеология, в основе своей православная, способна культивировать многоконфессиональность и веротерпимость, творя новые смысловые и ценностные государственно-правовые принципы.

В 1721 г. Петр I, официально провозгласив Россию империей и приняв титул императора, представил европеизированную форму государства, имперская природа которого сложилась по большому счету на полтора столетия раньше. Петровская модернизация была продиктована самой историей — переходом от средневековой культуры к нововременной. Этому способствовали еще реформы его отца и старшего брата.

Российская империя так и не порвала радикально с традициями Московского царства. Преемственность раскрывается в геополитике Петра I: победа над Швецией обеспечила политический авторитет нашей страны в Европе, к чему так стремился еще Иван IV. Подобно ему, Петр I в конце правления ориентирует внешнюю политику и на Восток и утверждает Российскую империю на западном и южном побережьях Каспия, открывая ей дорогу в Казахстан и Среднюю Азию.

Самодержавная власть императора соединяла в себе государственное и духовное верховенство. «Оба меча, говоря в терминологии католического Запада, светский и духовный, остаются в руках верховного правителя России, но подчинение духовного меча светскому усиливается»²³. Фактически приоритет православия не был нарушен. Отказ от доктрины «Москва — Третий Рим» и генома Святой Руси был сделан еще до Петра I церковной реформой Алексея Михайловича и патриарха Никона. К моменту петровского воцарения Россия уже испытывала духовную и политическую стагнацию. Деятельность Священного синода привела «не к отделению церкви от государства, а к ее вовлечению в государственный оборот»²⁴. Государство от православной самодержавной модели верховной власти стремилось к светскому европейскому абсолютизму.

Петровская европеизация укрепила суверенитет, мобилизовала государство и общество для победы над внешним врагом. Реформы не изменили ее православно-имперской и евразийской идентичности, а лишь обновили государственно-правовой механизм в соответствии с духом времени. Вестернизация породила культурные псевдоморфозы, однако продукты чужого цивилизационного влияния не смогли коренным образом изменить цивилизационный код нашей страны. И хотя она внешне не была Святой Русью, внутренне выполняла миссию сакральной империи — оплота православного христианства во всё более впадающем в апостасию мире. Русские цари по-прежнему реализовывали катехоническую функцию, а символическое

²² *Логинов А. В.* Русская идея в национальных духовных поисках (от зарождения Руси до XIX в.). М. : Русский путь, 2020. С. 126, 195.

²³ *Степун Ф. А.* Москва — Третий Рим // Сочинения. М. : Росспэн, 2000. С. 601.

²⁴ *Степун Ф. А.* Указ. соч. С. 601.

перенесение столицы из Москвы в Санкт-Петербург продемонстрировало православный вызов католическому Риму, первым понтификом которого был Святой Петр.

Россия сохраняла и трансформировала черты евразийского государства-цивилизации, раздвигая границы и включая в себя всё новые земли и этносы, поступательно завоевывала себе право быть одной из великих мировых держав. Советская и постсоветская эпохи не перечеркнули цивилизационной преемственности в истории российской государственности, сколько бы ни было попыток такого рода во время революционных изменений и конституционных реформ.

Эволюция русского народа как этносоциальной общности сгенерировала уникальную духовность для дальнейшей социально-политической интеграции народов России. Наградой тому стало великое государство, государство-цивилизация. По словам Владимира Путина, мы «вместе, плечом к плечу продолжим обустраивать наш общий дом — великую и независимую страну, суверенное государство, преодолеем любые испытания и станем только сильнее»²⁵. И сегодня Российская Федерация возвращается к своему мировому лидерству, при этом ее цивилизационные константы и модифицируются в соответствии с вызовами XXI в., и сберегают глубинное, высокодуховное естество.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аверьянов В. В.* Русская традиция-цивилизация на новом перевале. Поиск модели самоописания // Изборский клуб. — 2024. — № 7–8. — С. 22–47.
2. *Бабурин С. Н.* Мир империй. Территория государства и мировой порядок. — М. : Юридический центр, 2005. — 448 с.
3. *Багдасарян В. Э.* Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. — 2022. — Т. 17. — № 6. — С. 15–29.
4. *Будилов В. М.* Органическое понимание народа и концепция «ранее не народ, а ныне народ»: возникновение в России. — СПб. : Лема, 2019. — 168 с.
5. *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. — Тверь ; М. : Леан ; Аграф, 1996. — 447 с.
6. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005. — 800 с.
7. *Гумилев Л. Н.* Этнос — состояние или процесс? // Этносфера: история людей и история природы : сборник статей. — М. : Экопрос, 1993. — С. 129–136.
8. *Ключевский В. О.* Курс русской истории : в 9 т. Т. 2. Ч. 2. — М. : Мысль, 1987. — 447 с.
9. *Лавров С. Б.* Завещание великого евразийца // Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. — М. : Айрис-пресс, 2008. — С. 294–303.
10. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. — М. : Европа, 2007. — 688 с.
11. *Логинов А. В.* Русская идея в национальных духовных поисках (от зарождения Руси до XIX в.). — М. : Русский путь, 2020. — 512 с.
12. *Послания Митрополита Никифора.* — М. : ИФ РАН, 2000. — 125 с.
13. *Спиридонова В. И.* «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации // Век глобализации. — 2022. — № 1. — С. 29–41.
14. *Степун Ф. А.* Москва — Третий Рим // Сочинения. — М. : Росспэн, 2000. — С. 596–611.
15. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре : в 2 т. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. — М. : Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995. — 876 с.
16. *Трепавлов В. В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. — М. : Восточная литература, 2007. — 255 с.

²⁵ Обращение по случаю Дня воссоединения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей с Россией (30 сентября 2025 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/78112?ysclid=mlez22zffl428040660>.

17. Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык. — М. : Прогресс, 1995. — С. 438–443.
18. Феофанов К. А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17. — № 4. — С. 122–135.
19. Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India // Journal of Indo-Pacific Affairs. — 2021. — Vol. 4. — No. 3. — P. 93–125.
20. Therborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. — 2021. — No. 14. — P. 225–242.

REFERENCES

1. Averyanov VV. Russian tradition-civilization at the new pass. Search for a model of self-description. Izborsk Club. 2024;7-8:22-47. (In Russ.).
2. Baburin SN. The world of empires. State territory and world order. Moscow: Yuridicheskiy tsentr Publ.; 2005. (In Russ.).
3. Baghdasaryan VE. The concept of a state-civilization: problems of methodology and political implementation. Central Russian Journal of Social Sciences. 2022;17(6):15-29. (In Russ.).
4. Budilov VM. Organic understanding of the people and the concept of «previously not the people, but now the people»: Emergence in Russia. St. Petersburg: Lema Publ.; 2019. (In Russ.).
5. Vernadsky GV. Ancient Russia. Tver; Moscow: Lean; Agraf Publ.; 1996. (In Russ.).
6. Vladimirsky-Budanov MF. Review of the history of Russian law. Moscow: Territorija budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).
7. Gumilev LN. Ethnos — state or process? Ethnosphere: the History of People and the History of Nature: A Collection of Articles. Moscow: Ecopros Publ.; 1993. (In Russ.).
8. Klyuchevsky VO. Course of Russian History: In 9 vols. Vol. 2. Part 2. Moscow: Mysl' Publ.; 1987. (In Russ.).
9. Lavrov SB. Testament of the great Eurasian. In: Gumilyov LN. From Russia to Russia: Essays on Ethnic History. Moscow: Iris Press; 2008. (In Russ.).
10. Lieven D. Russian Empire and its enemies from the 16th century to the present day. Moscow: Evropa Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Loginov AV. Russian idea in national spiritual searches (from the birth of Russia to the 19th century). Moscow: Russkiy put; 2020. (In Russ.).
12. Messages of Metropolitan Nicephorus. Moscow: IF RAS Publ.; 2000. (In Russ.).
13. Spiridonova VI. «Civilizational State» as a challenge to unipolar globalization. Century of Globalization. 2022;1:29-41. (In Russ.).
14. Stepun FA. Moscow — The Third Rome. Works. Moscow: Rosspen Publ. (In Russ.).
15. Trepavlov VV. «The White Tsar»: the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the 15th–18th centuries. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.; 2007. (In Russ.).
16. Toporov VN. Holiness and saints in Russian spiritual culture: In 2 vols. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia. Moscow: Gnosis, Languages of Russian Culture School Publ.; 1995. (In Russ.).
17. Trubetskoy NS. On the idea of the ruler of an ideocratic state. History. Culture. Language. Moscow: Progress Publ.; 1995. (In Russ.).
18. Feofanov KA. The concept of the «state-civilization» as a direction in the development of civilizational theory. Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2024;17(4):122-135. (In Russ.).
19. Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India. Journal of Indo-Pacific Affairs. 2021;4(3):93-125.
20. Therborn G. States, Nations, and Civilizations. Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021;14:225-242.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.014-023

СУДЕБНАЯ ДОКТРИНА И НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Лапаева Валентина Викторовна,
главный научный сотрудник сектора философии права, истории
и теории государства и права Института государства и права
Российской академии наук, доктор юридических наук
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
lapaeva07@mail.ru

© Лапаева В. В., 2026

Аннотация. В статье рассмотрена история формирования отечественной судебной доктрины и основанной на ней концепции конституционной идентичности России. Инициатором исследования данной тематики в отечественной теории права стал Конституционный Суд РФ, включивший соответствующее понятие в одно из постановлений. При этом, как отмечает Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин, важным импульсом для обращения к этой проблеме стали некоторые решения Европейского Суда по правам человека. В статье рассмотрено одно из таких решений, в котором, по мнению автора, особенно отчетливо высветилась уязвимость правовой позиции России как государства-ответчика, обусловленная неразработанностью судебной доктрины и научной концепции конституционной идентичности страны, а также недооценкой достижений отечественной философии права как научно-теоретической основы судебного толкования. Отдельное внимание уделено анализу аргументативного потенциала либертарно-юридического типа правопонимания, использование которого могло бы усилить правовую позицию России в данном споре, компенсировав отсутствие на тот момент надлежащей разработки проблематики национальной конституционной идентичности. Автор делает вывод о недостаточной нацеленности нашей теории права на своевременное выявление и теоретическое осмысление актуальных проблем правовой (в данном случае — конституционно-правовой) практики и о недооценке потенциала философии права как важного познавательного инструмента осмысления современных реалий и решения новых, нестандартных правовых проблем.

Ключевые слова: государство; право; теория права; философия права; либертарно-юридический тип правопонимания; конституционная идентичность; конституционный суд; правопонимание; судебная доктрина; концепция конституционной идентичности России

JUDICIAL DOCTRINE AND THE SCHOLARLY CONCEPT OF RUSSIA'S CONSTITUTIONAL IDENTITY: A HISTORICAL OVERVIEW

Valentina V. Lapaeva,

Dr. Sci. (Law), Chief Research Fellow, Sector of Philosophy of Law and History
and Theory of State and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

lapaeva07@mail.ru

Abstract. *The paper examines the history of the formation of the domestic judicial doctrine and the concept of Russia's constitutional identity developed on its basis. The author draws attention to the fact that the initiator of this issue within Russian legal theory was the Constitutional Court of the Russian Federation, which introduced the relevant concept in one of its rulings. As noted in his publications by the Chairman of the Constitutional Court, V.D. Zorkin, an important impetus for addressing this problem was provided by certain judgments of the European Court of Human Rights. The paper analyzes the judgment where, in the author's view, the vulnerability of Russia's legal position as the respondent state became particularly apparent. This vulnerability was preconditioned by the underdevelopment of both the judicial doctrine and the scholarly concept of the country's constitutional identity, as well as the underestimation of the achievements of Russian philosophy of law as a theoretical foundation for judicial interpretation. Special attention is devoted to the analysis of the argumentative potential of the libertarian-legal type of legal understanding, the application of which could have strengthened Russia's legal position in the dispute by compensating for the insufficient development at that time of the issue of national constitutional identity. The analysis conducted leads the author to conclude that Russian legal theory has been insufficiently oriented toward the timely identification and theoretical reflection of pressing issues in contemporary legal practice (in this case, constitutional jurisprudence), and that it has underestimated the potential of the philosophy of law as an important cognitive instrument for understanding modern realities and resolving new and non-standard legal problems.*

Keywords: *state; law; legal theory; philosophy of law; libertarian-legal type of legal understanding; constitutional identity; Constitutional Court; legal understanding; judicial doctrine; concept of Russia's constitutional identity*

Выходом из Совета Европы Россия перевернула очередную страницу своей правовой истории. Это повлекло в первую очередь денонсацию Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Меж тем по оценке Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, не стоит забывать о том, что участие в Конвенции «оказало определенное положительное влияние на развитие отечественной системы защиты прав человека». Правовой опыт, подчеркнул он, «следует анализировать и рационально использовать»¹. Опыт ЕСПЧ важен не только в практическом отношении, касающемся непосредственно правотворческой и правоприменительной деятельности: он представляет несомненный интерес и с точки зрения правовой теории. Особое его значение приобретет в контексте анализа тех решений ЕСПЧ против России, где позиция нашей страны не получила должного теоретико-правового и философско-правового обоснования.

Целесообразно рассмотреть весьма спорное решение ЕСПЧ, которое интересно тем, что оно достаточно ярко высветило уязвимость правовой позиции России как

¹ Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени: тезисы доклада на X съезде судей (29 ноября 2022 г.) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12932/?ysclid=mnejn0kjq773553562> (дата обращения: 30.01.2026).

государства-ответчика, обусловленную неразработанностью судебной доктрины и научной концепции конституционной идентичности страны и недооценкой значения типа правопонимания как философско-правовой основы толкования нормативных текстов. Речь идет о деле «К. Маркин против России», фактическая сторона которого сводится к следующему. К. А. Маркин — офицер, проходивший военную службу по контракту, после рождения третьего ребенка обратился к командованию с просьбой о предоставлении ему трехгодичного отпуска по уходу за ребенком наравне с женщинами-военнослужащими на том основании, что они с женой расторгли брак и достигли соглашения о проживании детей с отцом. После отказа в предоставлении такого отпуска и безуспешной попытке опротестовать его в гарнизонном и окружном военных судах он подал жалобы в Конституционный Суд РФ и в ЕСПЧ. Конституционный Суд РФ принял отказное определение по данному делу, а ЕСПЧ коммуницировал жалобу уже через три месяца после ее получения. Вскоре после этого командование воинской части предоставило К. А. Маркину отпуск сроком около двух лет (по достижении ребенком трехлетнего возраста). А в 2010 г. ЕСПЧ, рассмотрев дело на заседании первой Секции, вынес решение, согласно которому в отношении заявителя имело место неправомерное вмешательство со стороны публичных властей в осуществление право на уважение его личной и семейной жизни (нарушение ст. 8 Конвенции) в совокупности с дискриминацией по признаку пола (нарушение ст. 14). ЕСПЧ предписал России принять меры по внесению изменений в Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и иное соответствующее законодательство, чтобы закончить с «дискриминацией в отношении военнослужащих мужского пола в том, что касается их права на отпуск по уходу за ребенком»². В ответ российская сторона выступила с обращением о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату ЕСПЧ. Это обращение было удовлетворено и в 2012 г. Большая Палата вынесла решение, в котором подтвердила наличие дискриминации К. А. Маркина по признаку пола, присудила истцу небольшую материальную компенсацию, однако сняла предписание о внесении изменений в российское законодательство.

Инициатором постановки проблематики конституционной идентичности в отечественной теории права стал Конституционный Суд РФ. Как отмечает в своих публикациях Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин, именно дело К. А. Маркина побудило судей обратиться к анализу накопленного к тому времени опыта ряда европейских государств по разработке национальных судебных доктрин и научных концепций конституционной идентичности³. К сожалению, это далеко не первый случай в новейшей правовой истории страны, когда наиболее актуальные и практически значимые проблемы правовой теории не привлекали внимания юридической науки без импульса со стороны Конституционного Суда РФ.

Правда, первое упоминание о конституционной идентичности России в постановлении Конституционного Суда РФ было связано с реакцией представителей российских органов государственной власти на решение ЕСПЧ по другому делу, касающемуся запрета активного избирательного права лиц, находящихся в местах лишения свободы⁴. Отвечая на мотивированный этим делом запрос со стороны депутатов Государственной Думы РФ, в 2015 г. Конституционный Суд РФ ввел в постановление понятие конституционной идентичности как соответствия «внутригосударственным нормам о фундаментальных правах, а также гарантирующих эти

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012 (Большая Палата). Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (Жалоба № 30078/06) // СПС «Гарант».

³ Зорькин В. Д. Конституция РФ — правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. 2018. № 12. С. 13.

⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013. Дело «Анчугов и Гладков (Anchugov and Gladkov) против Российской Федерации» (жалоба № 11157/04 и 15162/05) // СПС «Гарант».

права норм об основах конституционного строя»⁵. Однако именно дело К. А. Маркина заставило судей этой высшей судебной инстанции нашей страны (а вслед за ними и представителей научного юридического сообщества) всерьез задуматься о соотношении юридической силы Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод в контексте проблематики конституционной идентичности.

Сегодня целый ряд работ посвящен смысловому наполнению термина «конституционная идентичность»⁶, анализируются внутриправовая и внешнеправовая функции судебной доктрины конституционной идентичности⁷, рассматриваются причины и условия возникновения, а также направления развития соответствующего дискурса в российском праве, дается его общая характеристика и анализ методологического значения разработки проблематики конституционной идентичности для поиска новых подходов к согласованию национального и международного права⁸, раскрываются правовые основания включения принципа уважения национальной идентичности государств-членов в учредительных актах ЕС⁹, анализируются различные интерпретации конституционной идентичности в праве государств — членов ЕС¹⁰, описывается зарубежный опыт формирования судебных доктрин конституционной идентичности и дается сравнительно-правовой анализ в фокусе проблематики конституционной идентичности интеграционных процессов на европейском пространстве и в рамках ЕАЭС¹¹.

При всем значении разработки указанных конституционно-правовых аспектов данной проблематики в настоящее время на первый план выходят иные ее грани, связанные с более общим понятием цивилизационной идентичности России, о чем свидетельствует, в частности, включение в 2023 г. понятия государства-цивилизации в национальную Концепцию внешней политики¹². Закрепление данного понятия в программно-стратегическом документе, ориентированном на внешний контур, предполагает, что концепция цивилизационной идентичности России должна не только отражать ее национальную специфику, но и придавать этой специфике общезначимый, т.е. правовой (основанный на правовом принципе формального равенства), характер, который только и может иметь общечеловеческое значение в системе глобальных отношений в силу его непосредственной связанности с природой человека как разумного существа, обладающего свободой воли. Отсюда следует новое предназначение разработки научной проблематики конституционной идентичности, которая в современных условиях должна составить правовую

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”...» // СПС «Гарант».

⁶ См.: *Аничкин Е. С., Ряховская Т. И.* «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.

⁷ *Шустров Д. Г.* Конституционная идентичность и изменение Конституции // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2020. № 4. С. 28.

⁸ См.: *Грачева С. А.* Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 52–64.

⁹ См.: *Васильева Т. А.* Принцип уважения национальной идентичности государств — членов ЕС: проблемы интерпретации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6. С. 9–12.

¹⁰ См.: *Васильева Т. А.* Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского Союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 2. С. 32–54.

¹¹ См.: *Блохин П. Д.* Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 6. С. 62–81.

¹² Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «Гарант».

основу более общей концепции России как государства-цивилизации. Ее формирование — актуальная задача отечественной теории права, имеющая существенную философско-правовую составляющую, которая связана с учетом цивилизационных особенностей страны при определении правовых ориентиров ее развития в сложных реалиях XXI в. Разработка такой концепции российской цивилизационной идентичности невозможна в отрыве от правотворческой и правоприменительной работы по наполнению правовым смыслом этих ориентиров, раскрывающему содержанием конституционно-правовых норм, характеризующих Россию как демократическое федеративное правовое и социальное государство, в контексте и с учетом новых социально-правовых реалий.

Одно из наиболее интересных, значимых и явно недооцененных направлений возможного влияния дела К. А. Маркина на развитие отечественной теории права связано анализом того, на каком типе правопонимания основывалась позиция судей ЕСПЧ и какие недоработки в сфере правопонимания затруднили российской стороне выработку более убедительной правовой позиции. Далее мы рассмотрим этот правовой спор с точки зрения либертарно-юридического типа правопонимания, для которого право — нормативное выражение сущностного принципа формального равенства как триединства равной меры, свободы и справедливости¹³, и попытаемся показать, что опора на данную научную парадигму позволила бы российской стороне выстроить более доказательную правовую аргументацию.

Прежде всего надо отметить тот факт, что почти никто из отечественных юристов не оспаривал наличие в деле К. А. Маркина гендерной дискриминации. Для приверженцев упрощенного варианта легистской версии юридического позитивизма было вполне достаточным факта текстуальных расхождений между ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенции), где говорится о запрете «какой бы то ни было дискриминации по признаку пола», и нормами Федерального закона «О статусе военнослужащих», закрепляющего различия между мужчинами и женщинами в вопросе об отпуске по уходу за ребенком. Сторонников социологического варианта юридического позитивизма устраивал принцип европейского консенсуса как формы социальной легитимации сложившейся практики, к которому апеллировал ЕСПЧ. А остальные юристы, заинтересовавшиеся этим делом, подпадали под идейное влияние ценностных установок морального характера, которые Европейский Суд сформулировал так:

- «Достижение равенства полов является сегодня одной из основных целей в государствах — членах Совета Европы» (§ 47 постановления первой Секции ЕСПЧ);
- «Конвенция не останавливается у ворот армейских казарм» (§ 136 постановления Большой Палаты ЕСПЧ).

Что же касается судей Страсбургского суда, то решения по делу К. А. Маркина они основывали на принципе европейского консенсуса, достигнутого в конечном итоге по двум указанным выше идейным установкам. Правда, судьи признавали, что Конвенция допускает возможность различий в отношении отпуска по уходу за ребенком, если предоставление мужчинам отпуска наравне с женщинами создаст «реальную угрозу боеспособности вооруженных сил»¹⁴. При наличии такой угрозы соответствующее различие по гендерному признаку в обращении с военнослужащими не может быть признано дискриминацией по смыслу ст. 14 Конвенции. Однако поскольку российская сторона, как отмечено в обоих постановлениях ЕСПЧ по данному делу, не предоставила убедительных аргументов (экспертных заключений, результатов социологических и статистических исследований, обосновывающих возможность реальной угрозы боеспособности армии), постольку Суд сделал вывод о наличии дискриминации при предоставлении военнослужащим отпуска по уходу за ребенком.

¹³ См.: *Нерсесянц В. С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

¹⁴ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012 (Большая Палата). Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (Жалоба № 30078/06) // СПС «Гарант».

Более того, в своем первом постановлении по данному делу ЕСПЧ даже указал на необходимость внести соответствующие изменения в российское законодательство.

Понимая, что ссылок на необоснованность позиции стороны-ответчика по единичной жалобе явно недостаточно для вывода о необходимости принятия Россией мер общего характера (такого рода предписания ЕСПЧ обычно делает в рамках пилотных постановлений при наличии хотя бы нескольких подобных жалоб), в своем первом решении по данному делу судьи попытались усилить эти аргументы наличием европейского консенсуса уже прочно вошедший в практику ЕСПЧ, а также сравнительно-правовое исследование законодательства государств — участников Конвенции. Однако это исследование никак не подтверждало занятую ЕСПЧ правовую позицию: согласно его результатам, в шести государствах отпуск по уходу за ребенком предоставляется лишь женщинам-военнослужащим, а еще в трех государствах мужчины-военнослужащие могли получить такой отпуск лишь в исключительных случаях. При этом во всех государствах отпуск был значительно менее трех лет. Ввиду явного отсутствия консенсуса по данному вопросу ЕСПЧ и сделал главный акцент на наличии консенсуса в предоставлении равного отпуска по уходу за ребенком для родителей обоюбого пола, отметив, что такой равный отпуск предусмотрен в «законодательстве абсолютного большинства европейских государств». Таким образом, ЕСПЧ подменил предмет спора и в своем первом постановлении принял решение, исходя из наличия консенсуса по поводу абстрактных положений о гендерном равенстве, добавив к нему в постановлении Большой Палаты не менее абстрактный тезис о том, что «военнослужащие, как и все другие лица под юрисдикцией стран-участниц имеют право на защиту в соответствии с Конвенцией»¹⁵.

В итоге в решениях по делу К. А. Маркина ЕСПЧ, по сути, исходил лишь из принципа европейского консенсуса по поводу ценностных установок, которым придавалось значение своего рода высших моральных императивов. При этом в мотивации судей причудливым образом сплелись два разных типа правопонимания — непозитивистский естественно-правовой подход, основанный на отождествлении права и морали (что выразилось в ориентации на указанные выше ценности), и позитивистский социологический подход к пониманию права, для которого право выражает содержание фактически сложившихся норм поведения, получивших социальную легитимацию и доказавших регулятивную эффективность (что вытекает из признания европейского консенсуса в качестве главного основания для принятия судебного решения). В. Д. Зорькин охарактеризовал этот подход к пониманию права как социологизированную версию юснатурализма¹⁶, которой присущи недостатки каждого из этих двух типов правопонимания. В рассматриваемом деле недостатки, связанные с применением принципа европейского консенсуса, проявились, как мы покажем далее, весьма наглядно.

С теоретической точки зрения принцип европейского консенсуса по поводу моральных ценностей отнюдь не является бесспорным и до сих пор составляет предмет серьезных дискуссий. На одном полюсе этих дискуссий выделяется позиция бывшего судьи Страсбургского суда А. Нусбергер, согласно которой принцип европейского консенсуса, составляющий философскую основу деятельности Суда, способствует восполнению дефицита демократической легитимности судебсого правотворчества, осуществляемого на наднациональном уровне¹⁷. Оппоненты такого подхода, рассматривающие ситуацию с точки правовой демократии с ее ориентацией на защиту прав меньшинств, справедливо отмечают, что сам по себе принцип консенсуса лишь «закрепляет преобладающие в Европе взгляды, не объясняя, почему позиция

¹⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 22.03.2012 (Большая Палата). Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации».

¹⁶ Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М. : Норма, Инфра-М, 2016. С. 178–179.

¹⁷ См.: Нусбергер А. Консенсус как элемент аргументации Европейского Суда по правам человека // Международное правосудие. 2013. № 1. С. 17–22.

большинства в конкретной ситуации не является репрессивной или неправовой»¹⁸, и что при принятии судебного решения следует отдавать приоритет поиску справедливости в контексте всех фактических обстоятельств дела, а не предписывать меньшинству позицию большинства. На наш взгляд, дело К. А. Маркина служит хорошей иллюстрацией правоты данной позиции.

Проанализируем дело К. А. Маркина с точки зрения либертарно-юридического типа правопонимания, ориентированного как раз на такой на поиск справедливого решения в контексте учета всех значимых аспектов реальной ситуации с позиции правового принципа формального равенства, и попытаемся на этой основе хотя бы постфактум усилить аргументацию российской стороны. Оставим без внимания претензии по поводу того, что российская сторона не предоставила результаты экспертных оценок и исследований, подтверждающих наличие угрозы боеспособности вооруженных сил (заметим лишь, что в мирное время подобные оценки и исследования в значительной мере лишены смысла, а в условиях военного времени их проводить уже поздно). Не будем учитывать также и то, что длительность трехгодичного отпуска, предоставляемого российским женщинам по уходу за ребенком, существенно превышает аналогичные отпуска в других странах и что для России это не устаревший «гендерный стереотип», а результат учета всё еще во многом патриархальных установок массового сознания россиян¹⁹. И даже проигнорируем тот факт, что ЕСПЧ в качестве основания для решения сослался на консенсус по вопросу, не относящему к предмету спора: будем считать, что все остальные участники Конвенции достигли не просто консенсуса, но полного согласия в вопросе о том, что боеспособность государства не зависит от наличия и продолжительности отпуска по уходу за ребенком у мужчин, проходящих военную службу по контракту. Рассмотрим лишь предмет спора в деле К. А. Маркина в фокусе либертарно-юридического подхода, т.е. с точки зрения принципа формального равенства как критерия поиска правового решения данного спора.

Прежде всего здесь надо обратить внимание на один важный момент. Если бы ЕСПЧ рассматривал жалобу К. А. Маркина без ссылок на европейский консенсус, то речь шла бы о споре, суть которого выражена формулировкой «Маркин против России» и предметом которого является вопрос о правомерности ограничения права К. А. Маркина как военнослужащего на соответствующий отпуск в сравнении с женщинами-военнослужащими с учетом его конкретной жизненной ситуации. Однако, положив в основание решения европейский консенсус, ЕСПЧ перевел этот спор в плоскость более общих разногласий между Россией и остальными государствами — членами Совета Европы в вопросе об условиях их равной безопасности, которая обеспечивается за счет боеспособности вооруженных сил, рассматриваемой в аспекте взаимосвязи между уровнем боеспособности и возможностью предоставления соответствующего отпуска мужчинам, проходящим военную службу по контракту. А в фокусе такого взгляда на ситуацию высвечиваются два момента, существенные для характеристики фактической стороны дела:

- в споре России противостояли страны, входящие в недружественный военный блок;
- данные страны на тот момент могли бы достичь любого согласия по поводу гендерных, семейных и прочих прав военнослужащих, поскольку их безопасность гарантировалась вооруженными силами США²⁰ как ключевого участника блока НАТО.

¹⁸ *Branda E. Minority Rights between the European Consensus // Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. URL: <https://rwi.lu.se/blog/minority-rights-between-the-european-consensus/> (дата обращения: 30.01.2026).*

¹⁹ См.: *Щетина Е. Д., Грицких Н. В., Киселев Ю. А. Стереотипы патриархального общества в современном мире // Социология. 2023. № 1. С. 106–117.*

²⁰ США — единственная экономически развитая страна, где не приняты законы, гарантирующие оплачиваемый отпуск по беременности и родам. См.: *Pinsker J. Parental Leave Is American Exceptionalism at Its Bleakest // The Atlantic. 2021. 9 November.*

Если бы ЕСПЧ выступал как объективный арбитр, он должен был бы в решении учесть отсутствие изначального равенства сторон данного правового спора.

Помимо продемонстрированной в деле К. А. Маркина проблемы ограниченного действия принципа европейского консенсуса (ссылка на который в данном деле была явно не уместна ни с формальной, ни с содержательной точек зрения), в нем хорошо просматривается и иной дефект сложившейся практики наднационального правосудия в сфере защиты прав человека, связанный с ограничением круга субъектов, чьи интересы берутся в расчет при решении того или иного правового спора, а также с недостаточным учетом обстоятельств, влияющих на позицию сторон этого спора. На это обратил внимание, в частности, Председатель Конституционного суда ФРГ Х.-Ю. Папир в контексте нашедшего в свое время дела «Гёргюлю против Германии», которое стало триггером для формирования феномена так называемого «принципиального сопротивления», связанного с нежеланием высших судов государств — членов Совета Европы исполнять решения ЕСПЧ со ссылкой на приоритет внутреннего права или иные препятствия, существующие на уровне внутреннего порядка²¹. Выступая на конференции в Москве, Х.-Ю. Папир отметил, что ЕСПЧ, разрешая двусторонние конфликты между частными лицами и государствами, не всегда учитывает позиции иных заинтересованных лиц, которые не являются участниками процесса, и что в подобных ситуациях задача национального суда заключается в том, чтобы приспособить решение ЕСПЧ к многополюсному правовому отношению и обеспечить максимально взвешенный учет всех интересов.

Исключительно важная идея защиты прав человека в его противостоянии государственной машине не должна входить в противоречие с защитой иных прав человека, актуализированных соответствующим правовым спором. Ведь такое противоречие идет вразрез с правовым принципом формального равенства, получившим закрепление в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». В контексте дела К. А. Маркина важно отметить: содержание ст. 17 Конституции РФ, гарантирующей прирожденный и неотчуждаемый характер основных прав и свобод человека, должно толковаться в непосредственной связи с ч. 3 ст. 55, закрепляющей основания и пределы ограничения конституционных прав человека, в том числе и положение о том, что эти права могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в том числе для обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Анализ решения ЕСПЧ по делу «К. Маркин против России» позволяет на частном примере достаточно наглядно высветить некоторые существенные и нерешенные до сих пор проблемы современной российской теории права, заслуживающие внимания специалистов. Это недостаточная нацеленность нашей теории права, тяготеющей преимущественно к анализу юридико-догматической проблематики, на своевременное выявление и теоретическое осмысление актуальных проблем современной правовой практики и, недооценка потенциала философии права — важного познавательного инструмента осмысления современных реалий и решения принципиально новых, нестандартных правовых проблем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 446. — С. 196–201.
2. Блохин П. Д. Судебная доктрина конституционной идентичности: генезис, проблемы, перспективы // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 6. — С. 62–81.

²¹ См.: Толстых В. Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 79–89.

3. Васильева Т. А. Принцип уважения национальной идентичности государств — членов ЕС: проблемы интерпретации // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 6. — С. 9–12.
4. Васильева Т. А. Суд ЕС и конституционные суды государств — членов Европейского Союза в поисках конституционной идентичности // Труды Института государства и права РАН. — 2019. — № 2. — С. 32–54.
5. Грачева С. А. Развитие концепта конституционной идентичности в связи с поиском подходов к разрешению конвенционно-конституционных коллизий и конфликтов // Журнал российского права. — 2018. — № 9. — С. 52–64.
6. Зорькин В. Д. Конституция РФ — правовая основа интеграции российского общества // Государство и право. — 2018. — № 12. — С. 5–17.
7. Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени: тезисы доклада на X съезде судей (29 ноября 2022 г.) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. — URL: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12932/?ysclid=mnejn0kjq773553562> (дата обращения: 30.01.2026).
8. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. — М. : Норма, Инфра-М, 2016. — 415 с.
9. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. — 2002. — № 3. — С. 3–15.
10. Нуссбергер А. Консенсус как элемент аргументации Европейского Суда по правам человека // Международное правосудие. — 2013. — № 1. — С. 17–22.
11. Толстых В. Л. «Принципиальное сопротивление» решениям Европейского Суда по правам человека в свете критической теории // Международное правосудие. — 2018. — № 1. — С. 79–89.
12. Шустров Д. Г. Конституционная идентичность и изменение Конституции // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2020. — № 4. — С. 21–49.
13. Щепина Е. Д., Грицких Н. В., Киселев Ю. А. Стереотипы патриархального общества в современном мире // Социология. — 2023. — № 1. — С. 106–117.
14. Branda E. Minority Rights between the European Consensus // Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. — URL: <https://rwi.lu.se/blog/minority-rights-between-the-european-consensus/> (дата обращения: 30.01.2026).
15. Pinsker J. Parental Leave Is American Exceptionalism at Its Bleakest // The Atlantic. — 2021. — 9 November.

REFERENCES

1. Anichkin ES, Ryakhovskaya TI. «Constitutional identity»: to the question of concretization of the term. *Tomsk State University Bulletin*. 2019;446:196-201. (In Russ.).
2. Blokhin PD. The judicial doctrine of constitutional identity: genesis, problems, prospects. *Comparative Constitutional Review*. 2018;6:62-81. (In Russ.).
3. Vasilyeva TA. The principle of respect for the national identity of EU member states: problems of interpretation. *Constitutional and Municipal Law*. 2017;6:9-12. (In Russ.).
4. Vasilyeva TA. EU Court and constitutional courts of the member states of the European Union in search of constitutional identity. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019;2:32-54. (In Russ.).
5. Gracheva SA. Development of the concept of constitutional identity in connection with the search for approaches to resolving convention-constitutional conflicts and conflicts. *Journal of Russian Law*. 2018;9:52-64. (In Russ.).
6. Zorkin VD. The Constitution of the Russian Federation is the legal basis for the integration of Russian society. *State and Law*. 2018;12:5-17. (In Russ.).
7. Zorkin VD. Judicial power before the challenges of the time: theses of the report at the X Congress of Judges (November 29, 2022). Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. (In Russ.). Available at: <https://www.ksrf.ru/information/speech/12932/?ysclid=mnejn0kjq773553562> (Accessed 30.01.2026).

8. Zorkin VD. Civilization of law and development of Russia. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).
9. Nersesyants VS. Philosophy of law: libertarian-legal concept. *Voprosy filosofii*. 2002;3:3-15. (In Russ.).
10. Nussberger A. Consensus as an element of the argument of the European Court of Human Rights. *International Justice*. 2013;1:17-22. (In Russ.).
11. Tolstoy VL. «Fundamental resistance» to the decisions of the European Court of Human Rights in the light of critical theory. *International Justice*. 2018;1:79-89. (In Russ.).
12. Shustrov DG. Constitutional identity and amendment of the Constitution. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2020;4(28):21-49. (In Russ.).
13. Shchepina ED, Gritskikh NV, Kiselev SA. Stereotypes of patriarchal society in the modern world. *Sociology*. 2023;1:106-117. (In Russ.).
14. Branda E. Minority Rights between the European Consensuses. Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. Available at: <https://rwi.lu.se/blog/minority-rights-between-the-european-consensus/> (Accessed 30.01.2026). (In Russ.).
15. Pinsker J. Parental Leave Is American Exceptionalism at Its Bleakest. *The Atlantic*. 9 November 2021.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.024-037

ГЕРОИЧЕСКИЙ МИФ МЕМОРИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Скоробогатов Андрей Валерьевич,

профессор кафедры теории государства и права
и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета
имени В.Г. Тимирязова, доктор исторических наук, доцент
420101, Россия, г. Казань, Московская ул., д. 42
av.skorobogatov@mail.ru

© Скоробогатов А. В., 2026

***Аннотация.** В статье представлена авторская концепция роли героического мифа мемориального законодательства в конструировании фреймов исторической памяти в России. На основе комплексного философско-правового исследования российского законодательства сделан вывод, что нормативно выраженный героический миф имеет дихотомичную правовую природу. С одной стороны, он эксплицирует коллективные представления о героическом прошлом; с другой стороны, он призван сконструировать фреймы исторической памяти, необходимые для поддержания гражданской идентичности и национальной безопасности. Поэтому большое внимание уделяется принципам отбора мемориализуемых исторических личностей, детерминированным ценностными установками политической элиты, внешним выражением которых являются акты стратегического планирования. Исторический мартиролог понимается автором как перечень номинированных в тексте законов о памяти ключевых исторических личностях, являющихся объектами коммеморации и глорификации. Включению в него подлежат лишь лица, которые совершили воинский и (или) трудовой подвиг ради интересов всего общества. Однако мемориализации подлежат не только номинированные личности, но и социальные группы, действия которых носили героический характер и повлияли на обеспечение национальной безопасности в прошлом. Включение имени исторической личности или персонифицированного мнемонического номинатива в текст нормативного правового акта выполняет ряд взаимосвязанных функций: мемориализация исторической личности, конституирование образа исторической личности, конструирование пространства памяти, воспитательная, организаторская функции, поддержание гражданской идентичности, обеспечение национальной безопасности. Автор на примерах доказывает, что эксплицированный в мемориальном законодательстве героический миф имеет большое значение для поддержания национальной безопасности и гражданской идентичности в России.*

Ключевые слова: мемориальное законодательство; правовой миф; героический миф; историческая личность; аксиология права; исторический мартиролог

THE HEROIC MYTH OF COMMEMORATIVE LEGISLATION

Andrey V. Skorobogatov,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines; Kazan Innovation University named

after V. G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

av.skorobogatov@mail.ru

Abstract. *The paper presents the author's conception of the role of the heroic myth of commemorative legislation in constructing frames of historical memory in Russia. On the basis of a comprehensive philosophical and legal study of Russian legislation, the author concludes that the normatively articulated heroic myth has a dichotomous legal nature. On the one hand, it makes explicit collective representations of the heroic past. On the other hand, it is intended to construct frames of historical memory necessary to sustain civic identity and national security. Accordingly, considerable attention is devoted to the principles governing the selection of historical figures to be memorialized, which are determined by the value orientations of the political elite, the external manifestation of which is found in strategic planning acts. Inclusion in the historical martyrology, understood by the author as the list of key historical figures identified in the text of commemorative laws as objects of commemoration and glorification, is limited to persons who performed a military and/or labor feat in the interests of society as a whole. At the same time, memorialization extends not only to specifically named individuals but also to certain social groups whose actions were heroic in character and contributed to the protection of national security in the past. The inclusion of the name of a historical figure or of a non-personified mnemonic nominative in the text of a normative legal act performs a number of interrelated functions: memorialization of the historical figure, constitution of the image of the historical figure, construction of a space of memory, educational and organizational functions, maintenance of civic identity, and the safeguarding of national security. Through specific examples, the author demonstrates that the heroic myth articulated in memorial legislation is of great significance for maintaining national security and civic identity in Russia.*

Keywords: *commemorative legislation; legal myth; heroic myth; historical personality; axiology of law; historical martyrology*

Развитие современной России, особенно после конституционных новелл 2020 г., характеризуется усилением ценностного начала всех сторон социальной жизни. Одним из направлений аксиологизации стало нормативное закрепление значения традиционных духовно-нравственных ценностей в поддержании национальной безопасности. Особое место в этом процессе отводится исторической памяти как одной из традиционных ценностей. Хотя законодательный интерес к сохранению отдельных фреймов исторической памяти получил распространение еще с середины 1990-х гг., только принятые в последнее время Указы Президента РФ включили охрану исторической правды в общий контекст обеспечения национальной безопасности. Мемориализация всё больше приобретает системный характер. Государство выстраивает прошлые события в причинно-следственный ряд, который призван показать его преемственность с предшествующими формами социального бытия. Прежде всего речь идет об освоении и последующем использовании героического наследия предков. Обращение именно к славному прошлому необходимо для оправдания существования государства и нации и извлечения положительного опыта из прошлого.

Активную роль в этом процессе играет законодательство, не только конструирующее официальный исторический нарратив, но и воздействующее на содержание, трансляцию, интерпретацию и репрезентацию информации о ключевых исторических фактах в обществе. Опираясь на социальные представления о прошлом,

государство правовыми средствами конструирует фреймы исторической памяти, стремясь включить в них те образы, которые способны воздействовать на формирование патриотического сознания и поведения не только российских граждан, но и всего русского мира. Эти фреймы не представляют собой лишь экспликацию исторического прошлого. Напротив, речь идет о создании социального конструкта, ориентированного на настоящее и будущее и призванного обеспечить поступательное развитие и эффективное функционирование российской цивилизации. Этот конструкт не обязательно должен представлять собой рациональное видение истории и социального опыта предков. Он может носить мифологический характер, отражая эстетические представления общества о справедливости¹. Благодаря мифологичности, социальные конструкты имеют большую степень воздействия на сознание и поведение человека, поскольку ориентируются не только на рациональное восприятие исторического знания, но и на эмоциональную рефлексию представлений о прошлом, бытующих в определенном социуме и транслируемых неофитам в процессе социализации.

Важнейшим направлением социального конструирования фреймов исторической памяти является создание и нормативное закрепление эталонов правомерного поведения, в качестве которых выступают действия исторических личностей. Культ предков и сакрализация героических побед имеют существенное значение для формирования патриотизма как ценностной основы национальной безопасности, поскольку именно на них основывается общественное убеждение в величии своего государства и нации. Глорификация прошлого также оправдывает стремление сохранить или возродить такое состояние в будущем. Даже память о трагическом прошлом может иметь не виктимный характер, а героическо-патриотический, если речь идет о жертве как подвиге во имя общества².

Национальная идея, в которой инструментально вспоминаются выдающиеся деятели прошлого, приобрела в России черты гражданской религии. Важнейшими элементами этой религии являются использование символов и ритуалов в коммеморативных практиках, порядок осуществления которых урегулирован нормативно, и законодательное признание традиционных ценностей в качестве основы конституционной идентичности. В наибольшей степени эта идея эксплицирована в категории патриотизма, который основан на архетипах соборности и этатизма и традиционно является интегральным компонентом социального развития России. В прошлом идея гражданской религии находила свое выражение в институциональной и персональной сакрализации правителя³. В современном российском обществе сакрализации прежде всего подвергаются места, события и герои, которые связаны с Великой Отечественной войной, хотя это и не является константой. В указах Президента РФ мемориального характера можно встретить упоминания лиц, подвиги которых связаны с другими периодами в истории нашей страны. Однако действия всех этих лиц объединяет их значимость для обеспечения национальной безопасности и поддержания конституционной идентичности.

Нормативно зафиксированное имя исторической личности одновременно выполняет функцию знака и обозначения, поскольку служит для напоминания о человеке посредством обращения к его деятельности и пространственно-временному континууму, в пределах которого происходила жизнь этого лица. Однако такой знак ориентирован не только на рациональное, но и на эмоциональное восприятие. В этом смысле государство, включаясь в процесс исторической номинации, хотя и опирается на историческую память общества, но выступает активным субъектом правовой коммуникации, обращаясь в законодательстве к именам тех исторических

¹ Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература. М. : Проспект, 2016. С. 3.

² Трофимова А. В. Общечеловеческая и историческая семантика подвига // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 50.

³ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. М. : Наука, 1987. С. 47–153.

личностей, которые отвечают интенциональности ценностных ориентаций политической элиты.

Образ исторического лица составляет основу процесса intersubъективной коммуникации, поскольку делает возможным диалог, который может вестись разнонаправленно: горизонтально и вертикально, синхронно и асинхронно. Во-первых, наличие в синхронной коммуникации исторических примеров, воспринимаемых с позиций авторитета предков, придает позиции одной из сторон большую степень аргументированности и позволяет обеспечить взаимодействию вертикальный характер. Во-вторых, обращаясь к жизни и деятельности исторической личности и воспринимая их в качестве эталона правомерного поведения, индивид тем самым ведет незримый диалог с прошлым, вводя его в настоящее не только в качестве символа, но и как реальность. Благодаря законодательно закрепленным фреймам исторической памяти, историческая личность приобретает подобие посмертной жизни. В-третьих, благодаря включению исторического имени в текст закона диалог с прошлым не только формализуется и приобретает характер вертикальной коммуникации, но и становится ценностной основой конструирования официального и социального исторического нарратива. В-четвертых, перформативный характер коммеморативных практик делает диалог с прошлым не только вербальным, но и визуально-искусственным средством трансформации социальной реальности.

Целью законодательной мемориализации является не столько сохранение памяти о жизни и деятельности реального человека, сколько создание идеального образа, который может быть в последующем использован в качестве эталона правомерного поведения. При этом потенциально каждый гражданин имеет право принять участие в процессе мемориализации, что особенно широко проявляется в условиях расширения цифровизации социальной реальности. Формализация результатов социальной мемориализации в законодательстве обеспечивает создание особого механизма трансляции мнемонической информации и обеспечивает устойчивую связь государства и общества ретроспективными средствами. Тем самым обеспечивается легитимность мемориальной политики государства⁴ как в целом, так и относительно отдельных исторических лиц, подлежащих коммеморации и глорификации. Особенно это касается юбилейных указов Президента РФ, в которых, с одной стороны, подчеркивается вклад конкретной личности в историю российского общества, культуры или государства, а с другой — это эксплицирует признание государством вклада в историю лиц, сохранившихся в памяти общества. Так, в Указе Президента РФ «О праздновании 250-летия со дня рождения Н. М. Карамзина»⁵ не только демаркирована интенциональность интерпретации его деятельности путем указания его статуса в коллективной памяти как писателя и историка и выдающегося вклада в отечественную культуру, но и определены направления участия органов публичной власти в коммеморативных мероприятиях. Последнее призвано подчеркнуть соучастие публичной власти не только в сохранении исторической информации, но и в ее репрезентации.

Объектом законодательной мемориализации выступает не сама историческая личность, а ее образ. При этом речь идет не только о номинации объектов мемориализации, но и об определении форм их коммеморации и глорификации. Восприятие этих лиц в качестве ключевых исторических фигур, происходящее в сознании индивида и общества, выступает частью процесса конституционной идентификации. Как правило, в тексте нормативных правовых актов дается лишь краткая информация о мемориализуемом лице, включающая дату его рождения, полную номинацию и в обобщенном виде его вклад в развитие не только российской, но и мировой цивилизации. Во-первых, этой информации достаточно для демаркации места исторической личности в коллективной памяти. Во-вторых, поскольку процесс законодательной

⁴ Галицкая К. А. Политика национальной памяти как технология легитимации власти // Дискурс-Пи. 2021. № 1 (42). С. 48–61.

⁵ Указ Президента РФ от 23.08.2010 № 1052 «О праздновании 250-летия со дня рождения Н. М. Карамзина» // СЗ РФ. 2010. № 35. Ст. 4546.

мемориализации эксплицирует социальное конструирование исторической памяти, то он не только опирается на информацию и оценку исторической личности в социальной среде, но и может рассматриваться в качестве аллюзии на фольклорные и литературные источники, посвященные жизни и деятельности этой фигуры, бытующие в обществе.

Выбор лиц, подлежащих мемориализации и коммеморации в значительной степени детерминирован политическим курсом и ценностными ориентациями политической элиты, и может служить не только о напоминании или воспоминании об отдельных исторических личностях. Включение исторической фигуры в публичное пространство выступает как знаком ее признания и вознаграждения, так и признанием этого образа в формировании конституционной идентичности и национальной безопасности. При этом происходит отказ от профанной сущности мемориализуемой фигуры, ее переход на сакральный уровень. Формализация личности и деятельности индивида в мемориальном законодательстве дистанцирует его фигуру от социальной реальности и придает ей трансцендентный характер, позволяющий использовать ее не только номинально, но символически.

В силу господствующего в России патриотического мнемонического правового режима номинации в законодательстве подлежат прежде всего лица, деятельность которых может выступать эталоном, что обуславливает преимущественно глорификационный характер их коммеморации. Выбор объектов мемориализации может определяться как биографическими, так и просопографическими аргументами.

В первом случае объект носит номинированный характер. Точно обозначается информация о его личности и личном вкладе в развитие и функционирование государства, общества и культуры. Например, в Указе Президента РФ от 23.06.2014 № 448 «О праздновании 800-летия со дня рождения князя Александра Невского» отмечены его особые заслуги в укреплении единства российского народа и значение его личности для сохранения военно-исторического и культурного наследия.

Во втором случае речь идет о неперсонализированном объекте, представляющем собой совокупность лиц, обладающих одним правовым статусом, деяния которых в равной степени подлежат коммеморации. Поминовению при этом подлежат как отдельные лица, входящие в группу, так и вся номинальная группа. Так, предусмотренный законодательством почетный караул у могилы Неизвестного солдата является элементом коммеморации как отдельных военнослужащих, погибших при защите Родины, в том числе тех, чье имя осталось неизвестным, так и всех лиц, обладавших правовым статусом военнослужащих, которые погибли в период Великой Отечественной войны. Однако главным при их коммеморации является не факт их гибели, не их личность, а совершенный ими подвиг, жертва во имя интересов общества и государства⁶ как нравственный императив российской цивилизации.

Жизнь и деяния этих лиц не только становятся частью образа прошлого, но и выступают в качестве образца правового поведения, воспроизводство которого гарантирует современному человеку правомерность его деяний. Хотя в мемориальном законодательстве биографии мемориализованных лиц не раскрываются, существует корреляция между мнемоническим дискурсом и дисциплиной «История России», которая является обязательной в системе высшего образования и социализации российских граждан и конкретизирует нормативные положения мемориального характера, в том числе касающиеся биографий мемориализованных лиц.

Транслируя историческую информацию, законодательство ретроспективными средствами обеспечивает легитимность правящего режима и эффективность его взаимодействия с обществом. Примером может служить присвоение почетных имен российским аэропортам⁷, которое стало результатом Общенационального конкурса «Великие имена России», проводившегося по инициативе Русского географического

⁶ О культе «неизвестного солдата» см.: *Inglis K. S. Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad // History and Memory. 1993. Vol. 5. No. 2. P. 7–31.*

⁷ Указ Президента РФ от 31.05.2019 № 246 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» // СЗ РФ. 2019. № 22. Ст. 2796.

общества, Общества русской словесности, Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества, поддержанной Общественной Палатой РФ⁸.

Несмотря на то что законодательная мемориализация носит ситуативный характер и отсутствует единый нормативный правовой акт, содержащий перечень всех лиц, подлежащих коммеморации, рассмотрение мемориального законодательства в качестве интертекста позволяет реконструировать и систематизировать такой список в исследовательских целях. Для обозначения такого списка ключевых исторических личностей, включенных в текст законов о памяти и в силу этого подлежащих коммеморации и глорификации, мы предлагаем использовать термин «исторический мартиролог».

Исторический мартиролог можно рассматривать как специфичную форму календаря⁹. Однако если классический календарь представляет собой последовательное изложение событий, в том числе имеющих исторический характер, то мартиролог представляет собой запись имен определенных исторических личностей, хотя и помещенных в определенное пространство и время. При этом не обязательно соблюдается хронологический принцип. Важнее не точная дата жизни и (или) деяний человека, а его включенность в историческую реальность и значимость для потомков. В этом смысле образ исторической личности, эксплицированный в исторической памяти и мемориальном законодательстве, является не попыткой реконструкции жизни и деятельности реального человека, а социальным конструктом, соответствующим ценностным ориентациям не самого объекта мемориализации, а последующих поколений, которые интерпретируют его деяния с целью формирования поведенческого и (или) ментального эталона¹⁰.

При использовании хронологического принципа конструирования мартиролога поминовение исторической личности включается в ежегодный календарный цикл. Речь может идти как о праздновании дня рождения конкретной фигуры, что практически не используется в тексте нормативных правовых актов, так и об установлении памятных дат профессиональных праздников, которые связаны не только с определенными историческими событиями, но и личностями, которые символизируют данную сферу профессиональной деятельности. Так, установление Дня шахтера в СССР в последнее воскресенье августа¹¹ создает аллюзию с трудовым подвигом А. Г. Стаханова, который был совершен 31 августа 1935 г. При обращении к темпоральным средствам поминовения главным является сам факт существования исторической личности и его включенности в национальный мнемонический календарь. Мемориализуемая фигура является настолько исторически значимой, что ее упоминание носит реминисцентный характер с образом исторической личности в коллективной памяти. Так, использование в Указе Президента РФ «О праздновании 800-летия со дня рождения князя Александра Невского» эпитета «государственный деятель и полководец» наделяет эту фигуру архетипическими чертами героя-защитника Отечества, человека, находящегося на государственной службе, внесшего своей деятельностью большой вклад в укрепление единства российского народа, отсылающими к фольклорным и литературным аллюзиям. Это обусловило, что издание указа продиктовано не только предстоящим юбилеем и значением его личности в

⁸ Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 142.

⁹ Подробнее о календарной традиции российского народа и использовании в ней исторических имен см.: Мороз А. Б. Народный календарь и квазиагиография // Вопросы ономастики. 2007. № 4. С. 59–66.

¹⁰ Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В. Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2023. Т. 23. № 3. С. 507.

¹¹ Указ Президиума ВС СССР от 01.10.1980 № 3018-Х «О праздничных и памятных днях» // Ведомости ВС СССР. 1980. № 41. Ст. 846. (Утратил силу).

истории, но и необходимостью «сохранения военно-исторического и культурного наследия», которое он собой олицетворяет.

Отбор мемориализуемых исторических личностей не является универсальным и, как правило, носит, идеологический характер, находясь в зависимости от политического курса и официального исторического нарратива, а также от соответствия жизни и деятельности этих фигур системе ценностей общества, с которым они себя идентифицировали и которое осуществляет их мемориализацию. Поскольку в разных социумах одни и те же лица могут вызывать совершенно различные эмоции, обусловленные социокультурными коннотациями¹², то включение имени исторической личности в исторический мартиролог опосредовано исключительно национальными интересами. Так, обозначение А. В. Суворова в Указе Президента РФ «О праздновании 300-летия со дня рождения А. В. Суворова» как легендарного полководца противоречит его образу в польском и украинском историческом нарративе, где он позиционируется как «завоеватель, подавивший восстание Т. Костюшки и приказавший уничтожить множество мирных жителей»¹³. Однако последнее, независимо от степени его мифологичности, не является значимым фактором для конструирования российской гражданской идентичности и, напротив, может служить дезинтеграционным фактором, что обуславливает не только невключение этого факта в мартиролог, но и борьбу с ним как с контрнарративом в коммеморативных практиках¹⁴.

Начиная с первых мемориальных законов, принятых еще в середине 1990-х гг., мемориализация исторических фигур носит контекстуальный характер. Мемориализуемая личность либо связывается с определенными ключевыми историческими событиями, либо характеризуется через вклад в историю и культуру нашей страны. Так, в Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России»¹⁵ в контексте побед над внешним врагом указаны имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра Первого, А. В. Суворова, Ф. Ф. Ушакова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова, т.е. лиц, которые навсегда вошли в историческую память народа. Главным при этом является именно их воинский героизм, проявляющий их патриотическую ориентацию и значимость их деятельности для сохранения экзистенциальной целостности российской цивилизации¹⁶.

Герой выступает лиминальной фигурой, символизируя переход человека с обычного уровня на сакральный. Обычный человек в результате подвига приобретает черты «бессмертия». Благодаря символической репрезентации этих фигур, зачастую включающей элементы мифологии, социум определяет свое место в пространстве и во времени¹⁷. При этом важна не личность человека, а совершенные им деяния, которые и подлежат коммеморации и воспроизведению. Ярким примером подобного отношения к памяти героев может служить почетный караул у могилы Неизвестного

¹² *Тохириен А. Ш.* Интерпретация формирования исторической памяти в образе исторической личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 11. С. 37. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.11.32.

¹³ *Гронский А.* Историческая политика Украины и Белоруссии и формирование образа русского полководца Александра Суворова в 2014–2020 годах // Национални интерес = National Interest. 2022. XVII. Vol. 43. С. 156–159.

¹⁴ *Богданов А. П.* Польская кампания А. В. Суворова 1794 г.: правда и мифы // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 6. С. 188–214.

¹⁵ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «О днях воинской славы и памятных датах России» // СЗ РФ. 1995. № 11. Ст. 943.

¹⁶ Именно экзистенциальный характер памяти об этих лицах подчеркивается в том, что часть из них канонизирована Русской православной церковью.

¹⁷ *Giesen B.* Triumph and Trauma. London ; New York : Routledge, 2004. P. 6. DOI: 10.4324/9781315631455.

солдата в Александровском саду в Москве, который законодательно включен в коммеморативный контекст¹⁸.

Законодательство при этом выступает нормативной системой, которая не только эксплицирует фреймы коллективной памяти, но и артикулирует формальные критерии коммеморации исторической личности. Однако, наряду с коммеморацией для российской ментальности и мемориального законодательства, характерна глорификация. Последнее, в частности, детерминирует использование имен исторических личностей в ономастической и наградной деятельности государства. Примером первой тенденции могут служить Указы Президента РФ о присвоении почетных имен российским аэропортам¹⁹. Номинация в этой ситуации, наряду с коммеморацией, позволяет интегрировать память об имени в рутину повседневной жизни²⁰. Нормативно осуществленная ойконимизация при этом воспроизводит властные структуры и идеологические программы в публичном пространстве²¹ и выполняет не только ретроспективную функцию, но и обеспечивает ценностное единство общества и государства как важнейший элемент национальной безопасности. В качестве реализации второй тенденции можно обозначить установление наград, носящих имя исторической личности (например, Ордена Суворова, Ушакова, Жукова и т.д.)²². При этом не только осуществляется глорификация исторических лиц, но и обеспечивается чувство сопричастности с их деятельностью награждаемых.

Однако в отличие от зарубежных трактовок героизма в России коммеморации подлежат не только воинский, но и трудовой подвиг, который также является социально активным видом правомерного поведения и подлежит воспроизводству в действиях граждан как эталон. В то же время трудовой героизм в общественном сознании не воспринимается как уникальное явление — это то, на что способен каждый человек²³. Совершенно не случайна при этом коннотация с трудовым подвигом советского народа в период Великой Отечественной войны, которая призвана формировать аллюзию на массовый характер трудового подвига как гражданского достоинства человека, проявление его патриотизма. Именно этим обусловлено введение почетного звания «Город трудовой доблести»²⁴. Для современной социальной реальности важнее не сам факт трудового подвига, а возможность использования памяти о нем в патриотическом воспитании²⁵.

¹⁸ Указ Президента РФ от 08.12.1997 № 1277 «Об установлении постоянного поста почетного караула в г. Москве у Вечного огня на могиле Неизвестного солдата» // СЗ РФ. 1997. № 50. Ст. 5679.

¹⁹ Указ Президента РФ от 27.03.2023 № 198 «О присвоении аэропорту Надым имени В.С. Черномырдина» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2390.

²⁰ Подробнее о сущности и содержании номинативной мемориализации см.: Eco U. *Function and Sign: Semiotics of Architecture* // *The City and the Sign. An Introduction to Urban Semiotics* / Gottdiener M., Lagopoulos A. Ph. (eds.). New York : Columbia University Press, 1986. P. 54–86.

²¹ См.: *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place* / Rose-Redwood R., Alderman D. E., Azaryahu M. (eds.). London ; New York : Routledge, 2018.

²² Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 10.05.2024) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с Положением о государственных наградах Российской Федерации...) // СЗ РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

²³ Серединская Л. А. Героика повседневности в современном обществе: героика труда и героика войны // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-2(74). С. 221–224.

²⁴ Федеральный закон от 01.03.2020 № 41-ФЗ «О почетном звании Российской Федерации “Город трудовой доблести”» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1133.

²⁵ Шатилович С. Н. Формирование патриотического сознания обучающихся на примерах трудового героизма женщин в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 1 (14). С. 32–36.

Включение имени исторической личности в текст нормативного правового акта выполняет ряд взаимосвязанных функций: 1) мемориализация исторической личности, 2) конституирование образа исторической личности, 3) конструирование пространства памяти, 4) воспитательная, 5) организаторская, 6) поддержание гражданской идентичности, 7) обеспечение национальной безопасности.

Во-первых, речь идет о включении в официальный исторический нарратив образа исторической личности и признание государством его заслуг для развития и функционирования общества и государства, что в определенной степени является не только элементом мемориальной глорификации и защитой его чести и достоинства, но и может выступать в качестве награды исторической личности, хотя и посмертной. В этом смысле включение имени исторической личности в официальный исторический нарратив призвано не только демаркировать интенциональность оценки его личности, но и выступить нормативным гарантом противодействия искажению и фальсификации памяти о его жизни и деятельности, что характерно для политики декоммунизации, получившей распространение в странах Восточной и Центральной Европы²⁶. Законодательство одновременно выступает формой мемориализации и коммеморации. С одной стороны, происходит юридикация фреймов памяти и вербальная визуализация исторического имени, позволяющая более широко использовать мемориализованное имя в юридических и социальных практиках. С другой стороны, включенное в текст нормативного правового акта имя выступает средством социального поминовения исторической личности. Обращаясь к мемориальному имени, индивид воспроизводит в сознании и (или) в поведении определенный фрейм памяти и социальную оценку исторической личности. В этом смысле мемориальное законодательство по степени воздействия на сознание человека сближается с героическим эпосом и мифами.

Во-вторых, происходит конституирование памяти о человеке, образ которого сохранился в коллективной памяти общества. Можно даже говорить об определенной сакрализации не только образа, но и личности, которую он эксплицирует. При этом конструируется политический миф²⁷, содержание которого детерминировано ценностными ориентациями социума и который имеет целью транслировать не только информацию об исторической личности, но и ее иконический образ, призванный вызывать ассоциации с деяниями данной фигуры. С одной стороны, это обеспечивает неперсонифицированную персонификацию эталона правомерного поведения, при которой деяния конкретного человека воспринимаются как выражение идеального поведенческого акта. Действия героя являются ритуальными, имеющими связь не только с социальной реальностью, но и сакральным миром. Воспроизводство этих действий гарантирует индивиду не только правомерность его поведения, но и приближение к сакральному универсуму. Дополнительным элементом конструирования образа героя являются СМИ и искусство, которые транслируют его деяния эстетическими средствами, трансформируя этот образ в артефакт²⁸. С другой стороны, включение героического мифа в текст закона призвано показать ценностное единство общества, которое сконструировало миф, и государства, которое придало этому мифу формальный, общеобязательный характер. Тем самым миф становится элементом не только социальной и политической, но и правовой коммуникации²⁹, призванным обеспечить позитивные последствия не только трансляции, но и перформативности информации об исторической личности.

²⁶ *Cembrzyńska P.* «Pomnik nie może upamiętniać...»: O dekomunizacji przestrzeni publicznej // *Historical Review = Przegląd Historyczny.* 2020. T. 111. № 1. S. 131–152.

²⁷ *Гугаур Д. И., Гуторов В. А.* Политический миф в структуре исторической памяти // *Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки.* 2017. № 2. С. 24–45.

²⁸ *Lethbridge S.* Aesthetics of Heroism // *Encyclopedia of Heroism Studies / Allison S. T., Beggan J. K., Goethals G. R. (eds.) Cham : Springer, 2024. P. 21–26.*

²⁹ *Fonseca Sandoval J. D.* Mitología jurídica en nuestra América: resignificar el discurso jurídico para un derecho intercultural // *Revista Razón Crítica.* 2020. No. 8. P. 79–112.

В-третьих, благодаря ойкуменизации происходит переконфигуризация не только социального и политического, но и физического пространства на новых концептуальных основаниях³⁰. При этом формируется специфичный ландшафт, который можно обозначить термином «пространство памяти», представляющий собой экспликацию мнемонической информации на определенной территории. Преимущественно ойкуменизации подлежат героические личности различных эпох³¹. Критерии пространственной мемориализации были указаны в Указе Президента РФ «О присвоении отдельным географическим объектам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством»³²: наряду с лицами, совершившими военный подвиг, коммеморации и ойконимизации подлежат государственные и общественные деятели, представители науки, искусства, культуры, спорта и другие лица, имеющие «особые заслуги перед Отечеством» (п. «а» ст. 1). Будучи непосредственно связано с политическим курсом, присвоение географическому объекту нового имени имеет коннотативное значение и призвано эксплицировать новую идею, транслировать мнемоническую информацию и (или) раскрыть ассоциативный образ данного места³³. Так, присвоение аэропорту Мурманска имени Николая II призвано восстановить историческую правду о значительной роли этого императора в создании данного города и обеспечении безопасности России в Арктике³⁴.

В-четвертых, исторический мартиролог призван транслировать неофитам в процессе социализации информацию о лицах, жизнь и деятельность которых эксплицитно национальные ценности и в силу этого могут рассматриваться как эталон правомерного поведения. Репрезентация этой информации обеспечивает преемственность поколений и идентификацию неофита в социуме не формально, а функционально. Включение этой деятельности в правовой контекст способствует усилению персонификации прошлого и символизации лиц, его олицетворяющих. В этом смысле интенциональность мемориализации носит не только ретроспективный, но и проспективный характер. С одной стороны, происходит признание заслуг исторических личностей и создание механизма их коммеморации. С другой стороны, обеспечивается использование их образов для поддержания конституционной идентичности и обеспечения национальной безопасности в современном мире. Однако эффективность воздействия государства на сознание и поведение неофита определяется не столько принуждением, сколько их соответствием ценностной системе общества и включенностью в повседневные социальные практики³⁵.

В-пятых, мемориальное законодательство направлено на организацию коммеморативных мероприятий и вовлеченность в их осуществление не только граждан, но и органов публичной власти, которым рекомендовано принять участие в подготовке и проведении памятных мероприятий. Подобные формулировки встречаются

³⁰ Калущков В. Н. Концептуализация географического пространства России и ближнего зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85(6). С. 924–935.

³¹ Попов С. А. Героические меморативы в российском топонимиконе // Нефилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 596–604.

³² Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 681 «О присвоении отдельным географическим объектам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. 6). Ст. 7587.

³³ O'Reilly G. The Nexus between Geographical Naming, Place, and the Politics of Power // Place Naming, Identities and Geography: Critical Perspectives in a Globalizing and Standardizing World / O'Reilly G. (ed.). Cham : Springer, 2023. P. 641–659.

³⁴ Иванова М. В., Шабалина О. В. Социально-экономические аспекты исторического освоения Кольского полуострова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 51.

³⁵ Пашенцев Д. А. Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 6. С. 22–33.

практически во всех юбилейных указах Президента РФ³⁶. Это позволяет поднять коммеморацию и глорификацию на более высокий уровень, придать им церемониально-ритуальный характер, позволяющий усилить степень мнемонического воздействия на сознание и поведение субъектов права.

В-шестых, мемориальное законодательство, эксплицируя сформированные в общественном сознании эталоны правомерного поведения, ориентируется на действия конкретных исторических личностей. Это соответствует народной эпической традиции, в которой много места уделялось именно деяниям отдельных лиц: героев, полководцев, глав государства. В традиционном обществе такие фигуры воплощают харизму, соединяют священное с мирским, устанавливают посреднический уровень между людьми и богами и олицетворяют собой коллективную идентичность. В секуляризованном обществе героические образы составляют часть гражданской религии, связанную с освоением исторического наследия предыдущих поколений. При этом подчеркивается не только выражение ими общих интересов, но и нахождение на государственной службе, что коррелирует с архетипами соборности и этатизма, лежащими в основе российской ментальности и определяющими картину мира российской цивилизации. Транслируя эту информацию в процессе социализации, государство формирует патриотическую ориентацию сознания граждан, их готовность своими действиями воспроизвести опыт предков, обеспечивших сохранение незыблемости российской цивилизации.

В-седьмых, широкое распространение фальсификации исторической правды и исторического дениализма актуализировали необходимость секьюритизации исторической памяти, которая включена в контекст обеспечения национальной безопасности. Речь при этом идет о закреплении правовыми средствами определенной интенциональности интерпретации и репрезентации образов мемориализуемых исторических личностей в публичной сфере путем нормативной артикуляции фреймов официального исторического нарратива и делегитимации и прямой криминализации исторических контрнарративов. Речь при этом идет о расширительной интерпретации мемориального законодательства в правоприменительной практике. Так, использование портретов лиц, осужденных Нюрнбергским трибуналом, в шествии Бессмертного полка в судебной практике квалифицируется как реабилитация нацизма именно из-за символического значения данных фигур, входящих в исторический контрнарратив³⁷.

Нормативно выраженный героический миф имеет дихотомичную правовую природу. С одной стороны, он эксплицирует коллективные представления о героическом прошлом. С другой стороны, он призван сконструировать фреймы исторической памяти, необходимые для поддержания гражданской идентичности и национальной безопасности. Поэтому большое внимание уделяется принципам отбора мемориализуемых исторических личностей, которые детерминированы ценностными установками политической элиты. Внешним выражением этих установок являются акты стратегического планирования, подчеркивающие значение исторической памяти как традиционной духовно-нравственной ценности в обеспечении национальной безопасности. Включению в исторический мартиролог, понимаемый как перечень номинированных в тексте законов о памяти ключевых исторических личностях, являющихся объектом коммеморации и глорификации, подлежат лишь лица, которые совершили воинский и (или) трудовой подвиг ради интересов всего общества. Однако мемориализации подлежат не только персонифицированные номинативы, но и определенные социальные группы, действия которых носили героический характер и повлияли на обеспечение национальной безопасности в прошлом. Включение имени исторической личности или неперсонифицированного мнемонического

³⁶ Указ Президента РФ от 08.11.2023 № 843 «О праздновании 225-летия со дня рождения В. И. Даля» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8238.

³⁷ Краснова К. А. Противодействие реабилитации нацизма как одна из задач обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2025. № 1. С. 12–15.

номинатива в текст нормативного правового акта выполняет ряд взаимосвязанных функций: мемориализация исторической личности, конституирование образа исторической личности, конструирование пространства памяти, воспитательная, организаторская, поддержание гражданской идентичности, обеспечение национальной безопасности. Эксплицированный в мемориальном законодательстве героический миф имеет большое значение для поддержания национальной безопасности и гражданской идентичности в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богданов А. П.* Польская кампания А. В. Суворова 1794 г.: правда и мифы // Исторический журнал: научные исследования. — 2023. — № 6. — С. 188–214.
2. *Галицкая К. А.* Политика национальной памяти как технология легитимации власти // Дискурс-Пи. — 2021. — № 1 (42). — С. 48–61.
3. *Гигаури Д. И., Гуторов В. А.* Политический миф в структуре исторической памяти // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. — 2017. — № 2. — С. 24–45.
4. *Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б.* Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2019. — № 2. — С. 132–147.
5. *Гронский А.* Историческая политика Украины и Белоруссии и формирование образа русского полководца Александра Суворова в 2014–2020 годах // Национални интерес = National Interest. — 2022. — XVII. — Vol. 43. — С. 153–168.
6. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблема переводимости. — М. : Наука, 1987. — С. 47–153.
7. *Иванова М. В., Шабалина О. В.* Социально-экономические аспекты исторического освоения Кольского полуострова // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2017. — № 4 (55). — С. 42–53.
8. *Исаев И. А.* Мифологемы закона: право и литература. — М. : Проспект, 2016. — 304 с.
9. *Калуцков В. Н.* Концептуализация географического пространства России и ближнего зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2021. — Т. 85(6). — С. 924–935.
10. *Краснова К. А.* Противодействие реабилитации нацизма как одна из задач обеспечения обороноспособности и национальной безопасности Российской Федерации // Военно-юридический журнал. — 2025. — № 01. — С. 12–15.
11. *Мороз А. Б.* Народный календарь и квазиагиография // Вопросы ономастики. — 2007. — № 4. — С. 59–66.
12. *Пашенцев Д. А.* Эффективность правовых норм в обществе постмодерна // Журнал российского права. — 2023. — Т. 27. — № 6. — С. 22–33.
13. *Подлесная М. А., Шевченко О. К., Ильина И. В.* Герои и героизм как репрезентации коллективной памяти // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». — 2023. — Т. 23. — № 3. — С. 503–524.
14. *Попов С. А.* Героические меморативы в российском топонимиконе // Нефилология. — 2021. — Т. 7. — № 28. — С. 596–604.
15. *Серединская Л. А.* Героика повседневности в современном обществе: героика труда и героика войны // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 2-2(74). — С. 221–224.
16. *Тохирен А. Ш.* Интерпретация формирования исторической памяти в образе исторической личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». — 2022. — № 11. — С. 36–42.
17. *Трофимова А. В.* Общечеловеческая и историческая семантика подвига // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 303. — С. 49–50.

18. Шатилович С. Н. Формирование патриотического сознания обучающихся на примерах трудового героизма женщин в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2020. — № 1 (14). — С. 32–36.
19. Cembrzyńska P. «Pomnik nie może upamiętniać...»: O dekomunizacji przestrzeni publicznej // Historical Review = Przegląd Historyczny. — 2020. — Т. 111. — № 1. — S. 131–152.
20. Eco U. Function and Sign: Semiotics of Architecture // The City and the Sign. An Introduction to Urban Semiotics / M. Gottdiener, A. Ph. Lagopoulos (eds.). — New York : Columbia University Press, 1986. — P. 54–86.
21. Fonseca Sandoval J. D. Mitología jurídica en nuestra América: resignificar el discurso jurídico para un derecho intercultural // Revista Razón Crítica. — 2020. — No. 8. — P. 79–112. — DOI: 10.21789/25007807.1566.
22. Giesen B. Triumph and Trauma. — London ; New York : Routledge, 2004. — 196 p. — DOI: 10.4324/9781315631455.
23. Humphrey C., Laidlaw J. Sacrifice and Ritualization // Kyriakidis E. The Archaeology of Ritual. — Los Angeles : Cotsen Institute of Archaeology Press at UCLA, 2007. — P. 255–276. — DOI: 10.2307/j.ctvdjrr7s.15.
24. Inglis K. S. Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad // History and Memory. — 1993. — Vol. 5. — No. 2. — P. 7–31.
25. Lethbridge S. Aesthetics of Heroism // Encyclopedia of Heroism Studies / S. T. Allison, J. K. Beggan, G. R. Goethals (eds.). — Cham : Springer, 2024. — P. 21–26. — DOI: 10.1007/978-3-031-48129-1_156.
26. O'Reilly G. The Nexus between Geographical Naming, Place, and the Politics of Power // Place Naming, Identities and Geography: Critical Perspectives in a Globalizing and Standardizing World / G. O'Reilly (ed.). — Cham : Springer, 2023. — P. 641–659. — DOI: 10.1007/978-3-031-21510-0_28.
27. The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place / Rose-R. Redwood, D. E. Alderman, M. Azaryahu (eds.). — London ; New York : Routledge, 2018. — 334 p.

REFERENCES

1. Bogdanov AP. Polish campaign A.V. Suvorov 1794: truth and myths. *Historical Journal: Scientific Research*. 2023;6:188-214. (In Russ.).
2. Galitskaya KA. The policy of national memory as a technology for legitimizing power. *Discourse-Pi*. 2021;1(42):48-61. (In Russ.).
3. Gigauro DI, Gutorov VA. Political myth in the structure of historical memory. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2017;2:24-45. (In Russ.).
4. Goncharenko LN, Avakova EB. Historical self-identification of Russia: stages of formation and modern functions. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2019;2:132-147. (In Russ.).
5. Gronskey A. Historical policy of Ukraine and Belarus and the formation of the image of the Russian commander Alexander Suvorov in 2014–2020. *National Interest*. 2022;XVII(43):153-168. (In Russ.).
6. Zhivov VM, Uspensky BA. Tsar and God: Semiotic aspects of the sacralization of the monarch in Russia. Languages of Culture and the Problem of Translability. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
7. Ivanova MV, Shabalina OV. Socio-economic aspects of the historical development of the Kola Peninsula. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2017;4(55):42-53. (In Russ.).
8. Isaev IA. Mythologies of the law: law and literature. Moscow: Prospekt Publ.; 2016. (In Russ.).
9. Kalutskov VN. Conceptualization of the geographical space of Russia and neighboring countries (according to the renaming of geographical objects). *Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series Geography*. 2021;85(6):924-935. (In Russ.).
10. Krasnova KA. Counteraction to the rehabilitation of Nazism as one of the tasks of ensuring the defense capability and national security of the Russian Federation. *Military Law Journal*. 2025;01:12-15. (In Russ.).

11. Moroz AB. Folk calendar and quasi-hagiography. Onomastics. 2007;4:59-66. (In Russ.).
12. Pashentsev DA. Effectiveness of legal norms in postmodern society. *Journal of Russian Law*. 2023;27(6):22-33. (In Russ.).
13. Podlesnaya MA, Shevchenko OK, Ilyina IV. Heroes and heroism as a representation of collective memory. *RUDN Journal of Sociology*. 2023;23(3):503-524. (In Russ.).
14. Popov SA. Heroic memorials in the Russian toponymicon. *Neophylogology*. 2021;7(28):596-604. (In Russ.).
15. Seredinskaya LA. The heroics of everyday life in modern society: the heroics of labor and the heroics of war. *The Altai State University Journal*. 2012;2-2(74). S. 221-224.
16. Tohirien ASH. Interpretation of the formation of historical memory in the image of a historical person. *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2022;11:36-42.
17. Trofimova AV. Universal and historical semantics of the feat. *Tomsk State University Bulletin*. 2007;303:49-50. (In Russ.).
18. Shatilovich SN. Formation of the patriotic consciousness of students on the examples of the labor heroism of women during the Great Patriotic War of 1941-1945. *The Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs (MVD) of Russia*. 2020;1(14):32-36. (In Russ.).
19. Cembrzyńska P. «Pomnik nie może upamiętniać...»: O dekomunizacji przestrzeni publicznej. *Historical Review*. 2020;111(1):131-152.
20. Eco U. Function and Sign: Semiotics of Architecture. In: Gottdiener M, Lagopoulos APH. (eds.) *The City and the Sign. An Introduction to Urban Semiotics*. New York: Columbia University Press; 1986.
21. Fonseca Sandoval J. D. Mitología jurídica en nuestra América: resignificar el discurso jurídico para un derecho intercultural. *Revista Razón Crítica*. 2020;8:79-112. (In Russ.). DOI: 10.21789/25007807.1566.
22. Giesen B. *Triumph and Trauma*. (2004). London, New York: Routledge Publ. (In Russ.). 10.4324/9781315631455.
23. Humphrey C., Laidlaw J. *Sacrifice and Ritualization*, (2007). In: Kyriakidis E. *The Archaeology of Ritual*. Los Angeles: Cotsen Institute of Archaeology Press at UCLA; 2007. (In Russ.). DOI: 10.2307/j.ctvdjrr7s.15
24. Inglis K. S. *Entombing Unknown Soldiers: From London and Paris to Baghdad*. *History and Memory*. 1993;5(2):7-31.
25. Lethbridge S. *Aesthetics of Heroism*. In Allison S. T., Beggan J. K., Goethals G. R. (eds.) *Encyclopedia of Heroism Studies*. Cham: Springer, 2024. P. 21-26. DOI: 10.1007/978-3-031-48129-1_156.
26. O'Reilly G. *The Nexus between Geographical Naming, Place, and the Politics of Power*. In: O'Reilly G. (eds.) *Place Naming, Identities and Geography: Critical Perspectives in a Globalizing and Standardizing World*. Cham: Springer; 2023;641-659. DOI: 10.1007/978-3-031-21510-0_28.
27. Rose-Redwood R, Alderman DE, Azaryahu M. (eds.). *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place*. London, New York: Routledge Publ.; 2018.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.038-044

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ НАЧАЛА XIX В.

Глотова Елена Леонидовна,

доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук, доцент

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

lenglot@mail.ru**Яфаев Эрик Ильдарович,**

студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

erikafaev@gmail.com

© Глотова Е. Л., Яфаев Э. И., 2026

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена правительственного конституционализма в Российской империи первой четверти XIX в. — проектов государственных преобразований, инициированных верховной властью. Центральными объектами исследования выступают конституционные разработки, подготовленные по указанию императора Александра I: план М. М. Сперанского «Введение к уложению государственных законов» (1809 г.) и проект Н. Н. Новосильцева «Государственная уставная грамота Российской империи» (1820 г.). В работе рассматриваются общие фундаментальные черты этих инициатив: стремление к модернизации управления через создание представительных институтов (Государственной думы и местных дум, Государственного сейма), внедрение принципа разделения властей, дарование населению базовых гражданских прав и свобод, а также программа поэтапной отмены крепостного права. Особый акцент делается на ключевом условии всех преобразований — незыблемом сохранении верховенства самодержавной власти монарха, что и определяет суть «правительственного» конституционализма как реформы сверху. Автор объясняет комплекс причин, приведших к нереализации этих проектов, включая сопротивление консервативных кругов аристократии, опасения, вызванные революционными событиями в Европе, и личную нерешительность Александра I. Несмотря на то что данная тема является традиционной для историко-правовой науки, статья подчеркивает непреходящую значимость данных проектов. Они представляют собой важную веху в развитии отечественной политико-правовой мысли, демонстрируя существовавшую в рамках официальной идеологии альтернативу эволюции государственного строя по пути правового ограничения абсолютизма и создания основ гражданского общества, что позволяет глубже понять потенциальные возможности и реальные пределы реформирования империи в XIX в.

Ключевые слова: правительственный конституционализм; император; крепостничество; разделение властей; М. М. Сперанский; Н. Н. Новосильцев; дума; сейм; Сенат; Государственный совет

GOVERNMENTAL CONSTITUTIONALISM IN THE EARLY 19TH CENTURY

Elena L. Glotova,

Associate Professor, Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

lenglot@mail.ru

Erik I. Yafaev,

Undergraduate Student, Moscow, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation

erikafaev@gmail.com

Abstract. *The paper is devoted to the analysis of the phenomenon of «governmental constitutionalism» in the Russian Empire during the first quarter of the nineteenth century, namely: projects of state transformation initiated by the supreme authority. The central objects of the study are the constitutional drafts prepared at the direction of Emperor Alexander I: M.M. Speransky's plan, Introduction to the Code of State Laws (1809), and N.N. Novosiltsev's Draft, State Charter of the Russian Empire (1820). The paper examines the common fundamental features of the initiatives under consideration, including the aspiration to modernize governance through the creation of representative institutions (the State Duma and local Dumas, the State Sejm), the introduction of the principle of separation of powers, the grant to the population of basic civil rights and liberties, and a program for the gradual abolition of serfdom. Particular emphasis is placed on the key condition underlying all of these reforms — the inviolable preservation of the supremacy of the monarch's autocratic power — that defines the essence of «governmental» constitutionalism as reform from above. The authors explain the complex of causes that led to the nonimplementation of the projects, including resistance from conservative circles of the aristocracy, apprehensions prompted by revolutionary events in Europe, and Alexander I's personal indecisiveness. Although this topic is a traditional one in legal-historical scholarship, the paper underscores the enduring significance of these projects. They constitute an important milestone in the development of Russian political and legal thought, demonstrating that within the framework of official ideology there existed an alternative path for the evolution of the state order through the legal limitation of absolutism and the creation of the foundations of civil society, thereby permitting a deeper understanding of both the potential possibilities and the actual limits of imperial reform in the nineteenth century.*

Keywords: *government constitutionalism; emperor; serfdom; separation of powers; M.M. Speransky; N.N. Novosiltsev; Duma; Sejm; Senate; State Council*

Первая четверть XIX в. истории Российской империи характеризуется попытками верховной власти в лице императора Александра I и его окружения реформировать государство на основе разработанных «сверху» либеральных проектов. Эти инициативы, остававшиеся в рамках существующего строя, но предполагавшие его глубокую модернизацию, принято обозначать термином «правительственный конституционализм». Его наиболее яркими проявлениями стали проекты, разработанные выдающимися государственными деятелями эпохи — М. М. Сперанским и Н. Н. Новосильцевым. Парадоксальность этого явления заключается в сочетании двух, казалось бы, несовместимых начал: стремления к подчинению работы всего государства непререкаемым законам, перед которыми были бы равны все подданные и безусловного сохранения самодержавия. Это должно было стать не «общественным договором» между государством и его народом, а осознанным актом воли просвещенного императора, добровольно устанавливающего рамки для самого себя и в целом для господствующего класса. Изучение данного

вопроса позволяет глубже понять дилемму, преследующую Российское государство всю его историю: противоречие между необходимостью системных преобразований для укрепления государства и желанием консервативной аристократии сохранить устоявшиеся порядки, прежде всего самодержавие и крепостничество. На примере явления правительственного конституционализма можно увидеть, насколько власть монарха была зависима от мнения дворянства, так как именно мнение дворянских кругов стало решающим при рассмотрении проектов М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева.

В 1808 г. Александр I поручил своему ближайшему советнику Михаилу Михайловичу Сперанскому разработать всеобщий план государственного преобразования. Результатом стал представленный императору в 1809 г. документ «Введение к уложению государственных законов». Этот фундаментальный труд, пропитанный духом эпохи Просвещения, представлял собой не просто свод предложений, а целостную философско-правовую концепцию переустройства империи. М. М. Сперанский исходил из идеи верховенства закона как основного инструмента управления, который должен был заменить произвол и традицию. Его проект строился на четкой иерархии, где каждому институту отводилось строго определенное место, а источником легитимности любого действия объявлялся не обычай или воля чиновника, а писанный и всем доступный закон¹. За основу был взят принцип разделения властей при сохранении абсолютной власти императора («Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная»)². Однако в интерпретации М. М. Сперанского классическая триада Ш. Л. Монтескье претерпела существенные изменения. Разделение властей понималось не как составляющая системы сдержек и противовесов, а как разграничение функций элементов единого государственного аппарата для повышения его эффективности. Император оставался верховным арбитром и координатором всех трех ветвей, что сохраняло за ним всю полноту суверенной власти. Таким образом, реформа была направлена не на ограничение самодержавия, а на его рационализацию³.

Законодательной властью, а точнее «законодательным сословием» должна была стать выборная Государственная дума, составленная из депутатов, представленных губернскими думами. Здесь стоит отметить, что хотя она и названа законодательным сословием, но имела право лишь обсуждать законопроекты императора и правительства, поэтому это все-таки больше законосовещательный орган. Однако для России начала XIX в. сам факт создания общенационального представительного органа, который хотя и носил совещательный характер, был смелым решением. Дума задумывалась как проводник между образованными слоями общества и властью. Ее учреждение создало бы возможность для дальнейшего развития политической жизни в стране в рамках института законодательной власти. Помимо общенационального уровня на уровне волостей, округов и губерний учреждаются выборные думы⁴. Исполнительную власть должны были осуществлять министерства, на уровне волостей, округов и губерний учреждались «управления». Судебная власть осуществляется Сенатом («верховное судилище для всей империи»), на уровне волостей, округов и губерний также создаются суды. Предложенная судебная реформа была, пожалуй, самой прогрессивной частью плана. М. М. Сперанский настаивал на полном отделении суда от администрации, введении принципов несменяемости судей, гласности и состязательности судебного процесса. Это означало бы создание независимой судебной власти — важнейшего элемента любого правового государства. Реализация

¹ Исаев И. А. История политических и правовых учений России : учебник. 3-е изд. М. : Норма : Инфра-М, 2025. С. 231–233.

² Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (1809 г.) // Проекты и записки. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 145.

³ Шульженко Ю. Л. Конституционно-правовые идеи в монархической России. М. : ИГП РАН, 2007. С. 84.

⁴ Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (1809 г.) // Проекты и записки. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 192–196.

этой идеи на практике могла кардинально изменить правовую культуру страны, приучив и население, и чиновников к уважению к судебной власти и закону в целом.

Своеобразным «проводником» между императорской и законодательной, судебной и исполнительной властями должен был стать Государственный совет — законосовещательный орган, председателем которого был лично император⁵. Важнейшей частью плана являлось намерение даровать населению гражданские права и ограниченные политические права (для собственников), а также поэтапно упразднить крепостное право. С этим было связано новое разделение общества на 3 класса (состояния): дворянство, «среднее состояние» (мещане, купцы, государственные крестьяне) и «народ рабочий» (помещичьи крестьяне, домашняя прислуга). Все три «состояния» обладали гражданскими правами, но «народ рабочий» не обладал политическими правами. При этом была возможность перехода из одного состояния в другое, при приобретении недвижимости. Данная социальная структура была направлена на разрушение старых сословных ограничений и создание более мобильного общества, где статус определялся бы не только рождением, но и собственностью и личными заслугами. Дарование гражданских прав (личной свободы, права на судебную защиту, права собственности) всему населению, включая крепостных, было революционным шагом, фактически отвергающим крепостное право. Именно эта часть проекта вызвала яростное сопротивление помещного дворянства, увидевшего в ней прямую угрозу своим экономическим и социальным основам⁶.

Из этого масштабного проекта, были реализованы лишь создание Государственного совета в 1810 г. и завершение министерской реформы в 1811 г. Под давлением консервативно настроенной аристократии Александр I был вынужден отказаться от продолжения преобразований. Падение и ссылка М. М. Сперанского в 1812 г. стали символом триумфа консервативного дворянства. Несмотря на это, даже частичная реализация его идей имела колоссальное значение. Создание Государственного совета систематизировало законодательный процесс. Завершение министерской реформы также упорядочило работу исполнительной власти, основанной на принципе единоначалия и отраслевой специализации. Эти институты пережили своего создателя и стали неотъемлемой частью государственного механизма империи, доказав практическую ценность системного подхода М. М. Сперанского к управлению страной.

Следующей попыткой конституционной реформы стала «Государственная уставная грамота Российской империи» 1820 г., разработанная по указанию Александра I Николаем Николаевичем Новосильцевым. Работа над проектом началась в 1818 г. после речи Александра I при открытии Сейма Царства Польского, в которой он фактически пообещал России конституцию⁷. Этот проект возник в совершенно иной исторической обстановке, нежели план М. М. Сперанского. После победы над Наполеоном и создания Священного союза Александр I позиционировал себя как гарант монархических порядков в Европе. Дарование конституции Царству Польскому в 1815 г. было жестом, призванным показать прогрессивность императора. Однако сама метрополия оставалась самодержавной, в отличие от автономной Польши, которая имела представительный орган. У проекта конституции Российской империи была задача ликвидировать это противоречие, но уже на основе более осторожного, консервативного подхода, учитывавшего опыт польской конституции и страх перед возможными революционными потрясениями. Уставная грамота предполагала создание общероссийского двухпалатного парламента — Государственного сейма (Сенат — верхняя палата и Посольская палата — нижняя палата) по примеру Царства

⁵ Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1982. С. 129.

⁶ Исаев И. А. История государства и права России : учебник. 4-е изд. М. : Норма : Инфра-М, 2025. С. 364.

⁷ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М. : Наука, 1989. С. 164.

Польского. Право законодательной инициативы сохранялось за императором, но сейм получал право обсуждать и отвергать законопроекты, монарх же мог наложить вето. Главой исполнительной власти оставался император. Органами центральной исполнительной власти должны были стать Государственный совет и министерства. Судебную власть осуществляет Верховный государственный суд.

Впервые предполагалось ввести федеративное деление страны на десять наместничеств. Они, в свою очередь, делились на губернии, а те — на уезды, уезды — на округа. В каждом наместничестве создавался свой сейм, суд и правление (орган исполнительной власти). Местный сейм также был двухпалатным: верхняя палата — это департамент реорганизованного Сената, нижняя — из числа депутатов (по трое от каждого уезда). Введение федеративного принципа было смелым шагом, направленным на децентрализацию управления огромной империей. Предполагалось, что такая система позволит лучше учитывать местные особенности и снимет напряженность в национальных регионах, особенно в Польше. Однако для традиционно унитарного и централизованного Российского государства эта модель была чужда и могла восприниматься как угроза целостности. Создание двухпалатных сеймов на местах свидетельствовало о стремлении дать региональным элитам легальные каналы влияния, интегрировав их в общеимперскую политическую систему.

Избирательными правами наделялись представители двух категорий: дворяне, а также лица, относящиеся к «градским обществам» (интеллектуальная и деловая элита: ученые с высшим образованием, художники-академики, крупные банкиры, судовладельцы, купцы высших гильдий и цеховые мастера). Обязательным условием для них было владение недвижимостью (без конкретного минимального порога) и достижение возраста 25 лет. При этом, вне зависимости от имущественного положения, к выборам не допускались лица иудейского вероисповедания. Для того чтобы быть избранным, кандидат должен был достичь 30 лет, обладать полными гражданскими правами и соответствовать имущественному цензу, который устанавливался индивидуально для каждого наместничества. Грамота также впервые в российской истории провозглашала ряд прав и свобод человека, включая свободу печати⁸.

Проект Н. Н. Новосильцева, ставший последним реформаторским замыслом Александра I, также не был реализован. Главная причина оставалась та же, что и с «Введением к уложению государственных законов» — сопротивление со стороны консервативного дворянства. К этому добавился рост освободительных движений в Европе (революции в Испании, Неаполе, Греции и др.), который встревожил Александра I. Всё это привело к отказу императора от либеральных конституционных преобразований.

Оба проекта, при всех различиях, связаны одной целью: модернизировать управление империей через внедрение представительных институтов, принципа разделения властей и элементов правового статуса подданных без умаления верховенства самодержавной власти. Провал «правительственного конституционализма» был обусловлен сопротивлением консервативного дворянства, страхом перед революционными процессами в Европе и личной нерешительностью Александра I. Тем не менее проекты М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева являются важнейшей частью политико-правовой мысли России. Несбывшиеся планы этих деятелей нашли свое отражение в последующих проектах декабристов, а также в буржуазных реформах Александра II 1860–1870-х гг.

Историческое наследие правительственного конституционализма начала XIX в. многогранно. Во-первых, он продемонстрировал, что либеральные идеи проникли глубоко в сознание правящей элиты и рассматривались ею как возможный инструмент управления государством. Во-вторых, оба проекта стали фундаментом для последующих реформаторов: многие конкретные механизмы (система представительных собраний, независимый суд, гарантии гражданских прав и др.) были в той или иной форме востребованы в эпоху Великих реформ. В-третьих, неудача этих инициатив осветила ключевую проблему России: отсутствие влиятельных социальных

⁸ Мироненко С. В. Указ. соч. С. 184–190.

сил, помимо узкого круга просвещенных бюрократов, заинтересованных в правовом ограничении власти. Дворянство в большинстве своем отвергало реформы, буржуазия только начала зарождаться, простому народу было все равно. Это создавало крайне сложную ситуацию, выйти из которой оказалось под силу только благодаря глубокому системному кризису, который пришелся на период правления Александра II. Изучение феномена правительственного конституционализма позволяет увидеть не только упущенные альтернативы, но и глубинные структурные причины, определившие сложный и противоречивый путь России к правовому государству.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боброва Г. С. Становление российского конституционализма. — М. : Институт государства и права РАН, 2016. — 178 с.
2. Исаев И. А. История государства и права России : учебник. — 4-е изд. — М. : Норма : Инфра-М, 2025. — 800 с.
3. Исаев И. А. История политических и правовых учений России : учебник. — 3-е изд. — М. : Норма : Инфра-М, 2025. — 432 с.
4. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII — начала XX века. — М. : Росспэн, 2010. — 640 с.
5. Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1982. — 292 с.
6. Мироненко С. В. Самодержавие и реформы : Политическая борьба в России в начале XIX в. — М. : Наука, 1989. — 257 с.
7. Пыпин А. Н. Общественное движение при Александре I. — СПб. : Вестник Европы, 1871. — 487 с.
8. Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов (1809 г.) // Проекты и записки. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — 245 с.
9. Чернов К. С. Государственная уставная грамота Российской империи: к вопросу о российском конституционализме. — М. : Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2007. — 26 с.
10. Шульженко Ю. Л. Конституционно-правовые идеи в монархической России. — М. : Институт государства и права РАН, 2007. — 158 с.
11. Щетинин Г. А. Русское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века. — М. : Юридическая литература, 1988. — 432 с.
12. Якушкин В. Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. — СПб. : Издание Г. Ф. Львовича, 1906. — 130 с.

REFERENCES

1. Bobrova GS. The formation of Russian constitutionalism. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 2016. (In Russ.).
2. Isaev IA. History of the state and law of Russia. 4th ed. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2025. (In Russ.).
3. Isaev IA. History of political and legal teachings of Russia. 3rd ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2025. (In Russ.).
4. Medushevsky AN. Constitutional projects in Russia of the XVIII — early XX centuries. Moscow: Russian Political Encyclopedia (Rosspen); 2010. (In Russ.).
5. Minaeva NV. Government constitutionalism and advanced public opinion of Russia at the beginning of the XIX century. Saratov: Saratov University Publishing House, 1982. (In Russ.).
6. Mironenko SV. Autocracy and reforms: Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century. Moscow: Nauka Publ.; 1989. (In Russ.).

7. Pypin AN. Social movement under Alexander I. St. Petersburg: Bulletin of Europe; 1871. (In Russ.).
8. Speransky MM. Introduction to the Code of State Laws (1809). Drafts and Notes. Moscow: Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1961. (In Russ.).
9. Chernov KS. State Charter of the Russian Empire: On the question of Russian constitutionalism. Moscow: Faculty of History, Lomonosov Moscow State University Publ.; 2007. (In Russ.).
10. Shulzhenko YuL. Constitutional and legal ideas in monarchical Russia. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ.; 2007. (In Russ.).
11. Shchetinin GA. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 vol. Legislation of the first half of the 19th century. Vol. 6. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1988. (In Russ.).
12. Yakushkin VE. State power and projects of state reform in Russia. St. Petersburg: Lvovich Publ.; 1906. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.045-054

ПЕРВЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ РАБОЧИХ: МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИИ 1918 Г.

Асриев Николай Аркадьевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
nik.asriyev06@mail.ru

© Асриев Н. А., 2026

***Аннотация.** Статья посвящена всестороннему анализу первых конституционных гарантий прав рабочих, которые были законодательно закреплены в Конституции РСФСР 1918 г. В фокусе исследования находятся механизмы их практической реализации в контексте глубоких революционных преобразований, охвативших российское общество. Детально исследуется содержание ст. 15–22 Конституции, которые, по сути, заложили фундамент советского трудового права, провозгласив такие принципиально новые для того времени права, как восьмичасовой рабочий день, право на отдых, ежегодные отпуска и всеобщее социальное обеспечение. Рассматривается ключевая роль Кодекса законов о труде 1918 г. как основного правового инструмента, конкретизирующего конституционные положения. Анализируется деятельность Народного комиссариата труда, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, которые выступали в качестве институтов контроля за соблюдением трудового законодательства. Особое внимание уделяется выявлению и анализу противоречий между декларированными правами и практикой их осуществления, что было обусловлено острым экономическим кризисом, Гражданской войной и политической трудовой мобилизации в период «военного коммунизма». В статье показано, что переход к новой экономической политике (нэпу) потребовал существенной корректировки механизмов реализации конституционных гарантий и, как следствие, принятия нового Кодекса законов о труде 1922 г. Автор приходит к выводу, что опыт 1918 г., несмотря на все его сложности и противоречия, оказал значительное влияние на формирование международных стандартов труда и развитие концепции социального государства, что подчеркивает непреходящую актуальность данного исторического опыта для современного правоведения.*

***Ключевые слова:** конституционные гарантии прав рабочих; Народный комиссариат труда; фабрично-заводские комитеты; трудовые споры; социальное страхование; новая экономическая политика; история советского трудового права*

THE FIRST CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF WORKERS' RIGHTS: MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE 1918 CONSTITUTION

Nikolay A. Asriev,

Undergraduate Student, Kitafin Moscow State Law University (MSAL)

nik.asriyev06@mail.ru

Abstract. *The paper is devoted to a comprehensive analysis of the first constitutional guarantees of workers' rights, as legislatively enshrined in the 1918 Constitution of the RSFSR. The study focuses on the mechanisms of their practical implementation in the context of the profound revolutionary transformations that encompassed Russian society. It examines in detail the content of Articles 15–22 of the Constitution, which, in essence, laid the foundation of Soviet labor law by proclaiming the rights, fundamentally new for their time, including: the eight-hour workday, the right to rest, annual leave, and social security. The paper considers the central role of the 1918 Labor Code as the principal legal instrument giving concrete form to the constitutional provisions. It analyzes the activities of the People's Commissariat of Labor, trade unions, and factory committees, which served as the primary institutions responsible for overseeing compliance with labor legislation. Particular attention is devoted to identifying and analyzing the contradictions that arose between the rights declared and the actual practice of their implementation, a disparity caused by the acute economic crisis, the Civil War, and the specific features of labor mobilization policy during the period of War Communism. The paper demonstrates that the transition to the New Economic Policy (NEP) required a substantial adjustment of the mechanisms for implementing constitutional guarantees and, as a consequence, the adoption of a new Labor Code in 1922. The author concludes that the experience of 1918, notwithstanding all the difficulties and contradictions of its practical realization, exerted a significant influence on the formation of international labor standards and the development of the concept of the social state, thereby underscoring the enduring relevance of this historical experience for contemporary legal scholarship.*

Keywords: *constitutional guarantees of workers' rights; People's Commissariat of Labor; factory committees; labor disputes; social insurance; new economic policy; history of Soviet labor law*

Введение первых конституционных гарантий прав рабочих в России в 1918 г. стало важным этапом в развитии трудового законодательства. Актуальность этой темы обусловлена тем, что именно в этот период был сделан первый опыт конституционного закрепления трудовых прав, что имело историческую значимость для дальнейшего развития советского права¹. Статьи 15–22 Конституции РСФСР 1918 г.² стали отправной точкой для формирования системы защиты прав трудящихся. Целью данной статьи является анализ механизмов реализации этих конституционных гарантий, а также оценка их эффективности в условиях того времени. В работе будут использованы как нормативные акты, так и научные исследования, посвященные этому вопросу.

Теоретической и методологической основой исследования послужили фундаментальные труды выдающихся отечественных правоведов. В частности, следует отметить работы И. А. Исаева, глубоко анализирующие историю российского государства

¹ Стальнова А. С. Конституционные гарантии права на труд в Российской Федерации // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 109.

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 10.06.1918 // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

и права, а также эволюцию правовой мысли в переломные эпохи³. Важное значение имеют исследования О. И. Чистякова, посвященные конституционному развитию Советского государства на его начальных этапах, что позволяет осмыслить контекст принятия Основного закона 1918 г.⁴ Были учтены и научные изыскания В. А. Томсинова, раскрывающие закономерности формирования и трансформации правовых систем в условиях радикальных общественных изменений⁵. Эти монографии и учебные пособия обеспечивают необходимую теоретическую базу для комплексного изучения заявленной проблематики.

Социально-политическая обстановка принятия Основного закона 1918 г. характеризовалась острыми противоречиями и нерешенностью рабочего вопроса. В дореволюционной России положение пролетариата было тяжелым, попытки законодательной регламентации труда носили фрагментарный характер. К началу XX столетия существовали, правда, отдельные нормативные акты — закон от 2 июня 1897 г. ограничил рабочее время одиннадцатью с половиной часами на фабриках и мануфактурах, что стало определенным прогрессом⁶. Однако многочисленные исключения позволяли работодателям обходить установленные рамки. Закон 10 июня 1903 г. ввел обязательное страхование от производственного травматизма, но размеры компенсаций оставались скромными и не гарантировали достойного существования пострадавшим.

Революционные декреты о труде, принятые в период октября 1917 — июля 1918 г., радикально изменили правовое положение трудящихся. Согласно ст. 1 Декрета⁷ рабочее время не должно превышать 8 часов в сутки и 48 часов в неделю. Статья 2 уточняла: «Для лиц, занятых на подземных работах, рабочее время не должно превышать 7 часов в сутки». Кроме того, ст. 4 устанавливала: «Сверхурочные работы допускаются лишь в исключительных случаях... с разрешения профессиональных союзов или соответствующих им организаций и с оплатой за каждый сверхурочный час в полуторном размере». Эти нормы стали правовым фундаментом для последующего конституционного закрепления права на ограничение рабочего времени⁸. Положение о рабочем контроле от 14.11.1917 наделило органы рабочего контроля правом наблюдения за производством и беспрепятственного доступа к документации.

Согласно ст. 1 Положения⁹ «для планомерного регулирования народного хозяйства вводится рабочий контроль над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой деятельностью предприятий». Статья 3 закрепляла: «Органы рабочего контроля имеют право наблюдения за производством, устанавливают минимум выработки предприятий и принимают меры к выяснению себестоимости производимых продуктов». Эти нормы впервые в истории предоставляли рабочим законодательно закрепленные полномочия по участию в управлении производством. При этом следует отметить, эти полномочия носили скорее контрольный, нежели полноценный распорядительный характер,

³ *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 (48). С. 23.

⁴ *Чистяков О. И.* Становление «Российской Федерации» (1917–1922): монография. 2-е изд., репр. М.: Зерцало-М, 2003. С. 108.

⁵ *Томсинов В. А.* Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х — начале 30-х годов XIX века // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2008. № 4. С. 38–77.

⁶ *Волков В. В.* Россия и Запад: сравнительный анализ трудового законодательства начала XX века. Часть II. Рабочее время, заработная плата, штрафование, официальное рабочее самоуправление // Свободная мысль. 2021. № 6 (1690). С. 130.

⁷ Декрет Совета Народных Комиссаров от 29.10.1917 «О восьмичасовом рабочем дне» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 30.10.1917. № 2.

⁸ *Миронов Е. А., Севостьянов А. С.* Особенности развития отечественного трудового законодательства в советский период // Закон и право. 2024. № 7. С. 246.

⁹ Положение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 14.11.1917 «О рабочем контроле» // Правда. 1917. № 192.

что, впрочем, не умаляло их значимости в условиях формирования новой системы управления.

Принятие КЗоТ¹⁰ было подготовлено и обусловлено рядом ранее изданных декретов советской власти. В частности, он систематизировал положения Декрета о введении 8-часового рабочего дня от 29.10.1917, Декрета о еженедельном отдыхе и праздничных днях от 14.06.1918, а также Декрета об отпусках от 02.07.1918. Так, статья 85 КЗоТ устанавливала: «Нормальное рабочее время не должно превышать 8 часов в сутки и 46 часов в неделю». Статья 100 закрепляла право на отдых: «Всем без изъятия трудящимся предоставляется еженедельный непрерывный отдых, продолжительностью не менее 42 часов». Статья 105 гарантировала право на отпуск: «Всем трудящимся предоставляется ежегодный отпуск продолжительностью не менее двух недель». Статья 177 устанавливала гарантии по социальному обеспечению: «Социальное обеспечение трудящихся во всех случаях утраты ими трудоспособности осуществляется за счет государства». Эти нормы детализировали конституционные положения и создавали механизмы их практической реализации. Таким образом, Кодекс не только объединил разрозненные нормы, но и развил их, придав трудовому праву целостный и комплексный характер, что было весьма значимо для того периода.

Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 15–22 закрепляла новые подходы к трудовым правам: ст. 15 вводила всеобщую трудовую повинность «в целях уничтожения паразитических слоев общества», связывая обязанность трудиться с задачей социалистического строительства, ст. 16 гарантировала трудящимся бесплатное образование и предоставляла рабочему классу техническое снаряжение для издания печатной продукции, а ст. 17 обеспечивала пролетариату и беднейшему крестьянству помещения для собраний и митингов. Эти положения формировали правовую основу для защиты интересов трудящихся, хотя их реализация, надо признать, сталкивалась с противоречиями военного времени.

Статья 18 устанавливала, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг «не трудящийся да не ест»¹¹. Статья 19 гласила, что в целях всемерной охраны завоеваний великой рабоче-крестьянской революции РСФСР признает обязанностью всех граждан Республики защиту социалистического отечества и устанавливает всеобщую воинскую повинность. Статья 20 закрепляла, что почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся, на нетрудовые же элементы возлагается отправление иных военных обязанностей. Статья 21 провозглашала, что защита революции является долгом каждого трудящегося перед республикой. Статья 22 устанавливала, что РСФСР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

Новизна конституционного подхода заключалась в том, что впервые в истории России трудовые права были закреплены на столь высоком уровне. До принятия Конституции РСФСР 1918 г. трудовые отношения регулировались преимущественно гражданским законодательством, рассматривавшим договор найма как разновидность договора личного найма.

Конституционное закрепление трудовых прав означало признание их фундаментального характера и приоритетное значение для государства. Вместе с тем следует отметить, что конституционные нормы о трудовых правах носили скорее декларативный характер и требовали конкретизации в текущем законодательстве. Между тем сам факт включения этих норм в основной закон государства имел важное

¹⁰ Кодекс законов о труде РСФСР от 10.12.1918 // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 87–88.

¹¹ Суетина Н. М., Зарецкая М. Г. Трудовая книжка: история и современность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2020. № 1 (254). С. 59.

символическое значение и свидетельствовал о намерении новой власти радикально изменить положение трудящихся.

Сравнение с зарубежными конституциями того периода демонстрирует специфику советского понимания трудовых прав. Веймарская конституция Германии 1919 г. в ст. 163 провозглашала моральную обязанность немцев использовать свои силы для общего блага и закрепляла право зарабатывать трудом на жизнь, тогда как Конституция Мексики 1917 г. в ст. 123 устанавливала восьмичасовой рабочий день, запрет детского труда и право на социальное обеспечение, но, в отличие от советской, не связывала эти права с классово-идеологией и не вводила всеобщей трудовой повинности.

Институциональные механизмы реализации конституционных гарантий включали систему народных комиссариатов: Наркомат труда, созданный 26 октября 1917 г. и возглавляемый с 1918 г. В. В. Шмидтом, отвечал за трудовую политику, контроль за соблюдением законодательства и организацию биржи труда, а в его структуру, следует отметить, входили отделы нормирования, охраны труда и социального страхования¹². Наркомат социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай занимался помощью инвалидам, престарелым и роженицам, а также выплатой пенсий и пособий.

Роль профсоюзов в реализации трудовых прав была весьма значительной, поскольку Декрет о профессиональных союзах от 12.04.1918 определил их правовой статус как массовых организаций рабочего класса и предоставил право участвовать в разработке тарифов, контролировать условия труда и представлять интересы работников в госорганах, хотя уже тогда наметилась тенденция к огосударствлению профсоюзов и превращению их в часть государственного аппарата¹³. Фабрично-заводские комитеты, возникшие стихийно в 1917 г. для представительства интересов рабочих, после национализации промышленности стали органами управления предприятиями наряду с назначаемыми директорами, но по мере укрепления советской власти их роль постепенно снижалась и функции переходили к профсоюзам и административным органам.

Правовые механизмы защиты трудовых прав включали трудовое законодательство 1918–1922 гг., где КЗоТ 1918 г. стал основным инструментом реализации конституционных норм о труде, детально регламентируя наем и увольнение, рабочее время и отдых, оплату труда и охрану труда: ст. 94 устанавливала нормальное рабочее время не более восьми часов в сутки и сорока восьми часов в неделю, для подземных и вредных работ предусматривался сокращенный день, а ст. 103 гарантировала ежегодный отпуск не менее двух недель с сохранением заработной платы.

Инструкция Наркомата труда от 24.01.1919 устанавливала порядок предоставления отпусков различным категориям работников, а постановление СНК от 15.11.1919 «О еженедельном отдыхе» запрещало работу в выходные дни, за исключением предприятий непрерывного действия и работ, связанных с неотложными нуждами населения, тогда как инструкция Наркомата труда от 02.02.1920 регламентировала санитарный надзор на предприятиях и устанавливала требования к производственным помещениям, освещению и вентиляции.

Система разрешения трудовых споров претерпела существенные изменения по сравнению с дореволюционным периодом, когда конфликты разрешались либо в порядке гражданского судопроизводства, либо специальными фабричными присутствиями при губернских по фабричным делам присутствиях: советская власть создала принципиально иную систему, где Декрет о расширении прав городских и районных народных судов от 30.11.1918 передал рассмотрение трудовых споров

¹² Безнин М. А., Димони Т. М. Формальные институты зависимости в системе эксплуатации труда в России 1930–1980-х гг. // Новейшая история России. 2025. Т. 15. № 1. С. 132.

¹³ Раманкулов К. С. Проблемы свободы объединения: сравнительно-правовое исследование норм законов о профессиональных союзах государств Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2 (123). С. 166.

народным судам, однако основная масса конфликтов разрешалась во внесудебном порядке примирительными камерами и третейскими судами при отделах труда местных Советов.

Примирительные камеры, следует отметить, состояли из равного числа представителей работников и работодателей (на национализированных предприятиях — из представителей работников и администрации), председатель назначался отделом труда, процедура носила упрощенный характер без соблюдения строгих процессуальных форм, а решения камер были обязательными для сторон, но могли быть обжалованы в третейский суд.

Третейские суды, создававшиеся при губернских отделах труда, рассматривали споры, не разрешенные примирительными камерами, а также споры, затрагивавшие интересы работников нескольких предприятий, причем состав третейского суда формировался по тому же паритетному принципу, что и примирительные камеры, а председатель избирался членами суда из своего состава или назначался губернским отделом труда, и решения считались окончательными и обжалованию не подлежали, за исключением случаев нарушения процедуры.

Народные суды рассматривали трудовые споры в качестве суда первой инстанции лишь тогда, когда стороны не обращались в примирительные органы или когда спор не мог быть разрешен в примирительном порядке, кроме того, народные суды рассматривали дела о привлечении к ответственности должностных лиц за нарушение трудового законодательства, и процедура была упрощена по сравнению с общегражданским процессом — стороны могли вести дела лично или через представителей профсоюзов без участия адвокатов.

Инспекция труда осуществляла контроль за соблюдением трудового законодательства на основании Положения от 18.05.1918, определившего задачи, права и обязанности инспекторов, которые назначались отделами труда исполкомов Советов и подчинялись одновременно местным органам власти и вышестоящим инспекционным органам, имели право беспрепятственного доступа на все предприятия, право требовать объяснений и документов от администрации, составлять протоколы о нарушениях и направлять их в суд или административные органы для привлечения виновных к ответственности, хотя численность инспекторов была недостаточной для эффективного контроля за всеми предприятиями, особенно в условиях разрухи и дезорганизации производства.

Практика реализации конституционных гарантий в первые годы советской власти демонстрировала как несомненные достижения, так и серьезные противоречия, что требует более детального анализа. К достижениям следует отнести реальное сокращение продолжительности рабочего дня: по данным статистических обследований Наркомата труда, средняя продолжительность рабочего дня в промышленности сократилась с десяти с половиной часов в 1913 г. до восьми часов в 1918 г., а на предприятиях с вредными условиями труда рабочий день был сокращен до шести-семи часов, хотя в условиях Гражданской войны это достижение нередко оставалось формальным, поскольку производственная необходимость вынуждала работников трудиться сверхурочно.

Введение ежегодных оплачиваемых отпусков также стало важным завоеванием трудящихся, ведь до революции право на отпуск имели лишь отдельные категории служащих, рабочие же могли рассчитывать лишь на кратковременные перерывы в работе без сохранения заработка, тогда как КЗоТ 1918 г. предоставил право на отпуск всем работникам без исключения — продолжительность основного отпуска составляла две недели, для работников, занятых на работах с вредными условиями труда, четыре недели, несовершеннолетним работникам предоставлялся отпуск продолжительностью один месяц, впрочем, реализация права на отпуск в условиях военного времени была затруднена, и многие работники либо не использовали отпуска, либо отзывались из отпусков по производственной необходимости.

Создание системы социального страхования стало революционным шагом в развитии социального обеспечения, поскольку, в отличие от дореволюционной практики с

ее крайне ограниченным охватом, советская система распространялась на всех наемных работников и обеспечивала выплату пособий по временной нетрудоспособности, беременности и родам, безработице, а также пенсий по инвалидности и по случаю потери кормильца. Улучшение условий труда на предприятиях происходило за счет внедрения мероприятий по охране труда — Декрет об учреждении инспекции труда от 18.05.1918 возложил на инспекторов обязанность контролировать соблюдение правил техники безопасности, на крупных предприятиях создавались комиссии по охране труда из представителей администрации, профсоюзов и фабзавкомов, хотя экономические трудности существенно ограничивали возможности внедрения дорогостоящих мероприятий.

Проблемы реализации конституционных гарантий были связаны прежде всего с последствиями Гражданской войны и экономической разрухи: промышленное производство сократилось к 1920 г. до четырнадцати процентов от уровня 1913 г., многие предприятия остановились или работали с неполной загрузкой, транспортная система оказалась дезорганизована, и в этих условиях соблюдение трудового законодательства отступало на второй план перед задачей выживания производства, администрация предприятий нередко вынуждена была нарушать нормы о продолжительности рабочего времени и порядке предоставления отпусков.

Несоответствие правовых норм экономическим реалиям проявлялось в том, что законодательство исходило из представления о нормально функционирующей экономике с устойчивым производством и регулярной выплатой заработной платы. Между тем в условиях «военного коммунизма» денежная заработная плата утратила свое значение, основной формой оплаты труда стало натуральное снабжение продовольствием и промышленными товарами. Система тарифных ставок, предусмотренная КЗоТ, превратилась в механизм распределения натурального пайка. Размер пайка зависел от категории работника, определявшейся в зависимости от характера выполняемой работы и ее значения для обороны страны.

Политика трудовой мобилизации и милитаризации труда противоречила декларированным конституционным принципам. Декрет о всеобщей трудовой повинности от 29.01.1920 установил, что все граждане РСФСР в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет обязаны выполнять трудовую повинность по нарядам местных органов власти. Трудовая повинность вводилась в различных формах: гужевая повинность, дровяная повинность, строительная повинность, снеговая повинность. Отказ от выполнения трудовой повинности влек уголовную ответственность. Создание трудовых армий из демобилизованных красноармейцев фактически означало применение методов военной дисциплины в сфере труда.

Период новой экономической политики потребовал корректировки подходов к реализации трудовых прав. Переход к рыночным отношениям, денационализация мелких предприятий, допущение частного капитала и концессий изменили условия применения трудового законодательства. КЗоТ 1918 г., ориентированный на огосударствленную экономику и административные методы регулирования труда, не соответствовал новым условиям. Это потребовало разработки нового кодекса законов о труде.

КЗоТ¹⁴, принятый 9 ноября 1922 г., стал новым механизмом реализации трудовых прав, адаптированным к условиям НЭПа. Этот кодекс сохранил основные завоевания трудящихся — восьмичасовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска, социальное страхование, охрану труда, но изменил подходы к регулированию найма и увольнения работников, оплаты труда, дисциплины труда¹⁵. КЗоТ 1922 г. отказался от принципа трудовой повинности и признал свободу трудового договора. Наем работников на государственных предприятиях осуществлялся через биржи труда,

¹⁴ Кодекс Законов о труде РСФСР от 09.11.1922 // Собрание узаконений и распоряжений. 1922. № 70.

¹⁵ *Лепешин Д. А.* Восприимство идей Кодекса законов о труде РСФСР 1922 года советским и постсоветским трудовым законодательством // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2022. Т. 26. № 4. С. 846.

на частных предприятиях допускался прямой найм. Увольнение работников могло производиться как по инициативе администрации при наличии предусмотренных законом оснований, так и по инициативе работника в любое время с предупреждением за две недели.

Историческое значение первых конституционных гарантий прав рабочих трудно переоценить. Опыт советской России оказал влияние на конституционное развитие многих стран. Конституции, принятые в Европе после Первой мировой войны, содержали положения о социально-экономических правах, во многом перекликавшиеся с советскими подходами. Международная организация труда, созданная в 1919 г., в своих конвенциях закрепила многие нормы, впервые реализованные в советском законодательстве: восьмичасовой рабочий день, еженедельный отдых, ежегодные оплачиваемые отпуска, запрет детского труда, охрану труда женщин.

Преимственность в советском конституционном праве прослеживается достаточно четко. Конституция СССР 1924 г.¹⁶, будучи документом федеративного устройства, не содержала отдельного раздела о правах граждан, однако отсылала к конституциям союзных республик. Конституция РСФСР 1925 г.¹⁷ воспроизвела основные положения Конституции 1918 г. о правах трудящихся. Конституция СССР 1936 г.¹⁸ существенно расширила перечень социально-экономических прав, включив право на труд, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости и при потере трудоспособности, право на образование. Статья 118 гарантировала гражданам право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Конституция РСФСР 1937 г.¹⁹ воспроизвела эти положения применительно к республике. Конституция СССР 1977 г.²⁰ развила систему социально-экономических прав, дополнив ее правом на жилище, правом на охрану здоровья, правом на пользование достижениями культуры. Статья 40 закрепляла право граждан на труд, включая право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей.

Уроки для современного трудового права заключаются в том, что конституционное закрепление трудовых прав само по себе недостаточно для их реальной защиты. Необходимы эффективные механизмы реализации этих прав, включающие развитое текущее законодательство, действенные органы контроля и надзора, доступную систему разрешения трудовых споров, активные профсоюзы. Опыт 1918 г. показал, что в условиях экономического кризиса и политической нестабильности даже самые передовые законы могут оставаться декларацией. Трудовое законодательство должно учитывать реальное состояние экономики и не может строиться исключительно на идеологических постулатах.

Конституция РФ²¹ закрепляет свободу труда, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, право на защиту от безработицы, право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных

¹⁶ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик от 31.01.1924 // Вестник Правительства СССР. 1923. № 2.

¹⁷ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 11.05.1925 // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1925. № 118.

¹⁸ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936 // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936. № 283.

¹⁹ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 21.01.1937 // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1937. № 20.

²⁰ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 07.10.1977 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 619.

²¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку, право на отдых. Эти конституционные гарантии развиваются ТК РФ и иными нормативными актами²².

Сравнение советского и современного российского подходов к конституционному регулированию трудовых прав выявляет существенные различия. Советские конституции исходили из концепции труда как обязанности и одновременно права гражданина, государство гарантировало всем гражданам работу и брало на себя обязательства по трудоустройству. Современная российская Конституция основывается на принципе свободы труда, государство не гарантирует предоставление работы каждому гражданину, но обязуется содействовать занятости и защищать от безработицы. Советский подход предполагал централизованное планирование и распределение рабочей силы, современный российский подход основан на рыночных механизмах формирования трудовых отношений.

Значение изучаемого периода для понимания эволюции социального государства состоит в том, что именно в это время были сформулированы и впервые реализованы на практике многие идеи социального государства: обязанность государства обеспечивать достойные условия труда, социальное страхование и социальное обеспечение за счет общественных ресурсов, активная роль государства в регулировании трудовых отношений. Впоследствии эти идеи получили развитие в концепции социального государства, закрепленной в конституциях многих стран мира после Второй мировой войны.

Подводя итоги, следует отметить, что введение конституционных гарантий прав рабочих в 1918 г. стало революционным шагом в развитии трудового права. Статьи 15–22 Конституции РСФСР 1918 г. заложили правовую основу для защиты трудовых прав, создания системы социального обеспечения, участия трудящихся в управлении производством. Механизмы реализации этих гарантий включали специализированные государственные органы, профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, систему разрешения трудовых споров, инспекцию труда.

Практика реализации конституционных гарантий в первые годы советской власти показала как достижения в области сокращения рабочего времени, введения отпусков, создания системы социального страхования, так и серьезные проблемы, связанные с экономической разрухой, несоответствием правовых норм экономическим реалиям, политикой трудовой мобилизации. Переход к новой экономической политике потребовал корректировки механизмов реализации трудовых прав и принятия КЗоТ 1922 г.

Историческое значение опыта 1918 г. определяется тем, что он оказал влияние на конституционное развитие многих стран, способствовал формированию международных стандартов труда, заложил основы советской системы трудового права. Уроки этого периода сохраняют актуальность для современного трудового права, показывая необходимость сочетания конституционного закрепления трудовых прав с эффективными механизмами их реализации и учетом экономических реалий. Изучение данного периода позволяет лучше понять логику эволюции социального государства и место трудовых прав в системе конституционных прав человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Безнин М. А., Димони Т. М.* Формальные институты зависимости в системе эксплуатации труда в России 1930–1980-х гг. // Новейшая история России. — 2025. — Т. 15. — № 1. — С. 131–149.
2. *Волков В. В.* Россия и Запад: сравнительный анализ трудового законодательства начала XX века. Часть II. Рабочее время, заработная плата, штрафование, официальное рабочее самоуправление // Свободная мысль. — 2021. — № 6 (1690). — С. 129–144.

²² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

3. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8 (48). — С. 20–33.
4. Лепешин Д. А. Восприимство идей Кодекса законов о труде РСФСР 1922 года советским и постсоветским трудовым законодательством // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2022. — Т. 26. — № 4. — С. 845–860.
5. Миронов Е. А., Севостьянов А. С. Особенности развития отечественного трудового законодательства в советский период // Закон и право. — 2024. — № 7. — С. 245–248.
6. Раманкулов К. С. Проблемы свободы объединения: сравнительно-правовое исследование норм законов о профессиональных союзах государств Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 2 (123). — С. 165–174.
7. Стальнова А. С. Конституционные гарантии права на труд в Российской Федерации // Юридическая наука. — 2023. — № 4. — С. 108–111.
8. Суетина Н. М., Зарецкая М. Г. Трудовая книжка: история и современность // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». — 2020. — № 1 (254). — С. 58–64.
9. Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х — начале 30-х годов XIX века // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2008. — № 4. — С. 38–77.
10. Чистяков О. И. Становление «Российской Федерации» (1917–1922) : монография. — 2-е изд., репр. — М. : Зерцало-М, 2003. — 343 с.

REFERENCES

1. Beznin MA, Dimoni TM. Formal institutions of dependence in the system of labor exploitation in Russia in the 1930–1980s. *The Modern History of Russia*. 2025;15(1):131-149. (In Russ.).
2. Volkov VV. Russia and the West: a comparative analysis of labor legislation at the beginning of the twentieth century. Part II. Working time, wages, fines, official working self-government. *Svobodnaya Mysl*. 2021;6(1690):129-144. (In Russ.).
3. Isaev IA. The main norm («tablets of the revolutionary law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;8(48):20-33.
4. Lepeshin DA. Succession of ideas of the Code of Labor Laws of the RSFSR of 1922 by Soviet and post-Soviet labor legislation. *RUDN Journal of Law*. 2022;26(4):845-860. (In Russ.).
5. Mironov EA, Sevostyanov A.S. Features of the development of domestic labor legislation in the Soviet period. *Zakon i pravo*. 2024;7:245-248. (In Russ.).
6. Ramankulov KS. Problems of freedom of association: a comparative legal study of the norms of laws on trade unions of the states of the Eurasian Economic Union, taking into account international labor standards. *Current Problems of Russian Law*. 2021;2(123):165-174.
7. Stalnova A S. Constitutional guarantees of the right to work in the Russian Federation. *Legal Science*. 2023;4:108-111. (In Russ.).
8. Suetina NM, Zaretskaya MG. Work book: history and modernity. *The Bulletin of Adygea State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*. 2020. № 1 (254). S. 58–64.
9. Tomsinov VA. Systematization of Russian legislation in the second half of the 20s and early 30s of the 19th century. *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2008;4:38-77. (In Russ.).
10. Chistyakov OI. The formation of the «Russian Federation» (1917–1922). Lomonosov Moscow State University. 2nd ed. Moscow: Zertsalo-M Publ.; 2003. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.055-060

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РСФСР И СССР: ОТ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К НЭПУ

Гордеев Александр Геннадьевич,
доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат исторических наук
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
lex.ag@mail.ru

© Гордеев А. Г., 2026

Аннотация. В статье рассматривается формирование политического пространства в Советской России в период от политики военного коммунизма до перехода к новой экономической политике. Проанализированы институциональные и идеологические преобразования, предпринятые большевистским руководством РСФСР и СССР в 1918–1920-е гг. Выявлено, что в условиях Гражданской войны была создана чрезвычайно централизованная система власти (диктатура пролетариата), закреплённая юридически Конституцией РСФСР 1918 г. Политика военного коммунизма характеризовалась тотальной мобилизацией экономики и репрессивными мерами, что позволило удержать власть, но привело к глубокому социально-экономическому кризису. В 1921 г. большевики осуществили поворот к нэпу как тактический отход, сохранив однопартийный контроль над политическим пространством. В период нэпа была проведена частичная экономическая либерализация и оформлена союзная государственность (образование СССР в 1922 г.), что стабилизировало режим. Континуитет авторитарно-централизованной политической системы сохранялся на всем протяжении рассматриваемого периода, хотя механизмы ее реализации претерпели эволюцию от военных методов к более институционализированным формам.

Ключевые слова: военный коммунизм; новая экономическая политика; политическая система; РСФСР; СССР; диктатура пролетариата; государственное строительство; однопартийная система; союзное государство

CONSTRUCTING THE POLITICAL SPACE IN THE RSFSR AND THE USSR: FROM WAR COMMUNISM TO THE NEP

Alexander G. Gordeev,
Associate Professor, Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (History)
lex.ag@mail.ru

Abstract. The article examines the process of formation of the political space in Soviet Russia during the period from the policy of War Communism to the transition to the New Economic Policy. It analyzes the institutional and ideological transformations

undertaken by the Bolshevik leadership of the RSFSR and the USSR in 1918–1920s. The study finds that, under the conditions of the Civil War, an extremely centralized system of power — the dictatorship of the proletariat — was created and legally закреплена by the 1918 Constitution of the RSFSR. The policy of War Communism was characterized by the total mobilization of the economy and repressive measures, which made it possible to retain power but led to a profound socio-economic crisis. In 1921, the Bolsheviks turned to the New Economic Policy as a tactical retreat, while preserving one-party control over the political space. During the NEP period, partial economic liberalization was carried out and union statehood was formally established through the creation of the USSR in 1922, thereby stabilizing the regime. The continuity of the authoritarian-centralized political system persisted throughout the period under review, although the mechanisms of its implementation evolved from military methods to more institutionalized forms.

Keywords: war communism; new economic policies; the political system; RSFSR; USSR; dictatorship of the proletariat; state construction; one-party system; union state

Октябрьская революция 1917 г. ознаменовала радикальный разрыв с прежней государственностью и поставила большевиков перед задачей конструирования нового политического пространства на принципах марксистско-ленинской идеологии. Уже в первые месяцы советской власти проявились черты будущей однопартийной системы. Ключевым шагом стал роспуск Учредительного собрания в январе 1918 г., осуществленный силовыми методами. Ликвидация первого демократического парламента России устранила альтернативный центр власти и создала политический вакуум, которым большевики воспользовались для упрочения собственной власти. Фактически устранение Учредительного собрания создало пространство для развертывания нового политического порядка — режима коммунистической однопартийной диктатуры¹.

В условиях разгоравшейся Гражданской войны большевистское руководство стремилось легитимировать свой режим через новые советские институты. В июле 1918 г. V Всероссийский съезд Советов утвердил первую Конституцию РСФСР. Этот основной закон формально закрепил принципы диктатуры пролетариата — власть городского и сельского трудового народа при устранении эксплуататорских классов от участия в управлении. Конституция провозгласила Россию — Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, объединяющей советские национальные области на принципах федерации. Провозглашалась цель установления социализма и подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов (ст. 9 Конституции)². Параллельно шло становление собственной системы органов власти. Был сформирован Совет Народных Комиссаров (Совнарком) во главе с В. И. Лениным — фактически первое советское правительство, наделенное исполнительной властью. Высшим законодательным органом объявлялся Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), избиравшийся съездами Советов. Однако реальное влияние быстро сместилось к руководящим партийным структурам — Центральному Комитету РКП(б) и его Политбюро (создано в 1919 г.), которые принимали ключевые решения в обход громоздкой системы советских съездов³.

Политика военного коммунизма (1918–1921 гг.) стала следующим этапом, в рамках которого происходило дальнейшее конструирование советского политического пространства методами чрезвычайного управления⁴. Централизация управления

¹ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М. : Росспэн, 1997. С. 312–315.

² Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. 2-е изд. М. : Зерцало-М, 2003. С. 48–52.

³ История советского государства и права. Екатеринбург : УИКП, 1996. Ч. 1 : 1917–1940 гг. С. 98–102.

⁴ Давыдов А. Ю. Военный коммунизм: народ и власть в революционной России. Конец 1917 г. начало 1921 г. СПб. : Евразия, 2020. С. 110–118.

достигла крайней степени. Для руководства хозяйством был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), осуществлявший директивное планирование снабжения и производства. Практиковалось милитаризованное управление трудом: в условиях разрухи большевики нередко прибегали к военным методам организации производства (отряды продразверстки, трудовые армии Л. Д. Троцкого и др.). Политическую надстройку дополнил мощный репрессивный аппарат — Всероссийская чрезвычайная комиссия, образованная еще в декабре 1917 г. и получившая неограниченные полномочия для борьбы с «контрреволюцией»⁵. Политическое пространство в годы военного коммунизма окончательно приобрело черты однопартийной административно-командной системы. Советы всех уровней превратились в исполнителей решений, спускаемых партийными комитетами. Реальная власть концентрировалась в узком кругу высшего партийного руководства. Профсоюзы и иные общественные организации были подчинены партийному контролю; независимые инициативы трудящихся (требования самоуправления фабрик, выдвигавшиеся рабочими в 1917 г.) жестко подавлялись, как это происходило, например, со стачечным движением в Петрограде в 1920 г.⁶

Обобщая сказанное можно констатировать, что период военного коммунизма привел к формированию предельно централизованного и жесткого механизма власти, который позволил большевикам удержать контроль над страной в экстремальной обстановке гражданской войны. Однако чрезвычайные меры и насилие вызвали острый экономический и социальный кризис. К началу 1921 г. стало очевидно, что прежние методы управления себя исчерпали: страна стояла перед угрозой хозяйственного краха и массового восстания. Таким образом, опыт военного коммунизма продемонстрировал ограниченность⁷.

Весной 1921 г. большевистское руководство, во главе с В. И. Лениным, вынуждено было пойти на кардинальный пересмотр внутренней политики, чтобы сохранить контроль над страной. Переход к нэп стал важнейшим этапом конструктивного переосмысления политического пространства: отказавшись от ряда крайних экономических доктрин, власть стремилась снять социальную напряженность, не поступаясь монополией на власть⁸. Ключевые решения X съезда предусматривали: прекращение политики продразверстки, введение вместо нее фиксированного продовольственного налога (продналога), допускавшего крестьянам распоряжаться остатками своей продукции; восстановление элементов рыночной экономики и разрешение частнопредпринимательской деятельности в ограниченных масштабах; укрепление дисциплины и единства внутри самой партии. Последнее нашло выражение в принятии резолюции «О единстве партии», запрещавшей фракционность — создание групп по интересам внутри РКП(б).

Любые проявления оппозиции внутри партии объявлялись недопустимыми, что позволило партийной верхушке консолидировать власть для проведения новой политики. Одновременно усилился контроль над потенциальной оппозицией. В 1921–1922 гг. были окончательно запрещены меньшевики и эсеры, проведен показательный судебный процесс против лидеров эсеров, ряд выдающихся деятелей старой интеллигенции выслан из страны. Эти шаги гарантировали, что политическое пространство останется под полным контролем большевиков в ходе эксперимента с нэп⁹.

⁵ Давыдов А. Ю. Указ. соч. С. 125–130.

⁶ Суслов А. Ю. Российские социалисты после Октября 1917 года в отечественной историографии. Казань : Изд-во КНИТУ, 2013. С. 239–240.

⁷ История советского государства и права. Ч. 1. С. 140–145.

⁸ Мухин М. Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3.

⁹ Боева Л. А. Ликвидация партий социалистов органами ГПУ — ОГПУ в 1921–1923 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». № 2 (4). С. 58–62.

В результате реализации этих мер экономика начала быстро восстанавливаться. Уже к 1925–1926 гг. объем промышленного и сельскохозяйственного производства значительно вырос, достигнув или превзойдя довоенный уровень по ряду показателей. Нэп принес заметное облегчение широким слоям населения: прекратился голод, появились товары народного потребления, улучшилось снабжение городов. Крестьянские хозяйства окрепли, восстановилась торговля между городом и селом. Возникла относительная стабилизация — по сравнению с хаосом Гражданской войны жизнь постепенно нормализовалась. Это свидетельствовало об успешности тактического маневра большевиков: отступление в экономике позволило сохранить социальную базу режима¹⁰.

Однако политическая сфера при всех переменах оставалась жестко контролируемой. Нэп не означал политической либерализации или ослабления диктатуры партии. Напротив, пережив потрясения 1921 г., большевики еще более укрепили монополию на власть. В 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР (затем ОГПУ СССР) — советскую спецслужбу, которая продолжила выполнять функцию политического сыска и подавления инакомыслия. Несмотря на некоторое смягчение повседневного террора после окончания войны, инструменты репрессий никуда не делись, а их применение стало более выборочным и превентивным. Большевистская партия оставалась единственной законной политической силой, любые попытки возрождения оппозиции пресекались. Например, в 1922 г. была окончательно ликвидирована независимость профсоюзов, в 1923 г. подавлена последняя попытка внутривластной оппозиции (т. н. «левая оппозиция» Троцкого, требовавшая ускоренной индустриализации). Таким образом, политическое пространство периода нэп по-прежнему определялось диктатурой РКП(б), хотя внешне жизнь входила в мирное русло¹¹.

Важнейшим событием периода нэп стало образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР) — новая форма государственного единства бывшей Российской империи. 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР — союзного государства в составе РСФСР, Украинской, Белорусской и Закавказской ССР. Союз строился формально на добровольных началах и равноправии, каждая республика получила право выхода из СССР, что декларировало принцип национального самоопределения. В январе 1924 г. II съезд Советов СССР утвердил первую Конституцию СССР, юридически закрепившую новую федеративную государственность. Конституция СССР 1924 г. подтвердила диктатуру пролетариата как основу власти Союза и провозгласила равноправие союзных республик, распределив полномочия между союзным центром и республиками. Учреждались общесоюзные органы власти — Всесоюзный съезд Советов, ЦИК СССР (с двумя палатами: Союзным Советом и Советом Национальностей) и Совет Народных Комиссаров СССР. По сути, произошло институциональное расширение политического пространства: однопартийная советская система была распространена на всю территорию нового Союза, оформленного как федерация¹².

Политическое пространство СССР периода нэп сочетало в себе элементы новизны и преемственности. С одной стороны, произошла нормализация жизни после войны, смягчились наиболее экстремальные методы управления, была разработана более сложная структура государственной власти, учитывающая многонациональный характер страны. Культурная политика первых лет нэп проводилась под знаком относительной либерализации — политика «коренизации» способствовала развитию

¹⁰ Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 25.

¹¹ Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. С. 111–15.

¹² Корольков В. В. Конституция СССР 1924 года и критика современности // Неприкосновенный запас. 2024. № 6 (158). С. 105–107.

национальных элит и языков в республиках, в городах набирала силу новая советская интеллигенция, формировавшаяся в условиях некоторой творческой свободы. С другой стороны, идеологический и политический контроль партии над обществом оставался незыблемым. Все проявления плюрализма были строго ограничены рамками дозволенного. Советское государство периода нэп можно охарактеризовать как авторитарное модернизирующееся государство: сохраняя диктаторские полномочия, оно временно допустило элементы рыночной экономики и многонационального федерализма, чтобы укрепить свою социальную базу и материальные ресурсы¹³.

Рассмотренный период с конца 1917 г. по вторую половину 1920-х гг. был временем интенсивного конструирования политического пространства в Советской России и затем в Советском Союзе. В ходе анализа установлено, что несмотря на кардинальные изменения в социально-экономической политике — от военного коммунизма к нэпу — базовые параметры советской политической системы оставались неизменными. Уже в годы Гражданской войны оформился тип советского государства, характеризующийся однопартийным правлением, идеологическим обоснованием в виде диктатуры пролетариата, сращиванием партийных и государственных структур и применением репрессивных методов для устранения оппозиции. Политика военного коммунизма в максимальной степени воплотила эти черты: в экстремальных условиях произошла тотальная централизация власти и ресурсов, подавление всякого инакомыслия и формирование командно-административных методов управления экономикой. Этот период заложил фундамент советского тоталитарного государства, однако привел страну к глубочайшему кризису¹⁴.

Конструирование политического пространства в РСФСР и СССР в 1918–1920-е гг. носило противоречивый характер. С одной стороны, была создана новая политическая модель, основанная на коммунистической идеологии и принципах советской власти, не имевшая аналогов в дореволюционной России. Эта модель прошла испытание войной и кризисом, показав удивительную живучесть и гибкость. С другой стороны, за декларируемыми целями «власти трудящихся» и социалистических преобразований скрывалось установление жесткой авторитарной системы, сузившей политическое пространство до рамок партаппарата. Эволюция от военного коммунизма к нэп продемонстрировала, что большевистское руководство рассматривало экономическую политику лишь как инструмент для сохранения и укрепления своей власти. Хронологическая логика событий подтверждает: все ключевые повороты — разгон Учредительного собрания, красный террор, введение нэп, создание СССР — подчинялись стратегической задаче удержания контроля над политическим пространством и дальнейшего строительства советского государства на своих условиях. Данный опыт раннесоветского периода оказал долговременное влияние на характер советской политической системы, предопределив многие черты сталинского режима. Исследование показало, что уже к середине 1920-х гг. основные контуры советского политического пространства были выстроены и закреплены, что создало предпосылки для последующего тоталитарного развития в СССР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боева Л. А. Ликвидация партий социалистов органами ГПУ — ОГПУ в 1921–1923 гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». — № 2 (4). — С. 51–63.
2. Гимпельсон Е. Г. Нэп и советская политическая система. 20-е годы. — М.: Институт российской истории РАН, 2000. — 439 с.
3. Давыдов А. Ю. Военный коммунизм: народ и власть в революционной России. Конец 1917 г. — начало 1921 г. — СПб.: Евразия, 2020. — 192 с.

¹³ Гимпельсон Е. Г. Указ. соч. С. 41.

¹⁴ История советского государства и права. Ч. 1. С. 149–150.

4. История советского государства и права. Ч. 1 : 1917–1940 гг. — Екатеринбург : УИКП, 1996. — 241 с.
5. Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. — М. : Росспэн, 2009. — 463 с.
6. Кондрашин В. В. Тамбовское восстание 1919–1921 гг. крестьянства против большевистской диктатуры. — М. : Росспэн, 2009. — 348 с.
7. Корольков В. В. Конституция СССР 1924 года и критика современности // Неприкосновенный запас. — 2024. — № 6 (158). — С. 104–120.
8. Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936 / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. — М. : Демократия, 2003. — 912 с.
9. Мухин М. Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. — 2020. — № 5. — С. 3–14.
10. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. — М. : Росспэн, 1997. — 362 с.
11. Роцин Б. Е. Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности // Вестник Костромского государственного университета. — 2014. — № 1. — С. 189–193.
12. Суданец Б. М. Как сто лет назад закончилась власть Советов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2021. — № 1 (24). — С. 34–43.
13. Суслов А. Ю. Российские социалисты после Октября 1917 года в отечественной историографии. — Казань : Изд-во КНИТУ, 2013. — 488 с.
14. Чистяков О. И. Конституция РСФСР 1918 года. — 2-е изд., перераб. — М. : Зерцало-М, 2003. — 215 с.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.061-066

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ В СССР В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КАДРОВЫХ ВОПРОСОВ

Максимова Ольга Дмитриевна,
профессор кафедры международного и публичного права
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
105187, Россия, г. Москва, Щербаковская ул., д. 38
odmaksimova@fa.ru

© Максимова О. Д., 2026

Аннотация. В статье рассматриваются методы управления трудовыми ресурсами в СССР в 1950–1970-х гг. Изучены материалы съездов КПСС, в которых прослеживается изменение политики в сфере труда. Выделены некоторые проблемы в организации труда, которые имеют сходство с современными. Ключевыми вопросами организации труда в послевоенный период были: подбор кадров, рост производительности, материальная заинтересованность и укрепление трудовой дисциплины. В 1960-е гг. широко использовались такие методы формирования правильного отношения к труду, как убеждение и воспитание. Пережитками капитализма были объявлены тунеядство, пьянство и бюрократизм. В статье отмечается, что в конце 1960-х — начале 1970-х гг. происходит усиление роли права как средства управления в сфере труда, что повлекло развитие советского трудового законодательства, в том числе подготовку и издание КЗоТ РСФСР 1971 г.

Ключевые слова: труд; уважение к труду; методы управления; методы воспитания; правовые средства; трудовое право; трудовые ресурсы; производительность труда

MANAGEMENT OF LABOR RESOURCES IN THE USSR IN THE CONTEXT OF ADDRESSING CONTEMPORARY PERSONNEL ISSUES

Olga D. Maksimova

Dr. Sci., (Law), Associate Professor; Professor, Department of International and Public Law,
Finance University under the Government of the Russian Federation,
odmaksimova@fa.ru

Abstract. The paper examines methods of labor resource management in the USSR during the 1950s—1970s. It analyzes materials from CPSU congresses in which shifts in labor policy can be traced. The study identifies certain problems in the organization of labor that bear similarities to contemporary issues. The key questions of labor organization in the postwar period were personnel selection, growth in productivity, material incentives, and the strengthening of labor discipline. In the 1960s, such methods

of cultivating a proper attitude toward labor as persuasion and education were widely employed. Idleness, drunkenness, and bureaucratism were declared survivals of capitalism. The article notes that in the late 1960s and early 1970s the role of law as a means of governance in the sphere of labor increased, which led to the further development of Soviet labor legislation, including the drafting and promulgation of the 1971 Labor Code of the RSFSR.

Keywords: labor; respect for labor; management methods; education methods; legal means; labor law; labor resources; labor productivity

Опыт СССР в управлении трудовыми ресурсами можно рассматривать не только в историческом контексте, но и как «зеркало» для современных вызовов. Многие проблемы: жилье для работников, трудовая дисциплина, квалификация работников и мотивация кадров остаются актуальными, а методы их решения — от идеологического воспитания до правового регулирования, продолжают влиять на политику российского государства и бизнеса, в частности на реализацию национального проекта «Кадры». Анализ прошлого помогает избежать повторения ошибок и найти баланс между планированием экономики и рыночными механизмами.

В СССР был накоплен богатый и разнообразный опыт управления трудовыми ресурсами. В довоенный и военный период в СССР применялись методы трудовых мобилизаций. Наиболее яркими примерами трудовых мобилизаций в советское время были трудовые армии в период гражданской войны и трудовые мобилизации во время Великой Отечественной войны. После войны акцент сместился на материальное и моральное стимулирование, а также развитие трудового права. Изменения подходов отражены в документах КПСС. В резолюции «По отчетному докладу Центрального комитета КПСС» ХХ съезда КПСС в 1956 г. было указано, что «уровень организационной работы в решающей степени зависит от постановки дела проверки исполнения, подбора и воспитания кадров и расстановки коммунистов на различных участках хозяйственного и культурного строительства»¹.

ХХI съезд утвердил семилетний план развития народного хозяйства, одной из целей которого было повышение благосостояния через сокращение рабочего дня и недели. Н. С. Хрущев предложил поэтапно сократить рабочий день до 7, затем 6–5 часов без снижения зарплаты, создав 30-35-часовую неделю. Он прогнозировал, что СССР достигнет самого короткого в мире рабочего времени при росте уровня жизни. В семилетнем плане СССР (1958–1965) прогнозировался рост национального дохода на 62–65 % и увеличение доходов населения на 40 %. Минимальную зарплату планировали повысить до 500–600 руб. (в 2 раза), а радикальной мерой называли полную отмену налогов².

Подчеркивалось отсутствие безработицы и переход к улучшению благосостояния не только через зарплаты, но и за счет общественных фондов: жилье, питание, медицина, образование, культура. Партия ставила задачи обеспечения семей отдельными квартирами и повышения качества здравоохранения³. Основой коммунистической нравственности объявлялся труд на благо общества, который должен был стать «первейшей жизненной потребностью». Партия рассчитывала, что забота государства устраним стремление к частной собственности. Ключевым инструментом воспитания стала школа. Закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью» провозглашал

¹ Ленин В. И. КПСС о работе с кадрами. М., 1988. С. 282.

² Внеочередной ХХI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января–5 февраля 1959 года. М., 1959. С. 48.

³ Внеочередной ХХI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января–5 февраля 1959 года. С. 50.

труд «священной обязанностью» граждан и требовал с ранних лет готовить детей к участию в общественно полезной деятельности⁴.

На XXII съезде в 1961 г. первый секретарь партии Н. С. Хрущев в отчете выделил как главную задачу — повышение производительности труда. В качестве средства достижения цели он предлагал «использовать все, что создает наука и техника», а также «брать все лучшее, что дает зарубежный опыт»⁵. Руководитель КПСС призывал научиться использовать в работе экономический анализ и «объявить беспощадную войну расточительству в использовании сырья, материалов, электроэнергии»⁶. С 1959 г. достижениями стали рост зарплат, отмена налогов и увеличение пенсий. В 1960 г. ввели 7- и 6-часовой рабочий день. Отмена налогов повысила доходы граждан на 360 млн руб., а расходы на пенсии выросли с 3 млрд (1955) до 7,6 млрд руб. (1961). В 1961 г. актуальным оставалось повышение зарплат учителям и врачам⁷. В отчете утверждалось, что «главное заключается в том, что всё более широкие слои трудящихся вырабатывают привычку трудиться сознательно, в полную меру своих сил, по способностям. Уже теперь для многих советских людей труд стал не просто средством заработка, а общественным призванием, моральным долгом»⁸. Для демонстрации правильного подхода к труду партийные органы выделяли, награждали и ставили в пример всем остальным ударников коммунистического труда.

Методами формирования правильного отношения к труду, во-первых, назывались сила убеждения и воспитания, во-вторых, строгое соблюдение норм советского права. Н. С. Хрущев подчеркивал, что построение коммунизма требует труда каждого гражданина⁹. Он также подчеркивал неразрывность коммунизма и труда, называя воспитание уважения к нему основой идеологической работы. Признавая сложность борьбы с пережитками капитализма: тунеядством, пьянством, бюрократизмом, призывал делегатов XXII съезда усилить коммунистическое воспитание. Отдельный запрос был адресован деятелям искусства — создавать произведения, раскрывающие «романтику труда» как ключевой элемент советской идентичности¹⁰.

На XXIV съезде КПСС в 1971 г. акценты в организации труда сместились на три направления:

— образование — переход к всеобщему среднему образованию с ориентацией на нужды научно-технической революции, подготовка молодежи по перспективным научным направлениям и вовлечение в общественно полезный труд;

— руководящие кадры — требования к управленцам включали новаторство, эффективное решение задач и применение чужого опыта;

— дисциплина — резолюция подчеркивала: «социалистическая дисциплина обязательна для всех», усиливая контроль над ее соблюдением¹¹.

В начале 1970-х гг. политика СССР в сфере труда сместилась в сторону правового регулирования. Это подтверждает принятие в 1970 г. Основ законодательства о труде и в 1971 г. Кодекса законов о труде РСФСР. Причиной изменения подхода стало осознание недостаточности методов морального воспитания для поддержания

⁴ Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. М., 1958. 31 с.

⁵ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. С. 63.

⁶ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. С. 66.

⁷ ТХХII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. С. 86.

⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. С. 94.

⁹ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. С. 122.

¹⁰ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. С. 123.

¹¹ Ленин В. И. Указ. соч. С. 286.

трудовой дисциплины, что потребовало усиления роли трудового права в управлении ресурсами. На XXV съезде КПСС в 1976 г. Л. И. Брежнев выделил ключевые достижения: улучшение жилищных условий для 56 млн граждан и рост производительности труда (84 % в промышленности, 78 % в строительстве). Эти результаты связывались с притоком 9,3 млн выпускников ПТУ и 9 млн специалистов, а также обновлением 40 % производственных фондов в промышленности и 56 % — в сельском хозяйстве¹².

Достижением девятой пятилетки стало начало строительства БАМа: досрочный запуск движения на участке Бам — Тында, 70 мостов и 1 200 км автодорог. Этот масштабный проект стал примером для анализа советских методов управления трудом. Л. И. Брежнев поздравил строителей, отметив их роль в освоении Сибири и Дальнего Востока, но раскритиковал простои, слабую дисциплину и текучесть кадров, призвав эффективно использовать ресурсы и искоренить бесхозяйственность¹³.

Материалы партийных съездов КПСС отражают ключевые вопросы организации труда в послевоенный период: подбор кадров, рост производительности, материальная заинтересованность и укрепление дисциплины. Главными методами их решения были объявлены: подготовка кадров и «номенклатура».

Подготовка кадров опиралась на Высшую партийную школу и другие учебные центры партии и издание марксистско-ленинской литературы. XXII съезд инициировал массовый выпуск трудов классиков социализма, учебников по истории КПСС и философии. Однако идеологические противоречия (тезис о «развитом социализме» при Л. И. Брежневе) снижали эффективность системы. Номенклатура, введенная в 1967 г. постановлением Госкомтруда единая система назначения служащих, в том числе и руководящих кадров, требовала четкого определения обязанностей работников, что привело к созданию тарифно-квалификационных справочников (часть из них действует до сих пор).

В постсоветский период номенклатурный метод назначения кадров подвергся критике. А. В. Федоров отмечал, что контроль над номенклатурой был для элит важнее выполнения планов, а партийные органы регулярно меняли списки руководящих работников¹⁴. Критика отражена и в материалах Конституционного Суда РФ, согласно которым местные парторганы согласовывали кадровые решения с ЦК КПСС, лишь формально проводя выборы. Это подтверждало полный контроль партии над назначениями, что стало одним из аргументов против легитимности ее власти¹⁵.

Интерес представляет собой хранящийся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) отчет треста «Забайкалтрансстрой» за 1974 г., в котором анализируются проблемы и достижения в области производительности труда, трудовой дисциплины, кадрового состава, внедрения новых методов организации труда, а также потери рабочего времени и текучесть кадров. Ценность этого и подобных ему документов состоит в том, что в отличие большинства официальных и пропагандистских документов, они раскрывают проблемные вопросы управления социалистической экономикой «на местах». На основе анализа этого архивного документа можно выявить ключевые факторы, оказывавшие влияние на производительность труда и текучесть кадров в тресте «Забайкалтрансстрой» в 1974 г., и предложенные руководителями этой организации меры для улучшения ситуации¹⁶. Из документа следует, что низкая производительность труда в тресте связана с недостаточным уровнем механизации работ, использованием ручного труда и неэффективной организацией трудовых процессов. В тексте указывается, что 70 % котлованов разрабатывались

¹² Ленин В. И. Указ. соч. С. 61.

¹³ Ленин В. И. Указ. соч. С. 69.

¹⁴ Федоров А. В. Кадровая политика СССР на завершающем этапе индустриальной модернизации (конец 1950–1980-е гг.): дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2005. С. 84.

¹⁵ Материалы дела о проверке конституционности указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР : в 6 т. М., 1996–1998.

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9538, Оп. 16. Д. 1240.

вручную, 5 478 из 7 830¹⁷, а также высоки потери трудозатрат из-за ручного труда и повторного выполнения работ. Текучесть кадров была обусловлена отсутствием благоустроенного жилья, тяжелыми условиями труда и недостаточным вниманием к нуждам молодежи со стороны руководства. В частности, из-за отсутствия жилья их треста уволилось 197 человек¹⁸, наблюдался также низкий процент закрепления молодых специалистов на рабочих местах. Внедрение новых методов организации труда (например, получивший распространение в начале 1970-х гг. метод бригадного подряда Злобина) и повышение материальной заинтересованности работников способствовали росту производительности труда и укреплению трудовой дисциплины в тресте. Действительно, переход на бригадный хозрасчет состоялся: из 2 840 человек, занятых на строительстве, 1692 — это рабочие на сдельной оплате труда, 409 — на временной. Значительная часть работников — 802 человека, стали ударниками труда¹⁹. Потери рабочего времени были в основном связаны с болезнями, прогулами, внутрисменными простоями и неудовлетворительными условиями труда²⁰.

Болезненным был вопрос квалификации работников треста. Низкий уровень технической подготовки руководящего состава и рабочих был одной из причин невыполнения плановых показателей. В документе упоминается низкий средний разряд рабочих (25 % имеют 4–5-й разряд). В то же время руководство треста отчитывается о повышении экономических знаний. В 1973/1974 учебном году экономической учебой было охвачено 1 607 чел., в 1974–1975 гг. произошло некоторое повышение их числа — 1 782 человека, или около 50 % к общему числу рабочих. В вузах, техникумах, вечерних школах обучались 295 рабочих, а 813 человек получили удостоверение об окончании экономических школ²¹.

Несмотря на большое количество проблем, в отчете подчеркиваются положительные меры, такие как внедрение «метода Злобина» (бригадный подряд) и повышение материальной заинтересованности работников, что способствовало росту производительности труда и укреплению дисциплины²².

Отчет треста «Забайкалтрансстрой» за 1974 г. свидетельствует о том, что сложность задач, связанных с выполнением плановых показателей, и нерешенность проблем в управлении трудом (таких как низкая производительность, текучесть кадров, недостаточная механизация и неудовлетворительные условия труда) подчеркивают необходимость укрепления законности, улучшения правовой работы и развития трудового законодательства. В частности, документ выявляет такие проблемы, как отсутствие благоустроенного жилья для рабочих, недостаточное внимание к нуждам молодежи и низкий уровень квалификации кадров, что требовало более четкого правового регулирования и обеспечения гарантий для работников.

В политике СССР в сфере труда в конце 1960-х — начале 1970-х гг. произошли изменения, на первое место среди методов управления трудом выходят правовые средства, тогда как в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. партия стремилась воспитать советских людей в духе уважения к коммунистическому труду. Изменение политики повлекло развитие трудового законодательства — был разработан и издан КЗоТ РСФСР 1971 г., в то время как до начала 1970-х гг. продолжал действовать нэповский трудовой кодекс 1922 г.²³ Существенное возрастание роли права

¹⁷ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1240. Л. 136.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1240. Л. 174.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1240. Л. 139, 145.

²⁰ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1240. Л. 146.

²¹ РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1240. Л. 174.

²² РГАЭ. Ф. 9538. Оп. 16. Д. 1240. Л. 141–145.

²³ Иванов А. Б. Коллизии в советском трудовом праве и их преодоление при разработке Кодекса законов о труде РСФСР 1971 года // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 428–433.

подтверждается принятием 23 декабря 1970 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве»²⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Иванов А. Б. Коллизии в советском трудовом праве и их преодоление при разработке Кодекса законов о труде РСФСР 1971 года // Юридическая техника. — 2017. — № 11. — С. 428–433.
2. Ленин В. И. КПСС о работе с кадрами. — М., 1988. — 606 с.
3. Федоров А. В. Кадровая политика СССР на завершающем этапе индустриальной модернизации (конец 1950-х — 1980-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — М., 2005. — 183 с.

REFERENCES

1. Lenin VI. KPSS on work with personnel. Moscow; 1988. (In Russ.).
2. Ivanov AB. Conflicts in Soviet labor law and their overcoming during the development of the Code of Labor Laws of the RSFSR of 1971. *Legal Technique*. 2017;11:428-433. (In Russ.).
3. Fedorov AV. Personnel policy of the USSR at the final stage of industrial modernization (late 1950–1980s). Cand. Sci. (History) Diss. Moscow; 2005. (In Russ.).

²⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23.12.1970 «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов Т. 8 : 1970 г. — февраль 1972 г. М. : Политиздат, 1972. С. 277–281.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.067-072

МУНИЦИПАЛЬНО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ

Гоглева Ксения Юрьевна,

начальник кафедры конституционного и международного права
Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации, кандидат юридических наук
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1
goglevakseniya@gmail.com

© Гоглева К. Ю., 2026

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие органов местного самоуправления с религиозными организациями в современном российском государстве. Особое внимание уделено новеллам конституционной реформы 2020 г., окончательно закрепившим единство структуры публичной власти в Российской Федерации, которое предопределило текущую трансформацию правового статуса органов местного самоуправления. Оценивая направления муниципально-конфессионального сотрудничества, автор делает вывод о реализации в России кооперационной модели их взаимодействия, что обусловлено, с одной стороны, светским характером Российской Федерации, с другой — необходимостью вовлечения институтов гражданского общества в укрепление традиционных ценностей многонационального народа России, а также обеспечение конституционной идентичности, суверенитета и независимости нашего государства. Констатируя, что правовая регламентация взаимодействия органов местного самоуправления и конфессиональных сообществ не лишена изъянов, автор доказывает, что она не является конституционно-излишней и требует дальнейшего совершенствования и расширения исходя из специфики национального состава территорий, на которых расположены органы местного самоуправления, и вносит ряд конструктивных предложений по повышению эффективности и результативности данного сотрудничества.

Ключевые слова: органы местного самоуправления; религиозные организации; государственно-конфессиональное сотрудничество; социальное служение; традиционные конфессии; муниципальная власть; свобода совести; свобода вероисповедания; религия; государственная национальная политика

MUNICIPAL-CONFESSIONAL COOPERATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: TRANSFORMATION OF FORM AND CONTENT

Kseniya Yu. Gogleva,

Cand. Sci. (Law), Head of the Department of Constitutional and International Law,
Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russian Federation

goglevakseniya@gmail.com

Abstract. *The paper analyzes the interaction between local self-government bodies and religious organizations in the context of their development within the historical realities of the modern Russian state. Particular attention is paid to the innovations of the 2020 constitutional reform, which ultimately consolidated the unity of the system of public authority in the Russian Federation and thereby predetermined the current transformation of the legal status of local self-government bodies. Assessing the main directions of municipal-confessional cooperation, the author concludes that modern Russia is implementing a cooperative model of interaction between these institutions. This is preconditioned, on the one hand, by the secular nature of the Russian Federation and, on the other hand, by the need to involve civil society institutions in the process of strengthening and preserving the traditional values of the multinational people of Russia, as well as ensuring the constitutional identity, sovereignty, and State independence. Noting that the legal regulation of interaction between local self-government bodies and confessional communities is not without shortcomings, the author convincingly argues that such regulation is not constitutionally superfluous and requires further improvement and expansion, taking into account the specific national composition of the territories in which particular local self-government bodies are situated. The paper also proposes a number of constructive and well-reasoned measures aimed at enhancing the efficiency and effectiveness of this cooperation.*

Keywords: *local governments; religious organizations; state-confessional cooperation; social service; traditional confessions; municipal government; freedom of conscience; freedom of religion; religion; state national policy*

Государственно-конфессиональные отношения прошли значительный путь трансформации за период исторического развития российской государственности: от истоков религиозной православной монолитности Российской империи¹, воинствующего атеизма в СССР² до свободы вероисповедания в современной светской Российской Федерации (ст. 14 Конституции РФ). При чем данные метаморфозы касались не только формы правовых отношений института церкви (в широком смысле понимания этого слова) и органов публичной власти в их «внешнем» проявлении в объективных реалиях конкретного исторического этапа, но также и «внутренних», субъект-субъектных отношений индивидов, составляющих многонациональное население нашего государства. Ведь, как верно отметил в своем труде «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» П. Сорокин, характер социальных отношений, во многом, определяется эмоциональными переживаниями участников процесса и основывается на степени сходства характера их действий, ценностей и норм поведения. И если правовая регламентация государственно-конфессиональных отношений является сферой компетенции, в большей части, органов феде-

¹ Гавриленков А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.; сущность, принципы, эволюция : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 21.

² Янушевич И. И. Формирование системы насаждения атеизма в СССР // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 83.

ральной и субъектовой государственной власти, то обеспечение *веротерпимости* граждан представляется вопросом местного значения, требующем компетентного внимания органов местного самоуправления, которые, несмотря на некоторую трансформацию своей организационно-правовой формы (связанной со вступлением в юридическую силу Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»)³, сохраняют функции гаранта поддержания конституционного правопорядка в обществе, способного консолидировать интересы общества и традиционных религиозных сообществ, а не разделить их.

Анализ механизма взаимодействия органов местного самоуправления с традиционными для Российской Федерации конфессиональными сообществами обращает внимание на то, что оно реализуется как посредством *диспозиционных* форм взаимодействия (через привлечение нерелигиозных общественных организаций и национальных диаспор, которые взаимодействуют с религиозными деятелями), так и в следующих *конструктивных* (предусматривающих их непосредственное, прямое взаимодействие с представителями различных конфессий) формах:

— прямая гражданская инициатива, выраженная в организации и проведении конфессиональными сообществами митингов, шествий, демонстраций, пикетов и иных видов массовых мероприятий, в том числе направленных на побуждение органов публичной власти к принятию желанного решения в пользу их интересов⁴ на территории муниципального образования (ч. 5 ст. 16 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»). К данного рода публичным богослужениям, другим религиозным обрядам и церемониям применяются требования Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁵ в части необходимости уведомления органов местного самоуправления о цели, форме, месте, времени планируемого публичного мероприятия, а также о предполагаемом количестве его участников и данных о его организаторах (ст. 7 Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»). Однако следует отметить, что данное полномочие отсутствовало в числе прямо закрепленных за местной властью в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и отсутствует также в нормативных положениях принятого 20.03.2025 Федерального закона от № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁶, что составляет некоторую пробельность правового регулирования в данной сфере и может служить дополнительным препятствием для привлечения должностных лиц местной администрации к юридической ответственности по ст. 5.38 Кодекса РФ об административных правонарушениях;

— участие в работе консультативно-совещательных органов (советах, координационных советах, рабочих группах и т.д.) при органах местного самоуправления и общественных палатах субъектов РФ (по аналогии с функционирующим с 1995 г. по распоряжению Президента России Советом по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ⁷), созданных в качестве диалоговой площадки

³ Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁴ Маковский А. А. Механизмы участия религиозных организаций в региональном политическом процессе России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2024. Т. 48. С. 25.

⁵ Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

⁶ Федеральный закон от 25.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

⁷ Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/structure/regulation/17> (дата обращения: 30.01.2026).

власти и общества для решения религиозных и межнациональных вопросов. Опыт такого рода муниципально-конфессионального сотрудничества реализуется, например, в столице Республики Тыва Кызыле, в Самарской области, в Ханты-Мансийском автономном округе (и на некоторых других территориях органов местного самоуправления). В целях упорядочения и унификации порядка данного рода отношений 14.10.2022 Федеральное агентство по делам национальностей утвердило Методические рекомендации по основным направлениям взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, уполномоченных в сфере государственной национальной политики, с религиозными объединениями (утв. приказом Федерального агентства по делам национальностей России от 14.10.2022 № 164), о чем направило 21.10.2022 разъяснительное письмо (исх. № 33509-01.1-23-ИБ «О направлении методических рекомендаций») в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления⁸. Вышеуказанные Методические рекомендации продолжают действовать до сих пор, хотя и содержат ссылку на утратившие действие законодательные положения нормативных правовых актов (например, на Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁹, Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹⁰ и т.д.). Основное внимание в данных рекомендациях уделено регламентации направлений взаимоотношений органов публичной власти всех уровней с религиозными объединениями на местах, в числе которых названы: конструктивное взаимодействие в сфере обеспечения межнациональных и межконфессиональных отношений; государственная поддержка социального служения конфессиональных объединений и проведение совместных массовых мероприятий; осуществление научно-исследовательской деятельности в сфере изучения и анализа состояния межконфессиональных отношений¹¹;

— противодействие экстремизму этноконфессиональной направленности, субъективная сторона которого напрямую сопряжена с проблемами религиозной убежденности и религиозности. При этом следует отметить, что этническое многообразие субъектов Российской Федерации предопределяет полимодальность необходимых организационных, идеологических и иных мер превентивного характера, используемых как органами местного самоуправления, так и местными конфессиональными сообществами. Централизованным должен быть лишь вектор основного направления их усилий: органы публичной власти должны реализовывать превентивные меры по противодействию экстремизму этноконфессиональной направленности, устраняя социальную напряженность в обществе, вызванную в

⁸ Методические рекомендации по основным направлениям взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, уполномоченных в сфере государственной национальной политики, с религиозными объединениями (утв. приказом Федерального агентства по делам национальностей от 14.10.2022 № 164) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405724319/> (дата обращения: 30.01.2026).

⁹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822 (полностью утрачивает юридическую силу с 1 января 2027 г.).

¹⁰ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817 (утратил юридическую силу).

¹¹ См.: разд. II Методических рекомендаций по основным направлениям взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, уполномоченных в сфере государственной национальной политики, с религиозными объединениями (утв. приказом Федерального агентства по делам национальностей от 14.10.2022 № 164) // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405724319/> (дата обращения: 30.01.2026).

первую очередь проблемами экономического и социального характера, а также, при необходимости, использовать силу государственного принуждения по легальному пресечению деятельности экстремистов; усилия же конфессиональных сообществ должны быть направлены на распространение среди населения идей гражданственности, религиозной и этнической терпимости и толерантности, поликультурного согласия. Ведь именно религия в «сложные» для населения времена, связанные с социальными катаклизмами, оставалась и остается надеждой и опорой людей, оплотом их противодействия атмосфере общественного беспокойства и социальной напряженности;

— материальная, информационная, консультационная поддержка органами местного самоуправления социально-ориентированных проектов конфессиональных сообществ, в том числе направленных на укрепление и сохранение традиционных ценностей российского народа и реализацию приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации (в соответствии с нормоположениями Стратегии государственной национальной политики на период до 2036 года, утвержденной Указом Президента РФ от 25.11.2025 № 858).

В отличие от вышеперечисленных направлений муниципально-конфессионального сотрудничества, а также ряда иных полномочий органов местного самоуправления в данной сфере, закрепленных в уставных документах абсолютного большинства из них в числе вопросов местного значения, — профилактика экстремизма и терроризма; дача согласия на вступление в брак лиц, достигших 16 лет; обеспечение укрепления межнационального и межконфессионального согласия; обеспечение сохранения самобытности и многообразия традиционных языков и культуры российских народов, проживающих на местной территории; организация и проведение мероприятий по сохранению и развитию местных культурных обычаев и традиций; военно-патриотическое воспитание граждан, которые представляются бессрочно актуальными, несмотря на изменяющиеся запросы общества и вызовы геополитической ситуации, деятельность органов местного самоуправления в сотрудничестве с религиозными организациями, направленная на социальную адаптацию и интеграцию мигрантов в российское общество, весьма востребованная и составлявшая приоритет государственно-религиозного сотрудничества до 2025 года, постепенно теряет свою актуальность в связи с ориентацией национальной политики на курс «возвратной миграции», закрепленный в «букве» Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы¹². Данная тенденция обусловлена изменениями миграционной политики России в ответ на появление новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Несмотря на то что адаптация иностранных граждан к национальным особенностям жизни в Российской Федерации продолжает формально оставаться приоритетной задачей миграционной политики (п. «а» ст. 27 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы), в вышеуказанной Концепции отсутствует задача по интеграции иностранных граждан и апатридов в культурную среду нашего государства и, более того, указано на необходимость активизации усилий, направленных на снижение нагрузки по обеспечению социального благополучия членов семей трудящихся и обучающихся на территории России иностранцев (п. «б» ст. 15 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы), что полностью не исключает осуществления деятельности по государственно-конфессиональному сотрудничеству в сфере содействия языковой, культурной, правовой адаптации иностранных граждан (п. «о» ст. 28 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы) и формированию и развитию инфраструктуры, препятствующей объединению «неграждан» в этнические анклав и их пространственной сегрегации (п. «п» ст. 28 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы), но значительно

¹² Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // СЗ РФ. 2025. № 42. Ст. 6143.

уменьшает роль религиозных организаций как активных участников гражданского общества в реализации миграционной политики.

Существующие направления взаимодействия органов публичной власти и религиозных сообществ продолжают оставаться элементом действенного механизма решения вопросов как местного, так и государственного значения. Геополитические вызовы и угрозы, возникающие перед современной Россией, определяют необходимость изменения как вектора направленности совместных усилий органов местного самоуправления и религиозных организаций, так и их нормативного правового регулирования в части конкретизации и унификации (однако не без учета региональной специфики, обусловленной многообразием этнических особенностей населения субъектов Российской Федерации) форм возможного «сотрудничества», в первую очередь направленного на реализацию миссии «социального служения» институт церкви обществу. Есть объективная необходимость применения к принципу светскости современного Российского государства категории гуманизма, для того чтобы он приобрел нравственно-правовой оттенок, при котором государство гарантирует реализацию полноценной правосубъектности религиозных организаций при взаимодействии с органами публичной власти всех уровней.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гавриленков А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.; сущность, принципы, эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2010. — 44 с.
2. Маковский А. А. Механизмы участия религиозных организаций в региональном политическом процессе России // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». — 2024. — Т. 48. — С. 18–27.
3. Фоминская М. Д. Религиозные основания изменения законодательства (доктрина, практика, техника) // Юридическая техника. — 2023. — № 17. — С. 179–187.
4. Янушевич И. И. Формирование системы насаждения атеизма в СССР // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. — 2022. — № 1. — С. 82–86.

REFERENCES

1. Gavrilentov AF. The policy of state power of the Russian Empire in relation to the Orthodox Church, non-Orthodox denominations and Abrahamic (non-Christian) faiths in 1721–1917; essence, principles, evolution. Author's Abstract. Dr. Sci. (History). Moscow; 2010. (Russ.).
2. Makovsky AA. Mechanisms of participation of religious organizations in the regional political process of Russia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*. 2024;48:18-27. (In Russ.).
3. Fominskaya MD. Religious grounds for changing legislation (doctrine, practice, technique). *Legal Technique*. 2023;17:179-187. (In Russ.).
4. Yanushevich II. Formation of the system of planting atheism in the USSR. *Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity sciences*. 2022;1:82-86. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.073-078

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Рашидова Асель Ибрагимовна,

доцент кафедры гражданского права

Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48

aselisa@mail.ru

Шубников Юрий Борисович,

заведующий кафедрой гражданского права

Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

доктор юридических наук, профессор

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48

shubnikovub@mail.ru

© Рашидова А. И., Шубников Ю. Б., 2026

Аннотация. В статье осуществляется многоаспектный анализ правовой модели социального партнерства, рассматриваемой в качестве фундаментального института социального правового государства. Авторская позиция заключается в понимании данной модели как императивно-диспозитивной конструкции, в которой публично-правовое регулирование, гарантируемое государством, системно сочетается с частноправовой диспозитивностью, реализуемой через автономию воли социальных партнеров. В работе исследуется внутренняя архитектура модели, включающая ее нормативно-доктринальные основания, закрепленные в Конституции РФ и трудовом законодательстве. Центральное внимание уделяется системному взаимодействию ключевых элементов: трипартичного субъектного состава (с тройкой ролью государства как гаранта, арбитра и работодателя), иерархически организованных уровней осуществления (федеральный, межрегиональный, региональный, отраслевой, территориальный, локальный) и правовых форм диалога, среди которых доминирующее значение имеет коллективно-договорное регулирование. Выявляются и анализируются системные дисфункции модели, такие как формализация переговорных процедур, ограниченная эффективность санкционных механизмов, распространение практик «псевдопартнерства», а также фрагментарность охвата малого и среднего бизнеса. В сравнительно-правовом ключе проводится дифференциация российской модели от германской (с ее приматом отраслевого тарифа) и англосаксонской (опирающейся на децентрализованный бипартизм и силовое давление). В заключение обосновывается стратегический вектор конституционализации социального партнерства, который предполагает не ревизию, а качественную эволюцию института через обеспечение прямого действия конституционных принципов, имплементацию стандартов социальной ответственности в национальное законодательство и формирование подлинной правовой культуры социального диалога как условия устойчивого развития и социального мира в рамках достижения национальных целей развития Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное партнерство; трудовое право; коллективный договор; трехстороннее сотрудничество; правовая модель; баланс интересов; конституционализация; гражданское общество; социальное государство; правовой институт

PUBLIC-LAW MECHANISMS OF SOCIAL PARTNERSHIP

Asel I. Rashidova,

Associate Professor, Department of Civil Law, Herzen State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russian Federation

aselisa@mail.ru

Yuriy B. Shubnikov,

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law,
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation

shubnikovub@mail.ru

***Abstract.** The paper offers a multidimensional analysis of the legal model of social partnership, viewed as a fundamental institution of the social rule-of-law state. The author understands as an imperative-dispositive construct in which public-law regulation guaranteed by the state is systematically combined with private-law dispositivity realized through the autonomy of will of the social partners. The study examines in detail the internal architecture of this model, including its normative and doctrinal foundations as enshrined in the Constitution of the Russian Federation and labor legislation. Particular attention is paid to the systemic interaction of its key elements: the tripartite structure of subjects, with the state performing a threefold role as guarantor, arbitrator, and employer; the hierarchically organized levels of implementation, including the federal, interregional, regional, sectoral, territorial, and local levels; and the legal forms of dialogue, among which collective bargaining regulation occupies the dominant place. The paper identifies and analyzes systemic dysfunctions of the model, such as the formalization of negotiation procedures, the limited effectiveness of sanctioning mechanisms, the spread of practices of «pseudo-partnership», and the fragmented inclusion of small and medium-sized businesses. In a comparative legal perspective, the Russian model is differentiated from the German model, with its primacy of sectoral tariff agreements, and from the Anglo-Saxon model, which relies on decentralized bipartism and pressure-based methods. In conclusion, the author substantiates a strategic vector for the constitutionalization of social partnership, which presupposes not a revision but a qualitative evolution of the institution through ensuring the direct effect of constitutional principles, implementing standards of social responsibility in national legislation, and fostering a genuine legal culture of social dialogue as a condition for sustainable development and social peace within the framework of achieving the national development goals of the Russian Federation.*

Keywords: social partnership; labor law; collective agreement; trilateral cooperation; legal model; balance of interests; constitutionalization; civil society; social state; legal institution

Концепция социального партнерства утвердилась в XX в. в качестве одного из столпов социального правового государства. В Российской Федерации его принципы закреплены в ст. ТК РФ, где оно определено как система взаимоотношений между работниками, работодателями, органами государственной власти и местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов. Однако, несмотря на нормативное оформление, его правовая модель, то есть идеализированная система принципов, субъектов, объектов, форм и механизмов, нуждается в доктринальном осмыслении и консолидации. Актуальность исследования обусловлена потребностью в повышении эффективности диалога между трудом и капиталом в условиях новых социально-экономических вызовов. Целью данной работы является построение целостной правовой модели социального партнерства, выявление ее структурных элементов и проблемных зон, а также формулирование предложений по ее совершенствованию.

1. Доктринальные и нормативные основы модели

Теория социального партнерства имеет междисциплинарный характер, коренясь в идеях солидаризма и корпоративизма¹. В правовом ключе она эволюционировала от теории классовой борьбы к концепции конструктивного диалога, опосредованного правом. Конституционной основой модели в России выступают положения ст. 7 Конституции РФ о социальном государстве, а также ст. 30, гарантирующая право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы. В. И. Миронов справедливо отмечает, что социальное партнерство есть форма конституционно-правового диалога между обществом и властью². Законодательным стержнем является Раздел II ТК РФ («Социальное партнерство в сфере труда»), который устанавливает его базовые принципы, субъектный состав (работники, работодатели, их представители, государство) и уровни (от федерального до локального).

Важнейшим принципом модели является равноправие сторон, что, однако, в практическом измерении требует правовых гарантий для более слабой стороны — работников, что достигается через институт представительства (профсоюзы). Принцип уважения и учета интересов сторон предполагает поиск компромисса³, а принцип содействия государства в укреплении партнерства подчеркивает его публично-правовую составляющую. Таким образом, нормативная база формирует каркас модели, но ее жизнеспособность зависит от наполнения конкретными правовыми средствами и практикой их применения.

2. Структурные элементы правовой модели социального партнерства

Системный анализ позволяет выделить следующие взаимосвязанные элементы модели социального партнерства.

2.1. Субъектный состав. Модель социального партнерства в сфере труда носит трехсторонний (трипартизм) и двусторонний (бипартизм) характер. Ключевые субъекты — это работники (индивидуально и коллективно, через представителей) и работодатели (их объединения). Государство выступает в тройной роли: как гарант правового регулирования, как посредник (примирительные процедуры) и как работодатель в публичном секторе. На федеральном и региональном уровнях действуют трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений, персонифицирующие институциональную основу модели.

2.2. Правовые средства (формы) взаимодействия. Основными формами реализации модели являются: коллективные переговоры, взаимные консультации, участие работников в управлении организацией, участие представителей в досудебном разрешении трудовых споров. Центральным правовым средством, вырабатываемым в процессе партнерства, является коллективный договор или соглашение. По своей природе это акт локального правотворчества, который, как указывает К. Н. Гусов, «конкретизирует, дополняет, а иногда и улучшает условия, установленные трудовым законодательством»⁴.

2.3. Уровни осуществления. Модель социального партнерства в сфере труда иерархична и включает федеральный, межрегиональный, региональный, отраслевой, территориальный и локальный уровни. На каждом из них достигаются соглашения с разной степенью нормативной общности. Локальный уровень (непосредственно в организации) является базовым, где абстрактные принципы получают конкретное воплощение.

Отдельные уровни модели не существуют изолированно, а образуют взаимосвязанную и динамичную систему. Их взаимодействие строится по принципу

¹ Ильина О. Ю. Теоретико-методологические предпосылки конституционной идеи социального партнерства в гуманитарной мысли // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 126.

² См.: Миронов В. И. Трудовое право. М.: Проспект, 2020. 992 с.

³ См.: Басалаева С. П. Коллективное трудовое право. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. 142 с.

⁴ См.: Гусов К. Н., Бондаренко Э. Н., Крылов К. Д. Трудовое право. М.: Проспект, 2013. 628 с.

«вертикали», где соглашения более высокого уровня (например, отраслевые или региональные) устанавливают общие рамки и гарантии, которые детализируются и развиваются на нижестоящих ступенях. При этом «горизонтальные» связи, особенно между отраслевым и территориальным уровнями, позволяют адаптировать общие нормы к специфике конкретных экономических и географических условий. Таким образом, эффективность всей модели зависит от согласованности правовых установлений, вырабатываемых на разных ступенях, что обеспечивает единство и гибкость в регулировании социально-трудовых отношений.

2.4. Механизмы обеспечения (санкции). Эффективность модели социального партнерства обеспечивается как поощрительными, так и принудительными механизмами. К первым можно отнести стимулирование заключения коллективных договоров. Ко вторым — ответственность за уклонение от участия в коллективных переговорах или за невыполнение обязательств по коллективному договору⁵. Однако слабость санкций за отказ учитывать мнение представителей работников остается одной из проблемных точек модели.

Сложной остается также проблема судебной защиты от «псевдопартнерства», когда коллективный договор принимается в условиях доминирования работодателя. Хотя формально он соответствует ТК РФ, его содержание может сводиться к минимуму. Суды, как правило, проверяют лишь формальное соблюдение процедуры и отсутствие прямого ухудшения условий, предписанных законом, но не вдаются в оценку «справедливости» распределения социальных благ. Это указывает на пределы судебного контроля и возвращает к вопросу о необходимости доктринального развития понятия «злоупотребление правом» в коллективно-договорных отношениях⁶.

В отличие от российской модели, где локальный уровень является доминирующим, в ряде стран ЕС, например в Германии, приоритет отдается отраслевому регулированию. Отраслевое тарифное соглашение, заключенное на федеральном или земельном уровне, в соответствии с Законом о тарифных договорах *Tarifvertragsgesetz* (Закон о коллективных договорах Германии)⁷ автоматически распространяется на всех работников и работодателей в рамках данной отрасли, обеспечивая единые стандарты. Это минимизирует конкуренцию за счет снижения издержек на труд и создает прочный каркас для диалога. Российская модель, с ее акцентом на локальные договоры, обеспечивает большую гибкость, но может приводить к размыванию гарантий в условиях слабости профсоюзного движения на конкретном предприятии.

Англосаксонская модель, исторически сложившаяся в США, характеризуется децентрализованным бипартизмом с ограниченным участием государства, которое выступает в основном в роли арбитра при острых конфликтах. Закон Вагнера 1935 г. (Национальный Закон о трудовых отношениях США)⁸ закрепил право на объединение и коллективные переговоры, но не создал системы многоуровневых комиссий. Коллективный договор (*collective bargaining agreement*) здесь — результат часто жестких переговоров и забастовочной борьбы. Российская конструкция, с ее институализированными трехсторонними комиссиями на всех уровнях, отражает иную философию — превентивного диалога при содействии публичной власти.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁶ См.: Бронникова М. Н. Формы и виды злоупотреблений правом в сфере // Российский судья. 2025. № 10. С. 12–15.

⁷ *Tarifvertragsgesetz* (TVG) // *Bundesgesetzblatt* (BGBl) — *Verköndungsblatt der Bundesrepublik Deutschland Online-Archiv der von 1949 bis 2022 erschienenen Ausgaben*. URL: http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?startbk=Bundesanzeiger_BGBl&jumpTo=bgbl169s1323.pdf (дата обращения: 30.01.2026).

⁸ National Labor Relations Act of 1935 // National Labor Relations Board. URL: <http://www.nlr.gov/national-labor-relations-act> (дата обращения: 30.01.2026).

3. Проблемы и перспективы: конституционализация как вектор развития

Несмотря на развитую нормативную базу, практическая реализация модели сталкивается с рядом системных проблем⁹: формализация диалога на некоторых предприятиях, низкий уровень охвата коллективно-договорным регулированием в малом бизнесе, недостаточная активность объединений работодателей. Это указывает на разрыв между теоретической конструкцией и социально-правовой реальностью.

Перспективным направлением преодоления этого разрыва видится углубление конституционализации социального партнерства. Это предполагает не просто ссылку на конституционные нормы, а их прямое действие и развитие в отраслевом законодательстве. Необходимо усилить гарантии свободы объединения, обеспечить реальное, а не декларативное равноправие на переговорах, расширить сферу обязательного применения примирительных процедур. Кроме того, назрела потребность в законодательном закреплении концепции ESG (Environmental, Social, and Governance), где социальный компонент (S) напрямую связан с этичным отношением к работникам и эффективным социальным диалогом. В ряде государств Западной Европы компании обязаны публиковать информацию о реализации принципов ESG, включающую соблюдение требований охраны окружающей среды, экологических нормативов, прав человека, в том числе трудовых прав и принципов равенства, разнообразия и инклюзивности в органах управления, принципов борьбы со взяточничеством и коррупцией и др.¹⁰ Во многих европейских странах стандарты ESG рассматриваются в качестве социально ориентированных практик, повышающих инвестиционную привлекательность компаний и приобретают свойства «мягкого» права, формируемого на основании положительно зарекомендовавших себя¹¹.

Правовая модель социального партнерства представляет собой сложный, многоуровневый институт, интегрирующий публично-правовые начала (гарантии со стороны государства) и частноправовую автономию воли (свободу договора между социальными партнерами). Ее ядро составляет коллективно-договорное регулирование, опирающееся на принципы равноправия, солидарности и взаимной ответственности. Проведенный анализ позволяет заключить, что действующая модель нуждается не в кардинальной ломке, а в качественном укреплении ее конституционных основ и повышении эффективности правоприменительных механизмов. Развитие социального партнерства как полноценной правовой культуры взаимодействия является ключевым условием достижения социального мира и устойчивого развития, что соответствует стратегическим целям, провозглашенным в Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹². Это делает целенаправленную модернизацию правовых основ социального партнерства одной из актуальных задач современной юридической науки и практики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алешкова И., Коданева С. Принципы ESG в российской модели корпоративного управления: современное состояние и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — № 2. — С. 118–138.

⁹ Щетинина Н. Ю. Индустрия 4.0: практические аспекты реализации в российских условиях // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2017. № 1 (21). С. 80.

¹⁰ Алешкова И., Коданева С. Принципы ESG в российской модели корпоративного управления: современное состояние и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 2. С. 122.

¹¹ Антонова Е. Г. Стандарты ESG в структуре корпоративных Правоотношений // Хозяйство и право. 2024. № 6 (569). С. 15.

¹² Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. № 100.

2. Антонова Е. Г. Стандарты ESG в структуре корпоративных Правоотношений // *Хозяйство и право*. — 2024. — № 6 (569). — С. 14–26.
3. Басалаева С. П. Коллективное трудовое право. — Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2016. — 142 с.
4. Бронникова М. Н. Формы и виды злоупотреблений правом в сфере // *Российский судья*. — 2025. — № 10. — С. 12–15.
5. Гусов К. Н., Бондаренко Э. Н., Крылов К. Д. Трудовое право. — М. : Проспект, 2013. — 628 с.
6. Ильина О. Ю. Теоретико-методологические предпосылки конституционной идеи социального партнерства в гуманитарной мысли // *Право и государство: теория и практика*. — 2024. — № 10 (238). — С. 124–127.
7. Миронов В. И. Трудовое право. — М. : Проспект, 2020. — 992 с.
8. Щетинина Н. Ю. Индустрия 4.0: практические аспекты реализации в российских условиях // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. — 2017. — № 1 (21). — С. 75–84.

REFERENCES

1. Aleshkova I, Kodaneva S. ESG principles in the Russian model of corporate governance: current state and prospects. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2025;2:118-138. (In Russ.).
2. Antonova EG. ESG standards in the structure of corporate legal relations. *Economy and Law*. 2024;6(569):14-26. (In Russ.).
3. Basalaeva SP. Collective labor law. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ.; 2016. (In Russ.).
4. Bronnikova MN. Forms and types of abuse of law in the field. *Russian Judge*. 2025;10:12-15. (In Russ.).
5. Gusov KN, Bondarenko EN, Krylov KD. Labor law. Moscow: Prospekt Publ.; 2013. (In Russ.).
6. Ilyina OYu. Theoretical and methodological prerequisites for the constitutional idea of social partnership in humanitarian thought. *Law and State: Theory and Practice*. 2024;10(238):124-127. (In Russ.).
7. Mironov V.I. Labor law. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
8. Shchetinina NYu. Industry 4.0: practical aspects of implementation in Russian conditions. *Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature And Society*. 2017;1(21):75-84. (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.079-089

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИЕ

Чекмарев Эдуард Владимирович,

профессор кафедры государственного и муниципального управления
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
доктор политических наук, профессор
109992, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36
chekmarev.ev@rea.ru

Переверзев Кирилл Владимирович,

студент Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
109992, Россия, г. Москва, Стремянный пер., д. 36
pereverzev.k@edu.rea.ru

© Чекмарев Э. В., Переверзев К. В., 2026

Аннотация. В статье анализируются государственно-правовые риски, связанные с применением генеративных языковых моделей (искусственного интеллекта) в системе образования. Основное внимание уделяется угрозе деформации мировоззрения обучающихся, что превращает традиционную педагогическую задачу в вопрос обеспечения национальной безопасности. Авторы доказывают, что, несмотря на внешнюю диалогичность, ИИ лишен способности к взаимной рефлексии и ценностной трансформации, что ведет к подмене самостоятельного мышления готовыми интеллектуальными шаблонами, ослаблению критического мышления и снижению мотивации к самостоятельному поиску знаний. Особую проблему представляет культурно-ценностный дисбаланс, возникающий из-за доминирования в глобальных моделях чуждых культурных кодов, что противоречит задачам сохранения национальной идентичности и может расцениваться как инструмент неправомерного информационного влияния. Авторы признают конструктивный потенциал технологий для гуманизации и персонализации обучения. В качестве вывода обосновывается необходимость перехода от использования коммерческих моделей к созданию суверенных образовательных ИИ-платформ, функционирующих в рамках специального правового режима. Ключевыми задачами государства определяются разработка нормативных требований к алгоритмической прозрачности, культурной адекватности и педагогической направленности ИИ как инструмента, а также правовое регулирование его применения для защиты информационного суверенитета и конституционных прав граждан в образовательной сфере.

Ключевые слова: государственно-правовое регулирование образования; информационная безопасность; образовательный суверенитет; искусственный интеллект в образовании; генеративные языковые модели; формирование мировоззрения; культурно-ценностный суверенитет; защита традиционных российских ценностей; цифровая трансформация образования; ИИ

FORMATION OF LEARNERS' WORLDVIEWS IN THE CONTEXT OF INTEGRATING ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO EDUCATION

Eduard V. Chekmarev,

Dr. Sci. (Law), Full Professor, Department of State and Municipal Administration, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
chekmarev.ev@rea.ru

Kirill V. Pereverzev,

Undergraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
pereverzev.k@edu.rea.ru

Abstract. The paper analyzes state law risks associated with the use of generative language models (AI) in the education system. Its main focus is on the threat of distortion of the mechanisms through which students' worldview is formed, thereby transforming a traditionally pedagogical task into an issue of national security. The authors argue that, despite its outward dialogic nature, AI lacks the capacity for reciprocal reflection and value-based transformation, which leads to the substitution of independent thinking with ready-made intellectual templates, the weakening of critical thinking, and a decline in motivation for the independent pursuit of knowledge. A particular legal problem is the cultural and value imbalance arising from the predominance of alien cultural codes in global models, which runs counter to the objectives of preserving national identity and may be regarded as an instrument of unlawful informational influence. At the same time, the authors acknowledge the constructive potential of these technologies for the humanization and personalization of education. As a legal conclusion, the article substantiates the need to move from the use of commercial models toward the creation of sovereign educational AI platforms operating within a special legal regime. The key tasks of the state are identified as the development of regulatory requirements for the algorithmic transparency, cultural adequacy, and pedagogical orientation of AI as a tool, as well as the legal regulation of its use for the protection of informational sovereignty and the constitutional rights of citizens in the educational sphere.

Keywords: state law regulation of education; information security; educational sovereignty; artificial intelligence in education; generative language models; worldview formation; cultural and value sovereignty; protection of traditional Russian values; digital transformation of education; AI

Когнитивная природа человека обуславливает его устойчивую потребность в познании окружающего мира и осмыслении получаемого опыта. В отличие от большинства других биологических видов, для человека познавательная активность выступает не только инструментом адаптации, но и базовым механизмом формирования целостной картины мира, мировоззрения. В современном общественном устройстве и государственном управлении одной из ключевых институциональных форм, обеспечивающих удовлетворение данной потребности, является система образования, ориентированная на передачу знаний, развитие аналитического мышления и формирование мировоззренческих установок обучающихся. С позиций государственной правовой политики, образование рассматривается не просто как социальная услуга, а как стратегический ресурс обеспечения национального суверенитета и культурной идентичности¹.

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. № 100.

В соответствии с положениями федерального законодательства, воспитание гражданственности, уважения к закону и правопорядку является неотъемлемой частью образовательного процесса². В условиях современных геополитических вызовов механизмы формирования мировоззрения выходят за рамки педагогики и приобретают юридическую значимость, становясь объектом государственно-правового регулирования в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации³.

В то же время реализация познавательной потребности в образовательном процессе не является автоматической и зависит от совокупности факторов, среди которых особое значение имеют уровень учебной мотивации, степень вовлеченности обучающихся, а также характер их взаимодействия с источниками информации и педагогами. В научных исследованиях неоднократно подчеркивается, что отчуждение от образовательного процесса, формализация учебной деятельности и преобладание репродуктивных форм обучения способны снижать познавательную активность и препятствовать осмысленному усвоению знаний.

Традиционные формы организации образования, включая лекционные и семинарские занятия, достаточно подробно изучены в педагогике, психологии и философии образования. В рамках этих исследований были выявлены как их дидактические преимущества, так и ограничения, связанные с мотивацией обучающихся, характером познавательной деятельности и условиями формирования самостоятельного мышления. Таким образом, влияние классических образовательных практик на когнитивное развитие личности в целом можно считать теоретически осмысленным и концептуально описанным.

Вместе с тем в последние годы образовательное пространство всё в большей степени трансформируется под воздействием цифровых технологий, в частности генеративных систем искусственного интеллекта, активно используемых обучающимися в процессе подготовки к занятиям и освоения учебного материала. В отличие от традиционных образовательных институтов, данные технологии не только расширяют доступ к информации, но и выступают посредниками ее интерпретации, предлагая пользователю готовые смысловые модели и объяснительные конструкции. Это обстоятельство актуализирует вопрос о том, каким образом использование искусственного интеллекта влияет на когнитивные механизмы познания и, в более широком смысле, на процесс формирования мировоззрения в образовательной среде.

Влияние технологий искусственного интеллекта на образовательные процессы носит комплексный и многоуровневый характер. В настоящее время системы искусственного интеллекта применяются в индивидуальной работе обучающихся, в педагогической практике преподавателей, при разработке и корректировке учебных программ, а также в автоматизации контроля и оценки учебных достижений. Тем самым искусственный интеллект постепенно интегрируется в различные элементы образовательной системы, трансформируя как организационные, так и когнитивные аспекты учебной деятельности. В рамках настоящего исследования внимание сосредоточено на одном из ключевых и наименее концептуализированных направлений данного процесса — взаимодействии обучающегося с генеративными языковыми моделями в ходе самостоятельной учебной работы.

Мы предлагаем рассмотреть этот процесс через призму педагогической концепции совместной деятельности, которая рассматривается как особая форма организации образовательного взаимодействия, обладающая собственными структурными и содержательными характеристиками. Так, И. Е. Гайдукова определяет совместную деятельность как общность педагога и обучающихся, которая не существует в готовом и статичном виде, а формируется в ходе динамического процесса самоорганизации личности учащихся. Реализация данной формы возможна при опоре на принципы

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. 2012. № 303.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

лично ориентированного педагогического взаимодействия, прежде всего диалогизации, персонификации и индивидуализации, что позволяет рассматривать совместную учебную деятельность не только как способ усвоения предметных знаний, но и как пространство становления человеческой индивидуальности. В рамках такого подхода педагог не просто транслирует готовые смыслы, а создает условия для самостоятельного и осмысленного познания⁴.

Развивая данную позицию, В. В. Терещенко подчеркивает, что определяющее значение для совместной деятельности имеют коммуникация, взаимопонимание и рефлексия, поскольку именно они формируют ее содержание и внутреннюю структуру⁵. Тем самым совместная деятельность предполагает активное участие обучающегося в интерпретации учебного материала, совместное конструирование смыслов и постоянное осмысление как результатов, так и самого процесса познания.

В этом контексте взаимодействие обучающегося с генеративными языковыми моделями, на первый взгляд, демонстрирует значительное сходство с описанной педагогической формой. Диалоговый характер коммуникации, высокая степень персонализации ответов⁶, а также ориентация на индивидуальные образовательные запросы пользователя позволяют рассматривать использование ИИ как форму взаимодействия, внешне соответствующую ключевым принципам совместной деятельности. Более того, языковые модели нередко воспринимаются обучающимися как активные участники учебного процесса, способные объяснять, уточнять и адаптировать учебный материал под конкретные когнитивные потребности.

Однако данное сходство носит во многом формальный характер и требует принципиального уточнения. Несмотря на воспроизведение отдельных внешних признаков совместной деятельности, взаимодействие обучающегося с искусственным интеллектом лишено ее системообразующего основания — взаимной рефлексии и трансформации субъектов взаимодействия. В отличие от педагогического процесса, в котором совместная деятельность предполагает двустороннее изменение участников и совместное конструирование смыслов, в случае использования генеративных языковых моделей когнитивные изменения происходят исключительно на стороне обучающегося, тогда как сама система остается вне процесса осмысленного развития и ценностного становления.

Персонализация и диалогичность, создаваемые ИИ, ограничены рамками конкретной сессии: в ходе одного чата модель способна учитывать предыдущие сообщения и адаптировать ответы под индивидуальные потребности, создавая иллюзию активного участия. Длина контекста ограничена, а накопление знаний или рефлексивное развитие модели вне конкретной сессии отсутствует, что закрепляет односторонний характер когнитивного влияния.

Однако большее опасение вызывает тот факт, что если в педагогическом процессе преподаватель внедряется в совместную деятельность с целью формирования личности и ценностных ориентиров, то генеративные языковые модели, напротив, лишены такой направляющей функции. Их использование обеспечивает доступ к готовым интерпретациям и адаптивные ответы на запросы пользователя, однако не нацелено на формирование критического мышления, рефлексии и самостоятельной конструируемой картины мира. В этом заключается ключевое различие и одновременно потенциальная угроза: обучающийся получает ощущение персонализированной

⁴ Гайдук И. Е. Совместная деятельность как педагогическая категория // Мир науки, культуры, образования: научный международный журнал. 2013. № 3 (40). С. 12–13.

⁵ Терещенко В. В. Генезис и современное состояние содержания совместной деятельности в условиях образования // Культурно-историческая психология: научный журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 87–98.

⁶ Zhang Z., Rossi R. A., Kveton B., Shao Y., Yang D., Zamani H., Derroncourt F., Barrow J., Yu T., Kim S., Zhang R., Gu J., Derr T., Chen H., Wu J., Chen X., Wang Z., Mitra S., Lipka N., Ahmed N., Wang Y. Personalization of Large Language Models: A Survey // arXiv. 2025. arXiv:2411.00027 (cs.CL); Woźniak S., Koptyra B., Janz A., Kaziemko P., Kocoń J. Personalized Large Language Models // arXiv. 2024. arXiv:2402.09269 (cs.CL).

поддержки, но его когнитивная автономия и способность самостоятельно выстраивать мировоззренческие структуры остаются уязвимыми.

Многочисленные исследования едины в признании системного риска, связанного с активным использованием генеративного ИИ в обучении: снижением когнитивной автономии учащихся. Этот риск проявляется в совокупности взаимосвязанных последствий, включая снижение внутренней мотивации к самостоятельному поиску и анализу, ослабление навыков критической работы с информацией⁷ и деградацию способности к рефлексивному конструированию знания⁸.

В совокупности эти обстоятельства создают риск, что формирование мировоззренческих структур происходит под влиянием внешних, статичных и не рефлексивных интерпретаций, что ставит под сомнение когнитивную автономию и критическую зрелость обучающихся.

Помимо когнитивных особенностей, значимым источником потенциальной угрозы является неравномерная культурная репрезентация в генеративных языковых моделях. Исследования показывают, что современные модели в основном обучаются на корпусах текстов, сформированных в англоязычном пространстве и, в частности, отражающих американскую культуру, ценностные ориентиры и социальные нормы⁹.

Такая направленность может вступать в противоречие с традиционными российскими образовательными ценностями и культурными установками, которые являются фундаментом национальной образовательной политики. Следовательно, без критического анализа и адаптации предоставляемых ИИ интерпретаций существует риск того, что формирование мировоззрения обучающихся будет происходить под влиянием внешних культурных кодов, не совпадающих с целями локальной образовательной среды.

На более глобальном уровне использование генеративных языковых моделей способствует трансляции универсальных, максимально обобщенных нарративов, что в образовательной среде приводит к своеобразной глобализации знаний. Такой процесс сопряжен с риском утраты культурной и интеллектуальной идентичности, поскольку модели чаще всего репрезентируют ценности и культурные коды, доминирующие в англоязычном или глобализированном медиапространстве, без учета особенностей малых народов и региональных образовательных традиций. В результате формируемые мировоззренческие установки и когнитивные схемы обучающихся отражают стандартизированные, универсальные интерпретации мира, что ограничивает возможность интеграции локальных культурных и исторических особенностей в процесс образования. Эти наблюдения подчеркивают необходимость критической оценки источников знаний, предоставляемых ИИ, и разработки методических подходов, способных компенсировать подобные культурные и когнитивные ограничения.

Подобное положение напрямую противоречит основным принципам государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования, нацеленных на защиту и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов Российской Федерации в условиях многонационального государства. В политико-правовом измерении данная проблема выходит за рамки педагогической

⁷ *Мастерова А. А., Тимофеев А. В.* Риски влияния искусственного интеллекта на когнитивные способности людей // Наука XXI века: актуальные направления развития : материалы конференции / Самарский государственный экономический университет. 2024. № 2-2. С. 230–234.

⁸ *Емельяненко В. Д.* Влияние искусственного интеллекта на когнитивную сферу человека в контексте ценностно-мировоззренческого анализа // Манускрипт. 2025. Т. 18. № 2. С. 519–527.

⁹ *Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S.* On the dangers of stochastic parrots: Can language models be too big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2021. P. 610–623. DOI: 10.1145/3442188.3445922 ; *Bommasani R., Hudson D. A., Adeli E., et al.* On the opportunities and risks of foundation models // arXiv preprint. 2021. arXiv:2108.07258 [cs.LG]. DOI: 10.48550/arXiv.2108.07258.

дискуссии и приобретает черты угрозы национальной информационной безопасности¹⁰ и государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹¹.

Фактически бесконтрольное использование иностранных генеративных моделей в образовательных учреждениях может рассматриваться как форма «мягкой силы»¹², способная размывать гражданскую идентичность молодежи. Это актуализирует необходимость разработки правовых механизмов, ограничивающих использование непроверенных алгоритмических систем в образовательном процессе, и закрепления на законодательном уровне требований к «культурной локализации» искусственного интеллекта, используемого в учебных целях.

С позиции когнитивной лингвоантропологии, которая рассматривает язык как инструмент актуализации и репрезентации мировоззренческих установок человека¹³, взаимодействие с генеративными языковыми моделями приобретает особую значимость. Языковые модели формируют смысловые конструкции, номинируют явления и актуализируют определенные интерпретации мира, воспринимаемые обучающимся как достоверные. В условиях ограниченного контекста и культурной направленности модели формируемые лексические и семантические структуры могут не совпадать с локальными ценностными и образовательными ориентирами. Таким образом, использование ИИ влияет не только на когнитивные способности обучающегося, но и на его языковую и мировоззренческую картину мира, создавая дополнительный уровень потенциальной угрозы для формирования критически осмысленного и культурно адекватного мировоззрения.

При этом мировоззрение не формируется произвольно выбранными источниками и не усваивается как набор знаний; оно постигается в процессе чувственного и интеллектуального переживания изменений, происходящих в сознании под воздействием культурных текстов и практик. Согласно В. А. Сулимову (2014), формирование мировоззрения осуществляется через три взаимосвязанных источника, которые составляют информационно-коммуникативную основу индивидуального сознания: а) область текстов культуры, отражающая исторический процесс становления национального семиозиса и границы порождения смыслов; б) область интеллектуальных практик, включающая освоение знаний, работу с информационными и коммуникационными ресурсами, электронными базами данных и медиапространством; в) область социальных практик, охватывающую гражданскую, правовую и культурно-проектную активность¹⁴.

Внедрение генеративных языковых моделей в образовательные процессы напрямую затрагивает область интеллектуальных практик, предоставляя обучающемуся готовые интерпретации и готовые схемы анализа информации. При этом ИИ способен как расширять, так и сужать границы допустимого порождения смыслов: с одной стороны, модели обеспечивают доступ к новым знаниям и информационным ресурсам; с другой — они формируют предопределенные схемы интерпретации, что может ограничивать самостоятельное конструирование знаний и критическую переработку получаемой информации. Таким образом, влияние ИИ выходит

¹⁰ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

¹¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

¹² Иванов О. Б. «Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2019. Т. 6. № 3. С. 167–176.

¹³ Юсупова Л. Г. Когнитивная лингвоантропология в контексте языковой картины мира // Российский гуманитарный журнал. Социально-гуманитарное знание. 2023. Т. 12. № 2. С. 104–110.

¹⁴ Сулимов В. А. Формирование мировоззрения: от осознания к логосу // Человек. Культура. Образование. 2014. № 2 (12). С. 91–105.

за рамки когнитивного уровня и затрагивает структурные основы формирования мировоззрения.

Дополнительным и крайне значимым аспектом потенциальной угрозы является риск алгоритмической и коммерческой манипуляции смыслами, заложенный в саму архитектуру современных систем. В условиях, когда технологические гиганты рассматривают возможности внедрения рекламных механизмов непосредственно в структуру ответов нейросетей¹⁵, возникает опасность подмены объективной информации ангажированными установками. Поскольку мировоззрение по своей сути является «совокупностью взглядов» и убеждений, целенаправленная подача ложной или искаженной информации под видом нейтрального экспертного мнения способна незаметно деформировать ценностный фундамент личности. Даже незначительное, но систематическое смещение акцентов в интерпретации фактов может привести к конфликту с общепринятыми убеждениями и культурными кодами общества. Этот риск наиболее критичен в подростковом и студенческом возрасте — в периоды активной социальной идентификации, когда когнитивные фильтры восприятия еще недостаточно устойчивы к тонким формам внешнего внушения.

Описанные риски алгоритмической манипуляции поднимают вопросы обеспечения гарантий на неизыблемость и конституционного права личности. В условиях, когда генеративная модель скрыто модерирует выдачу информации, подменяя объективные факты ангажированными нарративами, пусть прямо и не нарушая право на свободу слова или принципы идеологического многообразия, обучающийся оказывается в уязвимом положении, не обладая специальными правовыми и техническими компетенциями для верификации ответа нейросети. Следовательно, возникает потребность в нормативном закреплении «права на прозрачность алгоритма» в образовании, которое обязывало бы разработчиков раскрывать принципы фильтрации контента в моделях, допущенных к использованию в учебных заведениях.

Вместе с тем критический анализ влияния искусственного интеллекта на образовательный процесс был бы неполным без учета его конструктивного потенциала, который во многом сопоставим с преимуществами дистанционных форм занятости и цифровой трансформации труда. Подобно тому как удаленная работа расширяет границы профессиональной автономии, гибкости и индивидуальной ответственности¹⁶, интеграция генеративных моделей в образование способна нивелировать «эффект присутствия без участия», характерный для жестко регламентированных традиционных форматов. В этом контексте использование ИИ может выступать эффективным инструментом преодоления субъективного отчуждения обучающихся от образовательного процесса — состояния, которое характеризуется потерей смысла познания и формализацией учебной деятельности. Предоставляя возможность мгновенного получения обратной связи и адаптации сложного материала под текущий уровень компетенций, ИИ превращает «отчужденное» знание в субъективно доступный и значимый когнитивный ресурс.

Особую роль генеративные модели играют в поддержке метакогнитивной регуляции обучающихся. Исследования показывают, что осознанность смысла учения и способность к самоорганизации являются ключевыми факторами, помогающими преодолеть академическое отчуждение¹⁷. Искусственный интеллект может выступать в роли когнитивного посредника, помогающего студенту структурировать учебные задачи, декомпозировать сложные цели и осуществлять мониторинг собственного

¹⁵ ChatGPT от OpenAI будет отдавать приоритет спонсированному контенту в своих ответах // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2025/12/29/27527803.shtml> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁶ Крюкова И. В., Лагун А. А. Интенсификация инновационной деятельности в Вологодской области через организацию совместной проектной деятельности в высших учебных заведениях региона // Вестник Университета. 2022. № 11. С. 65–70.

¹⁷ Проненко Е. А., Беликова М. Е., Скрипкина Т. П. Отчуждение студентов от обучения: может ли помочь ее преодолеть метакогнитивная регуляция и осознание смысла обучения? // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 2. С. 240–258.

прогресса. Такая технологическая поддержка снижает уровень когнитивной тревожности перед избыточным объемом информации и способствует формированию установки на «самоуправляемое обучение». В результате обучающийся получает возможность не просто потреблять готовый контент, но и осмысленно управлять процессом своего интеллектуального развития, что является необходимым условием для формирования зрелого и независимого мировоззрения.

Кроме того, использование генеративных моделей создает благоприятную почву для реализации инновационных форм совместной проектной деятельности. ИИ в рамках проектной работы мог бы имитировать реальные условия междисциплинарного взаимодействия, предоставляя инструменты для быстрого прототипирования идей, поиска нестандартных решений и анализа больших массивов данных. Это снижает рутинную нагрузку на обучающегося, позволяя ему сосредоточиться на творческом поиске и концептуальном осмыслении проекта. Тем самым технологическое посредничество не разобщает участников процесса, а, напротив, создает динамичную среду для сотворчества, где ИИ берет на себя роль ресурсной базы, а человек — роль смыслополагающего субъекта.

Развитие субъектности через проектную и исследовательскую деятельность в вузах отвечает не только образовательным стандартам, но и стратегическим задачам научно-технологического развития Российской Федерации. С правовой точки зрения использование генеративного ИИ в студенческих исследованиях ставит вопрос о правовом статусе результатов интеллектуальной деятельности и авторстве в цифровой среде. Полагаем, государство заинтересовано в том, чтобы исследовательская работа студентов не сводилась к компиляции машинного текста, а была направлена на получение новых знаний, имеющих практическую ценность для экономики и права. В связи с этим необходимо внедрение нормативных регламентов использования ИИ-инструментов в научно-исследовательской работе студентов, которые бы поощряли критический анализ и верификацию данных, защищая тем самым академическую честность и стимулируя подлинный научный поиск.

Таким образом, трансформация механизмов формирования мировоззрения в условиях цифровизации носит амбивалентный характер. Несмотря на выявленные риски снижения когнитивной автономии, генеративные языковые модели обладают потенциалом для гуманизации образования через его радикальную персонализацию. Способствуя снижению отчуждения и развитию метакогнитивных навыков, ИИ может стать катализатором перехода от репродуктивной модели обучения к модели продуктивного интеллектуального поиска. Важнейшей задачей педагогического сообщества в этих условиях становится не ограничение использования новых технологий, а создание таких дидактических условий, при которых ИИ служил бы инструментом усиления человеческого интеллекта, способствуя росту осознанности и ценностной устойчивости личности обучающегося.

Перспектива дальнейшей интеграции генеративных моделей в образовательный процесс ставит перед исследователями и практиками фундаментальный вопрос: каким образом можно сохранить технологические преимущества ИИ, нивелируя при этом его деструктивное влияние на когнитивную автономию? Поскольку масштаб взаимодействия студентов с искусственным интеллектом будет неизбежно расти, ключевым вектором трансформации видим преобразование этого процесса в максимально близкую по форме деятельность к совместной деятельности. Это требует перехода от модели ИИ как «генератора готовых ответов» к модели ИИ как «интеллектуального наставника», чья архитектура изначально ориентирована на поддержку рефлексивных и поисковых механизмов сознания.

В содержательном плане это означает качественное изменение функционала языковых моделей. Вместо трансляции конечного результата, ИИ должен выступать в роли когнитивного фасилитатора, который не дает информацию напрямую, а направляет познавательную активность обучающегося через систему наводящих вопросов, сократический диалог и предложение альтернативных гипотез. Важным элементом такой системы должна стать функция параллельной верификации:

модель не просто сообщает факт, а стимулирует студента к его критической проверке, указывая на потенциальные противоречия в источниках и помогая выстраивать аргументированные причинно-следственные связи. Таким образом, технологическое посредничество может быть переориентировано с репродукции знаний на развитие навыков самостоятельного смыслополагания.

Очевидным решением выглядит разработка специализированных образовательных ИИ-платформ, в основу которых будут заложены принципы диалогизации, персонификации и культурной адекватности, описанные выше. Однако здесь возникает серьезное концептуальное противоречие с позицией технологических гигантов. Заявления разработчиков о том, что их продукты позволяют ответственно интегрировать ИИ в образовательный процесс, зачастую игнорируют глубокие педагогические требования к формированию личности¹⁸. Общие коммерческие модели нацелены на максимальную удовлетворенность пользователя быстрым ответом, что в корне противоречит педагогической задаче — преодолению интеллектуального затруднения в процессе самостоятельного мышления.

Следовательно, подлинная трансформация ИИ в образовательный инструмент возможна лишь при условии выхода за рамки коммерческой логики Big Tech. Необходимо создание «суверенных» или педагогически адаптированных моделей, чьи алгоритмы будут учитывать национальные ценностные ориентиры и дидактические задачи. Только взаимодействие обучающегося и искусственного интеллекта сможет обрести признаки истинной совместной деятельности, где технология не подменяет собой мировоззрение человека, а создает условия для его осознанного и критического становления.

Реализация идеи создания «суверенных» образовательных моделей требует формирования соответствующей нормативно-правовой базы. Необходимо переосмыслить правовой статус генеративного ИИ в системе образования: от вспомогательного технического средства к статусу субъекта информационных правоотношений с особым режимом ответственности. Государственный заказ на разработку отечественных больших языковых моделей должен включать не только технические требования, но и юридически обязательные стандарты верификации учебного контента, гармонизированные с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». Только жесткая правовая регламентация допуска ИИ-решений к образовательному процессу, сопряженная с государственным аудитом их «ценностной архитектуры», позволит обеспечить соблюдение образовательных прав граждан и защиту конституционного строя от деструктивного информационного влияния.

Особое значение в процессе формирования мировоззрения приобретает аксиологический (ценностный) компонент. Мировоззрение представляет собой не просто сумму накопленных знаний, а сложную систему ценностных фильтров, через которые личность воспринимает и оценивает реальность. Взаимодействие с глобальными языковыми моделями, лишенными четкой привязки к конкретному национально-культурному контексту, несет в себе риск формирования эклектичного мировоззрения, где внешние, алгоритмически усредненные установки подменяют собой результат глубокого внутреннего поиска. Чтобы избежать этой угрозы, образовательный процесс должен быть выстроен таким образом, чтобы любое взаимодействие с ИИ становилось для студента поводом для рефлексии и соотнесения полученных данных с традиционными ценностями и личным опытом. Только в ситуации критического диалога мировоззрение сохраняет свою устойчивость, оставаясь продуктом осознанной внутренней работы личности, а не результатом автоматизированного внушения.

Анализ трансформации механизмов формирования мировоззрения позволяет констатировать, что современная система образования находится в точке бифуркации. Внедрение генеративных языковых моделей — это не просто технологическая новация, а глубокий онтологический вызов, который ставит под вопрос сами

¹⁸ Introducing ChatGPT EDU // OpenAI. URL: <https://openai.com/index/introducing-chatgpt-edu> (дата обращения: 30.01.2026).

границы человеческой субъектности. Мы стоим перед выбором между двумя сценариями будущего: миром, где человек делегирует машине труд души и мышления, довольствуясь ролью потребителя готовых смыслов, и миром, где искусственный интеллект становится мощным экзоскелетом для разума, позволяющим личности подниматься на новые уровни рефлексии и творчества.

Реализация описанной модели «направляющего» искусственного интеллекта не может быть оставлена на усмотрение частных технологических корпораций. Проектирование и внедрение таких интеллектуальных систем — это не просто вопрос технической модернизации, а прямая стратегическая задача государства. Именно государство как гарант конституционных прав граждан должно взять на себя ответственность за создание национальной архитектуры образовательного ИИ. Только государственный заказ и жесткий контроль способны обеспечить появление таких цифровых инструментов, которые будут не замещать мышление обучающегося, а педагогически грамотно направлять его развитие в русле национальных интересов и правовых ценностей. В этой новой реальности педагогическая миссия обретает особую остроту и значимость. Образовательное пространство должно стать тем «антропологическим щитом», который защищает суверенность человеческого сознания от растворения в алгоритмических потоках. Истинная совместная деятельность в эпоху цифровизации — это не соревнование с нейросетью в эрудиции и не бездумная эксплуатация ее вычислительных мощностей. Это построение сложной архитектуры диалога, в котором технология берет на себя рутину обработки данных, освобождая человеку пространство для того, что остается исключительно его прерогативой: для этического выбора, эстетического переживания и поиска ответов на «проклятые вопросы» бытия, которые не имеют однозначного алгоритмического решения.

Устойчивость мировоззрения обучающегося будет зависеть не от того, насколько искусно он владеет промпт-инжинирингом, а от того, насколько прочен его внутренний культурный стержень. Задача современной педагогики — укрепить этот стержень, научить видеть за строчками кода живую ткань национальной культуры и слышать собственный голос в шуме генерируемого контента. Только так, сохраняя верность своей когнитивной и духовной природе, человек сможет остаться полноправным творцом своей картины мира, превращая искусственный интеллект из потенциального узурпатора смыслов в надежного союзника на пути бесконечного познания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Гайдукова И. Е.* Совместная деятельность как педагогическая категория // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 3 (40). — С. 12–13.
2. *Емельяненко В. Д.* Влияние искусственного интеллекта на когнитивную сферу человека в контексте ценностно-мировоззренческого анализа // Манускрипт. — 2025. — Т. 18. — № 2. — С. 519–527.
3. *Иванов О. Б.* «Мягкая сила» как катализатор социально-политических конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». — 2019. — Т. 6. — № 3. — С. 167–176.
4. *Крюкова И. В., Лагун А. А.* Интенсификация инновационной деятельности в Вологодской области через организацию совместной проектной деятельности в высших учебных заведениях региона // Вестник Университета. — 2022. — № 11. — С. 65–70.
5. *Мастерова А. А., Тимофеев А. В.* Риски влияния искусственного интеллекта на когнитивные способности людей // Наука XXI века: актуальные направления развития : материалы конференции. — 2024. — № 2-2. — С. 230–234.
6. *Проненко Е. А., Беликова М. Е., Скрипкина Т. П.* Отчуждение студентов от обучения: могут ли метакогнитивная регуляция и осознание смысла обучения помочь его преодолеть? // Российский психологический журнал. — 2023. — Т. 20. — № 2. — С. 240–258.

7. Сулимов В. А. Формирование мировоззрения: от осознания к логосу // Человек. Культура. Образование. — 2014. — № 2 (12). — С. 91–105.
8. Терещенко В. В. Генезис и современное состояние содержания совместной деятельности в условиях образования // Культурно-историческая психология: научный журнал. — 2024. — Т. 20. — № 3. — С. 87–98.
9. Юсупова Л. Г. Когнитивная лингвоантропология в контексте языковой картины мира // Российский гуманитарный журнал. Социально-гуманитарное знание. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 104–110.
10. Bender E. M., Gebru T., McMillan-Major A., Shmitchell S. On the dangers of stochastic parrots: Can language models be too big? // Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. — 2021. — P. 610–623. — DOI: 10.1145/3442188.3445922.
11. Bommasani R., Hudson D. A., Adeli E., et al. On the opportunities and risks of foundation models // arXiv preprint. — 2021. — arXiv:2108.07258. — DOI: 10.48550/arXiv.2108.07258.
12. Woźniak S., Koptyra B., Janz A., Kazienko P., Kocoń J. Personalized Large Language Models // arXiv. — 2024. — arXiv:2402.09269 (cs.CL).
13. Zhang Z., Rossi R. A., Kveton B., Shao Y., Yang D., Zamani H., Derroncourt F., Barrow J., Yu T., Kim S., Zhang R., Gu J., Derr T., Chen H., Wu J., Chen X., Wang Z., Mitra S., Lipka N., Ahmed N., Wang Y. Personalization of Large Language Models: A Survey // arXiv. — 2025. — arXiv:2411.00027 (cs.CL).

REFERENCES

1. Gaydukova IE. Joint activities as a pedagogical category. *World of Science, Culture, Education: International Scientific Journal*. 2013;3(40):12-13. (In Russ.).
2. Emelianenko VD. The influence of artificial intelligence on the cognitive sphere of a person in the context of value-worldview analysis. *Manuscript: Scientific Journal*. 2025;18(2):519-527. (In Russ.).
3. Ivanov OB. «Soft power» as a catalyst for socio-political conflicts. *RUDN Journal of Law. Series: State and Municipal Administration*. 2019;6(3):167-176. (In Russ.).
4. Kryukova IV, Lagun AA. Intensification of innovation activities in the Vologda Oblast through the organization of joint project activities in higher educational institutions of the region. *Bulletin of the State University of Management*. 2022;11:65-70. (In Russ.).
5. Masterova AA, Timofeev AV. Risks of the influence of artificial intelligence on the cognitive abilities of people. *Science of the 21st century: Current directions of development. Proceedings of Samara State University of Economics*. 2024;2-2:230-234. (In Russ.).
6. Pronenko EA, Belikova ME, Skripkina TP. Alienation of students from learning: can it help to overcome metacognitive regulation and awareness of the meaning of learning? *Russian Psychological Journal*. 2023;20(2):240-258. (In Russ.).
7. Sulimov VA. Formation of worldview: from awareness to logos. *The Man. Culture. Education*. 2014;2(12):91-105. (In Russ.).
8. Tereshchenko VV. Genesis and the current state of the content of joint activities in education. *Cultural and Historical Psychology*. 2024;20(3):87-98. (In Russ.).
9. Yusupova LG. Cognitive linguoanthropology in the context of the language picture of the world. *Russian Humanitarian Journal*. 2023;12(2):104-110. (In Russ.).
10. Bender EM, Gebru T, McMillan-Major A, Shmitchell S. On the dangers of stochastic parrots: Can language models be too big? *Proceedings of the 2021 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. 2021;610-623. DOI: 10.1145/3442188.3445922.
11. Bommasani R, Hudson DA, Adeli E, et al. On the opportunities and risks of foundation models. arXiv preprint. 2021. arXiv:2108.07258 (cs.LG). DOI: 10.48550/arXiv.2108.07258.
12. Woźniak S, Koptyra B, Janz A, Kazienko P, Kocoń J. Personalized Large Language Models. arXiv. 2024;arXiv:2402.09269 (cs.CL).
13. Zhang Z, Rossi RA, Kveton B, Shao Y, Yang D, Zamani H, Derroncourt F, Barrow J, Yu T, Kim S, Zhang R, Gu J, Derr T, Chen H, Wu J, Chen X, Wang Z, Mitra S, Lipka N, Ahmed N, Wang Y. Personalization of Large Language Models: A Survey. arXiv. 2025;arXiv:2411.00027 (cs.CL).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.090-097

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИКИ И ПРАВА АРИСТОТЕЛЯ

Акишин Михаил Олегович,

профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы

Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент

194064, Россия, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29

akishin-mo@yandex.ru

© Акишин М. О., 2026

***Аннотация.** Статья посвящена метафизическим и логическим основаниям учения о праве и государстве Аристотеля. Свое учение он называл в «Никомаховой этике» «наукой государственного права», а в «Политике» — «политической наукой». Иными словами, он относил свое учение к высшему уровню познания — разуму. Стремясь к истине в познании права и государства, Аристотель использовал категорические и диалектические силлогизмы. На протяжении прошедших тысячелетий проблемы, поставленные Аристотелем, являются центральными в государствоведении и теории права, что позволяет рассматривать его как основоположника юридической науки. В то же время Аристотель поставил проблему использования в правотворчестве и правоприменении практического силлогизма, который, с одной стороны, является результатом свободной воли и рассудка государственного мужа; с другой — предписанием о должном поведении. В Новое время происходит формирование новой неклассической логики — деонтической. При ее становлении была поставлена проблема о том, что прескриптивные высказывания не являются ни истинными, ни ложными. В середине XX в. благодаря трудам Г. Х. Вригта становление деонтической логики завершается с учетом этой позиции. Однако, во-первых, практический силлогизм Аристотеля, согласно учению самого философа, является предписанием о должном, посылки которого не являются ни истинными, ни ложными. Во-вторых, развитие деонтической логики во второй половине XX — начале XXI в. вновь поставило проблему истины в праве. Сказанное позволяет утверждать, что учение о практическом силлогизме Аристотеля заложило основу для возникновения деонтической логики.*

***Ключевые слова:** Аристотель; первая философия (метафизика); формальная логика; политическая наука; юридическая наука; закон; правосудие; практический силлогизм; деонтическая логика*

LOGICAL FOUNDATIONS IN THE STUDY OF ARISTOTLE'S POLITICS AND LAW

Mikhail O. Akishin,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Full Professor, Higher School of Law and Forensic Science, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

akishin-mo@yandex.ru

Abstract. *The paper is devoted to the metaphysical and logical foundations of Aristotle's doctrine of law and the state. In the Nicomachean Ethics, he referred to his teaching as the «science of state law», while in the Politics he called it «political science». In other words, he assigned his doctrine to the highest level of cognition — that of reason. In his pursuit of truth in the understanding of law and the state, Aristotle employed both categorical and dialectical syllogisms. Over the course of the millennia, the problems raised by Aristotle have remained central to the study of the state and the theory of law, which makes it possible to regard him as a founder of legal science. At the same time, Aristotle posed the problem of the use of the practical syllogism in lawmaking and law enforcement. On the one hand, such a syllogism is the result of the free will and rational judgment of the statesman; on the other hand, it constitutes a prescription concerning proper conduct. In the modern era, a new non-classical logic — deontic logic — began to take shape. During its formation, the problem was raised that prescriptive statements are neither true nor false. By the mid-twentieth century, thanks to the works of G. H. von Wright, the development of deontic logic was completed with this position taken into account. However, first, Aristotle's practical syllogism, according to the philosopher's own doctrine, is itself a prescription concerning what ought to be, and its premises are neither true nor false. Second, the development of deontic logic in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries once again raised the problem of truth in law. This makes it possible to argue that Aristotle's doctrine of the practical syllogism laid the foundation for the emergence of deontic logic.*

Keywords: *Aristotle; first philosophy (metaphysics); formal logic; political science; legal science; law; justice; practical syllogism; deontic logic*

Философско-правовое учение Аристотеля более двух тысячелетий влияет на юридическую науку и практику. Его методологической основой стала формальная логика. О значении логики Аристотеля в философском и научном познании И. Кант писал, что «...она кажется наукой вполне законченной и завершённой»¹. Только в XIX — начале XXI в. происходит становление новой неклассической логики — деонтической. Задачами настоящей работы являются изучение использования Аристотелем логики в его философско-правовом учении, влияние этого учения на становление и развитие юридической науки, установление соотношения между формальной и деонтической логикой.

Свое учение Аристотель изложил в трактатах «Никомахова этика»², «Афинская политика» и «Политика». Все эти трактаты созданы во второй афинский период его жизни, когда он преподавал в Ликее. Создание «Никомаховой этики» условно можно датировать временем возвращения Аристотеля из Македонии (334 г. до н. э.), где

¹ Кант И. Критика чистого разума : пер. с нем. М. : Академический проект, 2020. С. 16.

² Аристотелю приписываются еще три трактата по этике. «Эвдемова этика» является, возможно, переработкой «Никомаховой», которую осуществил Эвдем из Родоса, ученик Аристотеля. Трактаты «Большая этика» и «О добродетелях и пороках» были созданы после смерти Аристотеля.

он обучал юного Александра Македонского. «Политика» была написана в последние годы жизни Аристотеля (между 330 и 322 гг.)³.

В «Никомаховой этике» Аристотель назвал развиваемое им учение «своего рода наукой о государстве», предметом которой являются изучение высшего блага. Эту науку он считал «...главной из всех наук и искусств», т.к. «...конечной целью всех наук и искусств является благо», а «...высшее благо есть преимущественная цель... политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе». Задачу «науки государственного права» Аристотель видел в том, «чтобы в каждом вопросе раскрывать истину». В «Никомаховой этике» он ссылается на свои «Аналитики», в которых изложил учение о силлогизме, и прибегает к диалектическим силлогизмам, аргументируя это следующим образом: «...при подобных предметах рассуждений и подобных предпосылках желательно приблизительно и в общих чертах указать на истину», достаточно «общего определения и в общих чертах»⁴.

В «Политике» Аристотель называет развиваемое им учение уже «политической наукой», но при этом ссылается на свой труд по этике. Он указывает, что использует тот же метод, которым пользовался в труде по этике: «...расчлняя сложное на его простые элементы... и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение»⁵. В «Афинской политике» и «Политике» Аристотель широко использовал индукцию. По справедливому замечанию С. Ф. Кечекьяна, учение Аристотеля о государстве «по своему замыслу — это опытная наука... подобная некоторым отраслям естествознания»⁶.

Учение Аристотеля о государстве основано на его метафизике, согласно которой каждая вещь состоит из материи и формы. При этом материя это только потенциальная возможность, а форма — это то, что придает вещи определенность. Отсюда, в центре внимания Аристотеля оказались формы государственного устройства. По справедливому замечанию И. А. Исаева, приступая к их изучению, Аристотель понимал, что эти формы «...являются только идеальными... Реальным же и желательным элементом, который может обеспечить их единство, остается их “правильность”»⁷. Думается, именно этим объясняется постоянное использование логики Аристотелем для обоснования своего философско-правового учения.

Становление и изменение той или иной вещи, согласно Аристотелю, определяется четырьмя причинами — материальной, формальной, производящей и конечной. В соответствии с этим учением в «Никомаховой этике» и «Политике» он исследовал причины, которые лежат в основе становления и изменения государства. В качестве материальной причины Аристотель называл людей. При этом оговаривался, что право действует только в отношении тех, «кому по природе присуще иметь закон», т.е. граждан. Из государственного общения Аристотель исключал «одушевленные орудия» — рабов. Конечной причиной (целью) является стремление людей «к высшему из всех благ» — счастью, которое способно обеспечить государство.

Относительно движущей и формальной причины взгляды Аристотеля изменялись. В «Никомаховой этике» в качестве движущей причины называлась «дружественность» между людьми. Рассматривая эту добродетель, особое внимание он обращает на «единомыслие» в делах государства. Однако в «Политике» в качестве движущей причины Аристотель указывал уже на общение между людьми.

Формальной причиной бытия государства является форма государственно-го строя. В «Никомаховой этике» Аристотель выделял три вида правильного

³ Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. С. 11–22.

⁴ Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 54, 77.

⁵ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 376.

⁶ Кечекьян С. Ф. Указ. соч. С. 218.

⁷ Исаев И. А. «Государство в государстве»: генезис и структура воображаемого политического пространства // Lex russica. 2017. № 7 (128). С. 31.

государственного устройства — царскую власть, аристократию и тимократию. «Лучшее из них — царская власть, худшее — тимократия». К извращенным государственным устройствам он относил те, которые «представляют собою как бы растление первых» — тиранию, олигархию и демократию.

В «Политике» Аристотель писал, «что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных». К правильным видам государственного устройства он относил монархию, аристократию и политию. К отклоняющимся — тиранию, олигархию и демократию. В «Политике» Аристотель называл «наилучшим государственным устройством» уже политию, в которой власть принадлежит гражданам «средним по достатку».

Аристотель выделил три части, составляющие основу каждого из видов государственного устройства: «первая — законосовещательный орган... вторая — должности... третья — судебные органы»⁸. Безусловно, это еще не формулирование принципа разделения властей, но это первое в истории политико-правовой мысли разделение государственных органов на законодательные, исполнительные и судебные.

Проведя исследование государственного устройства, Аристотель переходит к праву. Он доказывал, что в основе права лежит справедливость. Право, согласно Аристотелю, «...частью естественно, частью — узаконено». Однако «правое от природы» в полном объеме доступно только богам, почему Аристотель не ставил позитивное право в зависимость от естественного. Положительное право устанавливается обычаями и законами конкретного государства, обусловлено его историческим своеобразием. Аристотель обосновывает верховенство права, указывая на то, что «...правильное законодательство должно быть верховной властью». Однако он оговаривался: «...какого характера должно быть правильное законодательство — тут ничего ясного еще сказать нельзя». Он писал: «Ясно только одно: законы должны быть согласованы с тем или иным видом государственного устройства. А если так, то, очевидно, законы, соответствующие правильным видам государственного устройства, будут справедливыми, законы же, соответствующие отклонениям от правильных видов, будут несправедливыми»⁹.

Аристотель сформулировал учение о преступлении и наказании. В его основе лежит исследование «произвольных» и «непроизвольных поступков». Произвольные противоправные действия наказуемы. Применение наказания направлено на восстановление справедливости. Но задача наказания состоит также в том, чтобы заставить граждан следовать добродетели.

В книгах пятой и шестой «Никомаховой этики» Аристотель ставит проблему принятия решений в государственном управлении и правосудии¹⁰. В этих сферах, согласно Аристотелю, применяется не научное познание, а «рассчитывающие» знание, практический силлогизм, начала которого могут быть «и такими, и иными», т.к. предполагают «...какую-то цель, т.е. поступок». Рассчитывающее знание (рассуждение) также стремится к истине, но получаемая ею истина является только вероятной. Рассудительность в государственных делах включает два вида: рассудительность в делах управления, которая «...представляет собою законодательную [науку]», и рассудительность, «имеющая дело с частными [вопросами]». В последней он выделил «...рассудительность в принятии решений и в судопроизводстве». Аристотель писал: «Каждое [положение] права или закона есть как бы общее по отношению к частному, ибо поступки многообразны, а [положение] — как общее — всякий раз одно». Иными словами, он указывает на проблему сложности применения общей нормы к конкретной жизненной ситуации. Отсюда, по его мнению, «...совершение правосудного дела всегда произвольно, а потому вполне разумно полагать... противопоставление, т.е. терпеть неправосудие и правосудие».

⁸ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 514–515.

⁹ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 467.

¹⁰ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 145–190.

Аристотель ставит проблему, что закон может содержать «пропуск или погрешность», т.е. вопрос о том, что первое суждение практического силлогизма, на основе которого суд выносит решение по делу может быть ложным. По его мнению, важно судебное усмотрение. Он основывается на положении о том, что «...право и добро тождественны, и притом что и то и другое добропорядочно, добро выше». Это позволяет судье «поправить упущение» в законе, «которое признал бы даже сам законодатель». Указывает Аристотель и на возможные ошибки, связанные с установлением фактического состава дела, являющегося основой второго суждения практического силлогизма, по которому выносится решение суда. Он писал: «...если в неведении [тех или иных обстоятельств] человек [кого-то] осудил, он не поступает неправосудно с точки зрения узаконенного правосудия и суд его не неправосудный, но в каком-то ином смысле этот человек всё же неправосудный». Аристотель ставит также проблему умышленного неправосудного решения судьи: «Если же судил неправосудно, зная [это], то и сам поступает своекорыстно, ища благодарности или добываясь мести. А потому, кто, имея такую цель, вынес судебное решение неправосудно, тот своекорыстен». Итак, Аристотель признавал, что закон может быть несовершенен, а судебное решение неправосудно. Однако такие акты являются должными предписаниями для граждан. Аристотель пишет: «Закон... имеет принудительную силу»¹¹. Согласно Аристотелю, соблюдение законов — обязанность граждан даже при неправильных формах государственного устройства, где закон может быть несправедлив. Он писал: «...законы окажутся полезными и для всех олигархий, и для всех демократий»¹².

Переходя к изучению использования наследия Аристотеля отмечу, что его «политическая наука» оказывала и оказывает существенное влияние на развитие государственоведения на протяжении тысячелетий. Теория «общего блага» как цели государства оставалась общепризнанной в Древнем Риме и государствах средневековой Европы. В Новое и Новейшее время эта теория лежит в основе учения о функциях государства.

В государственоведении конца XIX — начала XX в. появились теории, согласно которым учение Аристотеля о верховенстве права является основанием становления конституционализма. Немецкий правовед Г. Рем утверждал, что Аристотель впервые исследовал вопрос о «целесообразности конституционализма и представительной системы», сформулировал учения о правовом государстве и разделении властей¹³. М. А. Рейснер также писал, что Аристотелю «принадлежит заслуга обоснования конституционализма»¹⁴. Эта позиция сохраняет сторонников и в современности.

Не меньшее влияние оказало учение Аристотеля на становление и развитие юридической науки. В Древнем Риме проблему использования логики в юриспруденции поставил Цицерон. В его диалоге «Об ораторе» адвокат-оратор Луций Лициний Красс заявлял, что римское право — это нагромождение разрозненных и мелочных правил, из которых необходимо создать «совершенную науку гражданского права» путем выделения родов и видов, а затем создания «определений содержания каждого рода и вида»¹⁵.

Римские юристы классического периода понимали право как *ratio scripta* (писанный разум), который является медиатором между субъективной логикой и логикой как теоретической дисциплиной. Пользуясь формальной логикой, они стремились упорядочить гражданское право. В частности, используя учение Аристотеля о уравнивающей и распределяющей справедливости, римские юристы разграничили публичное и частное право.

Во II в. н. э. римский юрист Гай в трактате «Институции», предназначенном для преподавания права, изложил римское право на основании принципа «*Omne autem jus, quo utimur, vel ad personas pertinet vel ad res vel ad actiones*» («Ведь все право,

¹¹ Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 289.

¹² Аристотель. Указ. соч. Т. 4. С. 488.

¹³ *Rehm H. Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. Freiburg i. B. Leipzig, 1896. S. 84, 109, 114.*

¹⁴ *Рейснер М. А. История политических учений. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. Т. 1. С. 176.*

¹⁵ Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М. : Наука, 1972. С. 142.

которым мы пользуемся, относится либо к лицам, либо к вещам, либо к искам»). Согласно этому принципу, первая книга открывается общей характеристикой права народов и гражданского права, затем излагаются положения о свободных, рабах и т.д. Во второй и третьей — о различных видах вещей, о сделках вещного оборота, о наследовании и обязательствах. В четвертой — учение о формах процесса, исках и т.д.

Большее влияние логика оказала на кодификацию римского права. В «Дигестах» (от лат. *digere* — «разделять», «истолковывать по порядку»), одной из частей *Corpus juris civilis* Юстиниана, путем выделения родов и видов была проведена систематизация римского права. Была нарушена и казуистическая традиция римской юриспруденции, избегавшей дефиниций. В 16 и 17 титулах книги 50 «Дигест» были даны толкования основных правовых понятий.

На юридических факультетах университетов средневековой Европы *Corpus juris civilis* стал основой преподавания и рассматривался как «писанный разум», а основным методом его толкования была формальная логика. Благодаря рецепции римского права и его толкованию формируется догма права.

Учение о практическом силлогизме Аристотеля привело в современности к становлению новой неклассической логики — деонтической (от др.-греч. *δέον* — долг). Согласно формальной логике, в основе ее умозаключений лежат алетические модальности, которые позволяют дать оценку высказыванию с точки зрения логических законов. Применимость алетических модальностей к суждениям о должном проблематична, т.к. в их основе, согласно Аристотелю, лежит практический силлогизм, основанный не на «разуме», а на «рассудке». На это обратили внимание уже в XIV в. британские логики Р. Холкот и Р. Росет. Они доказывали, что аналогия между алетическими и деонтическими модальностями в условных обязательствах невозможна¹⁶.

Проблема применения логики в процессах правотворчества и правоприменения приобрела особую актуальность в условиях становления и развития централизованных государств, национальных правовых систем в Новое и Новейшее время. Именно тогда утратило значение то предпочтение, которое Аристотель придавал обычаю в процессе правотворчества («...законы, основанные на обычае, имеют большее значение и касаются более важных дел, нежели законы писанные»¹⁷).

В 1672 г. Г. Лейбниц вновь поставил проблему соотношения алетических и деонтических модальностей. Будучи представителем классической теории естественного права, на основе фикции «доброго человека», который является агентом или субъектом норм, он ввел деонтические операторы «обязательно», «запрещено», «позволено» и «безразлично», предложив правила взаимоопределимости между ними и алетическими операторами «необходимо», «невозможно», «случайно», «возможно», т.е. отождествил должное и сущее.

В начале XIX в. британский юрист И. Бентам выступил с идеей создания «логики воли», или «логики повеления», которая основывается на субъектно-зависимом долженствовании. Он впервые предложил термин «деонтология» и высказал идею разграничения прескриптивных высказываний, предписывающих разрешенные или запрещенные действия, и дескриптивных высказываний, описывающих фактические поведение людей. Основанием деонтологии И. Бентама стала этика утилитаризма. Он доказывал, что в основе логики воли лежит принцип пользы, согласно которому поступок является заслуживающим или не заслуживающим одобрения в зависимости от увеличения или уменьшения «суммы общественного благополучия». Таким образом, И. Бентам предложил в логике воли отказаться от установления истины, заменив его принципом «общественной пользы»¹⁸.

¹⁶ Кнууттила С. Деонтическая логика в четырнадцатом столетии // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки / под ред. В. А. Смирнова. М.: Наука, 1984. С. 155–156.

¹⁷ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 482.

¹⁸ Лисанюк Е. Н. Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник НГУ. Серия «Философия». 2010. Т. 8, Вып. 1. С. 149.

В начале XX в. новые попытки построить теорию нормативных понятий предприняли австрийские логики А. Хеффлер, Э. Малли, немецкий логик К. Менгер. Эти усилия, думается, связаны с кризисными явлениями в современном праве. В XX в. в европейской юридической науке развернулась дискуссия о «кризисе источников права», вызванном ростом числа нормативных актов, что ведет к «десакрализации и дестабилизации закона», извращения «самой рациональности права», ситуации правовой неопределенности¹⁹. Отмечу, что на такую опасность указывал еще Аристотель. Он, с одной стороны, признавал, что «...некоторые законы иногда следует изменять». Но, с другой стороны, писал, что изменения в законах «...требует большой осмотрительности», т.к. от частых изменений в них «...появится привычка не повиноваться существующему порядку»²⁰.

В 20-х гг. XX в. австрийский логик Э. Малли сформулировал правила дистрибутивности для выражений с деонтическими операторами. Работы Малли вызвали дискуссию, в ходе которой были поставлены проблемы, во-первых, о соответствии прескриптивных высказываний истине; во-вторых, о пределах применимости пропозициональных констант в нормативных контекстах²¹.

Деонтологическая логика окончательно сформировалась в середине XX в. благодаря трудам финского логика Г. Х. Вригта²². Полагая, что ни одна из двух проблем, поставленных в ходе предыдущей дискуссии, не препятствует ее развитию, он предложил первые абсолютные системы деонтической логики и переформулировал законы формальной логики для деонтической. При этом он отказался от оценки перспективных высказываний по критерию их истинности или ложности. Во второй половине XX в. наряду с системами абсолютных нормативных понятий появляются относительные (условные) системы.

В современности в деонтической логике происходит поворот к решению прикладных задач правотворчества и толкования права. Труды аргентинских логиков К. Э. Альчуррона и Е. В. Бульгина. Деонтическую логику они относят к «одной из... областей формальной логики». Основное внимание в своих исследованиях уделяют правовым нормам и их систематизации с целью устранения пробелов и противоречий в праве. Свою теорию деонтической логики они создают, исходя из «рационального изучения права», т.е. вновь ставят проблему истины в праве²³.

Аристотель, используя свое учение о бытии (метафизику) и логику, заложил основу становления юридической науки. Сформулированные им проблемы государственоведения и теории права являются основополагающими для этих наук на протяжении тысячелетий. Учение Аристотеля о практическом силлогизме стало основой для появления деонтической логики. Хотелось бы надеяться, что современное ее развитие создаст основу логической экспертизы нормативных систем и будет способствовать преодолению неопределенности в праве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм : сборник переводов. — СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2013. — 380 с.
2. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — 685 с. ; М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — 830 с.
3. *Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования : Избранные труды : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1986. — 594 с.

¹⁹ *Кабрияк Р.* Кодификации. М. : Статут, 2007. С. 464–474.

²⁰ *Аристотель*. Указ. соч. Т. 4. С. 427.

²¹ *Лисанюк Е. Н.* С. 149–150.

²² *Вригт Г. Х.* Логико-философские исследования. М., 1986.

²³ «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм : сборник переводов. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2013. С. 48–52.

4. *Исаев И. А.* «Государство в государстве»: генезис и структура воображаемого политического пространства // *Lex russica*. — 2017. — № 7 (128). — С. 30–50.
5. *Кабрияк Р.* Кодификации : пер. с фр. — М. : Статут, 2007. — 474 с.
6. *Кант И.* Критика чистого разума : пер. с нем. — М. : Академический проект, 2020. — 567 с.
7. *Кечекьян С. Ф.* Учение Аристотеля о государстве и праве. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 222 с.
8. *Кнууттила С.* Деонтическая логика в четырнадцатом столетии // Модальные и интенциональные логики и их применение к проблемам методологии науки. — М. : Наука, 1984. — С. 142–156.
9. *Лисанюк Е. Н.* Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник НГУ. Серия «Философия». — 2010. — Т. 8. — Вып. 1. — С. 147–152.
10. *Рейснер М. А.* История политических учений. Т. 1. — М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. — 455 с.
11. *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. — М. : Наука, 1972. — 471 с.
12. *Rehm H.* Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. — Freiburg i. B. Leipzig, 1896. — 268 S.

REFERENCES

1. Aristotle. Works: In 4 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ.; 1978; Vol. 4. Moscow: Mysl Publ.; 1983. (In Russ.).
2. Wright GH, von. Logical and philosophical research. Trans. from English. Moscow: Progress Publ.; 1986. (In Russ.).
3. Isaev IA. «State in the state»: genesis and structure of an imaginary political space. *Lex russica*. 2017;7(128):30-50. (In Russ.).
4. Kabriyak R. Codifications. Moscow: Statute Publ.; 2007. (In Russ.).
5. Kant I. Criticism of pure reason. Moscow: Academic project Publ.; 2020. (In Russ.).
6. Kechekian SF. Aristotle's doctrine of state and law. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ.; 1947. (In Russ.).
7. Knuuttila S. Deontic logic in the fourteenth century. Modal and Intensional Logics and their Application to Problems of the Methodology of Science. Moscow: Nauka Publ.; 1984. (In Russ.).
8. Lisanyuk EN. Development of ideas about norms in deontic logic. *Vestnik of NSU. Series: Philosophy*. 2010;8(1):147-152. (In Russ.).
9. «Normative Systems» and other works on the philosophy of law and the logic of norms. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ.; 2013. (In Russ.).
10. Reisner MA. History of Political Teachings. Vol. 1. Moscow; Leningrad: State Publishing House; 1929. (In Russ.).
11. Cicero. Three treatises on oratory. Moscow: Nauka Publ.; 1972. (In Russ.).
12. Rehm H. Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. Freiburg i. B. Leipzig; 1896.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.098-108

МЕТАФИЗИКА ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: АДВОКАТЫ В ВЕДОВСКИХ ПРОЦЕССАХ

Калинина Елена Юрьевна,

профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования
юридического факультета Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, доцент
91186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48
bellaflor@mail.ru

© Калинина Е. Ю., 2026

Аннотация. В период с XVI по XVIII в. в Европе наблюдается политико-правовая активность, связанная с юридическим преследованием за совершение такого иррационального преступления, как ведовство. С XVIII в. европейские интеллектуальные элиты пришли к выводу о том, что ведьм никогда не существовало и что предполагаемые совершенные ими преступления — правовая фикция, результат суеверия и народного фанатизма, поддерживаемого безграмотными или злонамеренными судьями. Вопрос, казалось бы, был закрыт, и о судах над ведьмами и колдунами предпочитали стыдливо молчать, в том числе в научных исследованиях. Это стало серьезной ошибкой, поскольку данный социально-культурный феномен, тесно связанный с другими — политическими, экономическими, религиозными, мифологическими, правовыми и т.п. — аспектами, невозможно безболезненно изъять из общей картины становления и развития государства и права. Страхи, суеверия и иные убеждения, даже будучи коллективным воображаемым, служат основой для формирования правосознания, правовой культуры, правовой системы. Следовательно, изучение таких социально-правовых практик позволяет более глубоко исследовать социальную динамику в сфере развития политико-правовых феноменов в Европе раннего Нового времени и «долгого XVIII века» (по неофициальной терминологии, отражающей становление государства современного типа и рационализацию мышления). Научной задачей статьи можно назвать рационализацию подходов к изучению иррациональных практик, выявление более четких границ между научной и лженаучной деятельностью в историко-правовой и исторической науках. Целью исследования является выявление рациональной составляющей правового мышления юристов, принимающих участие в уголовных процессах, в рамках которых рассматривается колдовство, и рациональных оснований самих процессов. Это в дальнейшем станет основой для нахождения прочного фундамента для специалистов в области истории государства и права и сравнительного правоведения. Понимание того, что данные правоприменительные практики не являлись маргинальными, позволит создать научные направления, подобные исследованиям колдовства (*witchcraft studies*), которые позволили поместить колдовство в более широкий социальный контекст, отделив от простого невежества, недостойного изучения. В рамках такого методологического подхода, как сравнительное правоведение, открываются новые горизонты для исследований в области теории и истории государства и права России, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Ключевые слова: ведьмы; ведовские процессы; защитники ведьм; инквизиция; обычное право; королевское право; Средние века; раннее Новое время; Европа; иррациональность; правосознание; правовая культура

THE METAPHYSICS OF LEGAL THOUGHT IN THE EARLY MODERN PERIOD: LAWYERS IN WITCH TRIALS

Elena Yu. Kalinina,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Legal Theory and Civil Law Education, Faculty of Law, Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation
bellaflor@mail.ru

Abstract. During the period from the sixteenth to the eighteenth centuries, Europe witnessed intense political and legal activity associated with the prosecution of the irrational crime of witchcraft. Beginning in the eighteenth century, European intellectual elites came to the conclusion that witches had never existed and that the alleged crimes attributed to them were a legal fiction, the product of medieval superstition and popular fanaticism, sustained by ignorant or malicious judges. The matter thus seemed closed, and discussions of trials of witches and sorcerers were thereafter often passed over in embarrassed silence, including in scholarly research. This proved to be a serious mistake, since this socio-cultural phenomenon, closely connected with political, economic, religious, mythological, legal, and other dimensions, cannot be removed from the broader picture of the emergence and development of the state and law without distortion. Fears, superstitions, and other beliefs, even as forms of the collective imaginary, serve as a foundation for the formation of legal consciousness, legal culture, and the legal system. Accordingly, the study of such socio-legal practices makes it possible to investigate more deeply the dynamics of political and legal development in early modern Europe and the «long eighteenth century» (in the unofficial terminology reflecting the rise of the modern state and the rationalization of thought). The research task posed by the author may be understood as the rationalization of approaches to the study of irrational practices and the identification of clearer criteria marking the frontier between scientific and pseudoscientific activity in legal-historical and historical scholarship. The purpose of this study is to identify the rational component of the legal thinking of the jurists who took part in such proceedings, as well as the rational foundations of the criminal trials in which witchcraft was adjudicated. In the future, this may serve as a solid foundation for specialists in the history of state and law and in comparative law. Recognition that these law-enforcement practices were not marginal phenomena will make it possible to develop scholarly fields similar to witchcraft studies, which have placed witchcraft in a broader social context, separating it from the notion of mere ignorance unworthy of study. Within the framework of such a methodological approach as comparative law, new horizons open up for research in the theory and history of the state and law of Russia, which determines the relevance of the present study.

Keywords: witches; witch trials; witch protectors; inquisition; customary law; royal law; Middle Ages; Early Modern; Europe; irrationality; legal awareness; legal culture

Как заметил один из известных испанских ученых-правоведов, М. Гарсия-Пелайо, «право задумывалось не как создание рационализированной воли, которую общество могло бы изменить в зависимости от ее полезности и целесообразности, а как конкретная реальность, возникающая спонтанно и неотделимая от сообщества или самой личности»¹. Оно имело божественное основание,

¹ García-Pelayo M. La idea medieval del derecho. Caracas : Fundación Manuel García-Pelayo, 2004. P. 9.

хотя могло порождаться обычаями или нормативными предписаниями, исходящими от разных социальных структур. Это не означает, что оно было хорошим или справедливым — оно соответствовало естественному или божественному праву. Такое право понимается как единство закона (данного) и справедливости (сущего), обусловленного сакральным характером, наличием единого трансцендентного источника. В локальном сообществе правовая сфера была плюралистической. Множественности прав по территориальному признаку добавлялось право, вытекающее из различия между различными социальными группами: права рыцарей, городских жителей, священнослужителей того или иного монастыря, свободных крестьян, крепостных и т.д.

Такое положение дел сохраняется до XII–XIII вв., когда право вырывается из сферы сакрального и осознает себя как независимую социальную сущность. Этот процесс неразрывно связан с формированием публичной власти как основного элемента государственности современного типа, которая будет сформирована в эпоху Нового времени. Этот процесс перехода «примитивного» права в сложный и систематизированный социальный феномен, обладающий инструментальной функцией, способствует разрушению единства права и справедливости, но одновременно его полной рационализации, лишению его таинственного иррационального ядра, которое невозможно объяснить, но нужно принять. Право начинает вытеснять фигуру Христа, стремится занять Его место, но для этого юриспруденции нужно создать собственную духовность с опорой в трансцендентном. В метафизике правового мышления происходит новая трансформация: справедливость из конкретного понятия превращается в абстракцию. Справедливость формирует идею Правосудия, реализуемого посредством централизованной публичной власти через законы. Это рациональная идея справедливости, доступная человеческому разуму и отождествляемая с ним. Эти предварительные рассуждения устанавливают основу для достижения цели настоящего исследования: выявить основы правового мышления раннего Нового времени, его рациональные и иррациональные компоненты и их сочетаемость на основе изучения иррационального, как кажется с первого взгляда, типа судебного процесса — ведовского. Эта судебная практика нередко объясняется как безответственность, результат судебных ошибок, недобросовестности судей. Ее автоматически относят к Средневековью как к «дикому», «невежественному», «иррациональному» времени. Но только в XVI в. светские королевские суды стали рассматривать новое преступление — колдовство (ранее рассматривались локально на основе общего права). Отличительной чертой охоты на ведьм с XIII в. была растущая централизация и использование недавно унифицированного канонического права для суда над обвиняемыми², означавшего становление государственно-правового аппарата.

В течение как минимум двухсот лет в эпоху Нового времени множество людей в Европе были привлечены к суду и осуждены, в том числе на смертную казнь, за это преступление. Среди обвинений фигурируют: сговор с дьяволом, использование вредоносной магии против соседей, травничество, изведение людей и животных. С современной точки зрения судили и приговаривали за преступления, у которых, по сути, не было объекта: рациональные, образованные люди проявляли себя фанатично, предавая смерти за явно невозможные действия, опираясь на бессмысленные доказательства, следовательно, все судебные процессы должны быть признаны фиктивными. Европейские Суды над ведьмами воспринимают как невежественное «царство террора», истерия, подавляющая гарантии судебного процесса, как преднамеренные преследования, вызванные сексизмом, классовыми конфликтами, или личной неприязнью³. Частично эти мотивы могли присутствовать, как и в любом

² *Torquemada Sánchez M. J. The crimes of sorcery and witchcraft in modern Europe several remarks about the origins of their legal punishment and other particularities // Historia iuris: estudios dedicados al profesor Santos M. Coronas González. 2014. Vol. 2. P. 1588.*

³ *Maddox T. M. The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // Yale Journal of Law & the Humanities. 2024. Vol. 35:4. P. 670.*

другом судебном процессе вплоть до наших дней: судьи не идеальны и обладают в том числе негативными человеческими качествами. Но нельзя утверждать, что такие аспекты являются преобладающими.

В процессуальном аспекте с точки зрения процедуры предъявления обвинений и оценки доказательств судьи над ведьмами и колдунами не были примечательны. Трудно заметить грань между рациональной и иррациональной составляющей подобных судебных процессов: «в жизни нет четких границ между рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность»⁴. Участники процесса, как правило, следовали установленным уголовно-процессуальным нормам и процедурам (понятно, что из каждого правила существуют исключения — безграмотные, злонамеренные, безразличные судьи). Сами обвинения и доказательства не были юридической аномалией, поскольку оговаривались в правовых нормах, а процессы были воплощением права и справедливости в том виде, в котором они существовали в то время⁵, и это очевидно, если мы откажемся от многовекового пренебрежительного отношения к правовым практикам прошлого. Разве не иррациональным выглядит смертный приговор, вынесенный в 1936 г. испанскому поэту Мигелю Эрнандесу за революционную пропаганду и левые взгляды?⁶ Ошибочными, иррациональными, выглядят правовые нормы, отмененные в связи с существенными изменениями политико-правового устройства страны — это свойство обыденного правосознания. Судьи же, как правило, судили, в соответствии с действующим законом, добросовестно исследуя факты и доказательства, не оспаривая содержание норм, даже если были не согласны. Историки же обычно сосредотачивались на случаях паники и истерии. Большая часть исследований опирается на модели, выявленные в результате атипичных процессов, выдаваемых чуть ли не за повседневные, что затрудняет наше понимание европейского колдовства⁷. Общее число реальных смертей ничтожно по сравнению с тем, что ведовским процессам приписывает обыденное правосознание⁸.

Суды над ведьмами проходили всегда и везде. Сколько существует человечество, столько же существует вера в то, что люди способны общаться с трансцендентными силами. И сегодня закон упоминает такую деятельность, определяя ее как мошенническую. Но нередко также судил и суд прошлого. Как суеверие или ересь колдовство было предметом рассмотрения церковных судов. Светские власти вмешивались, когда магия использовалась как средство для совершения других преступлений. Например, в 1382 г., когда в Англии Роджер Клерк (безуспешно) прописал письменное заклинание для лечения лихорадки, лондонский суд признал его виновным не в колдовстве, а в мошенничестве⁹. В 1540 г. в Испании Мария Сагардой из деревни Аэскоа была осуждена за колдовство и отравление¹⁰. Согласно английским законам о колдовстве XVI в., смертная казнь предусматривалась для тех, кто убивал или повторно наносил физический ущерб с помощью вредоносной магии¹¹. Женщины-колдуньи и их жертвы-женщины чаще верили, что сверхъестественное связано с

⁴ *Исаев И. А.* Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 32.

⁵ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 668.

⁶ *Rallo Lombarte A.* Memoria democrática y Constitución // *Teoría y Realidad Constitucional*. 2023. № 51. P. 130–131.

⁷ *Rojas R.* The Witches' Accomplice: Toads in Early Modern Navarre // *Sixteenth Century Journal*. 2020. Vol. 51. No. 3. P. 722.

⁸ *Machielsen J.* «Moved and Seduced by the Instigation of the Devil»: Witchcraft and the Law, 1450–1700 // *Research Handbook on Interdisciplinary Approaches to Law and Religion* / R. Sandberg, et al. (eds). Cardiff: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 281.

⁹ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 675.

¹⁰ *Rojas R.* Op. cit. P. 727.

¹¹ *Mendez A.* To Accommodate the Earthly Kingdom to Divine Will: Official and Nonconformist Definitions of Witchcraft in England (1542–1630) // *Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 285.

заклинаниями и суеверными церемониями, а мужчины, занимающиеся магией, нередко оказывались мошенниками, которые пользовались невежеством для получения материальной выгоды¹². Но иррациональная вера в колдовство была значимым аспектом коллективного правосознания. Большая часть населения — и мужчин, и женщин — верили, что реальные люди действительно обладают воображаемыми колдовскими способностями¹³.

Как же судьи относились к процессам? Английские законы о колдовстве 1562–88 гг. и 1604–89 гг. не предписывали особой процедуры судебного разбирательства и не предполагали, что колдовство отличается от «обычных» уголовных преступлений. С точки зрения статутного права колдовство было «еще одним преступлением», на которое распространялись те же правила и процедуры, что и на более обыденные правонарушения¹⁴. О сути действий, которые закон считал преступными, конечно, задумывались. И мнения были разными. Как сказал судья Мэтью Хейл присяжным в Бери-Сент-Эдмондсе, не могло быть никаких сомнений в том, что ведьмы существуют, поскольку, во-первых, Священное Писание подтверждает это, и кроме того, мудрость всех народов предусмотрела законы против таких людей¹⁵. Эти тезисы выглядят вполне рациональными и сегодня. Целью суда было выявить виновность согласно нормативным предписаниям, не вдаваясь в их правильность, справедливость или рациональность. Уголовные процессы XVI–XVIII вв. — в том числе по ведовским делам, — основывались на эволюционирующих правилах и стандартах, и надежность доказательств могла вызывать озабоченность у участников процесса. И если обвинения основывались на признательных показаниях или свидетельствах детей, то с точки зрения современности это не соответствует базовым правилам судопроизводства, но в те времена не было запрещено. При этом судьи и присяжные, а также иные участники процесса, не принимали такие доказательства как безусловные, сомневались и оспаривали некоторые из них. Например, право не давать показаний против самого себя появилась только во второй половине XVIII в., а запрет на использование слухов в уголовных делах, вероятно, оформился в конце XVII¹⁶. Но из этого не следует, что обвиняемые преступники были осуждены произвольно.

В 1682 г. Джоан Бутс из Саутварка была обвинена в том, что околдовала двух местных девушек, одна из которых впоследствии умерла, но она не признала себя виновной. Один из двадцати свидетелей показал, что слышал, как она говорила, что если бы все дьяволы в аду могли помочь ей, она бы околдовала ее. Когда судья спросил, действительно ли она делала такое заявление, Бутс признала, что да, но при этом сослалась на то, что произнесла эти слова в порыве гнева и на самом деле не имела в виду ничего подобного. На основании этих показаний присяжные вынесли оправдательный приговор, который свидетельствует о том, что даже в случае квази-признания они критически относились к доказательствам. Председательствующий судья проявил аналогичную осторожность на судебных заседаниях в июле 1589 г. в Челмсфорде, где Джоан Канни была одной из трех женщин, судимых за колдовство. Она заявила, что в течение почти двадцати лет использовала колдовство, чтобы причинить вред разным людям, но не могла указать точное их число. Хотя она не отреклась от своих показаний, судья засомневался в них на основании того, что женщине было около восьмидесяти лет, и она была не способна вспомнить подробности собственных преступлений. Женщина все равно была признана виновной и приговорена к смертной казни, но на основании показаний дополнительных свидетелей,

¹² *Torquemada Sánchez M. J.* Op. cit. P. 1594.

¹³ *Martínez Peñas L.* Witchcraft and the legal evolution of religious persecution // *Sociedades seguras y pacíficas: mecanismos jurídicos para la construcción de la paz.* Madrid : Dykinson 2023. P. 75.

¹⁴ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 676.

¹⁵ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 688.

¹⁶ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 679–680.

вызванных в суд. Несмотря на результат, этот эпизод иллюстрирует нежелание судей выносить обвинительный приговор¹⁷.

Часто обвинения выносились на основании косвенных доказательств: подсудимые не подтверждали своей причастности к колдовству, но другие свидетельствовали о том, что, якобы, слышали от них. В 1690 г. на процессе над Ребеккой Уэст в Вустере, некий Джон Эдес засвидетельствовал, что та некоторое время назад призналась ему в том, что была знакома с дьяволом. Но в этом не было ничего удивительного. В 1680 г. в Олд-Бейли судили Джона Джайлса за покушение на убийство Джона Арнольда. Примечательно свидетельство одного из приглашенных для дачи показаний о том, что Джайлс сказал, что ему нужно починить свой меч, потому что он сражался с проклятыми Арнольдом¹⁸.

Сегодня вызывает возмущение факт дачи показаний несовершеннолетними как судебная аномалия. Но минимальный возраст для получения свидетельских прав, даже если он существовал, был довольно низким, люди взрослели и получали дееспособность раньше в зависимости не от возраста, а от иных социальных качеств, например способности вступать в брачные отношения. В указанный период юристы уже начали задумываться о том, что лица младше четырнадцати лет не должны допрашиваться в качестве свидетелей, но в то же время допускали такую возможность, если те проявляли разумность. Поэтому использование детей-свидетелей в процессах над ведьмами как таковое не было в юридическом смысле незаконным или ненадлежащим. Тем не менее, обладая современными знаниями о неустойчивости детской и подростковой психики, можно утверждать, что на таких свидетелей могло оказываться давление, они переживали эмоциональные травмы, и, по существу, обвинение было ничтожным. Именно на этом основании в Испании всё больше юристов переходили на сторону «защитников ведьм». Так, иезуит отец Эрнандо де Соларте поговорил в одном из приходов Логроньо, где в 1610 г. произошла массовая истерия, в результате которой сотни людей объявили себя колдунами и ведьмами, с одним юношей шестнадцати лет, который признался, что его дядя, приходской священник, привязал его к кровати и выпорол, потому что он не хотел признаваться в том, что он колдун, после того, как его обвинили другие мальчики. Другие рассказали Соларте, как с ними плохо обращались их собственные родители, которые угрожали убить их, если они не признаются. Некоторых из них убеждали дать ложные показания, поскольку, как им объясняли, это единственный способ спастись от костра и, кроме того, избавить свои семьи от позора и конфискации имущества. Была допрошена шестнадцатилетняя «ведьма», которая обвиняла многих людей, и когда ее спросили, не давали ли она ложные показания, призналась, что ей угрожали смертью, если она не предъявит обвинения людям, которых ей назвали. Это дало понять, что происходит в деревнях, и инквизиторы стали не только внимательнее к обвинениям и самообвинениям, но превратились в энергичных защитников ведьм на процессах¹⁹.

Инквизиторы по разному относились к факту колдовства и к ведьмам и колдунам. Но Инквизиция как институт была основана скорее на сомнении, чем на вере. Еще 1525 г., то есть практически сразу же после создания Инквизиции в Испании, в Гранаде собралась специальная комиссия, возглавляемая генеральным инквизитором Алонсо де Манрике. Встревоженный известиями из Наварры, где в очередной раз в деревнях возникли обвинения в колдовстве, он поручил коллегии из десяти теологов и канонических юристов сделать четкое заявление о реальности практики ведьм. Члены комиссии не смогли прийти к согласию по всем вопросам. Инструкции, которые были даны по итогам этого заседания, были умеренными по тону и содержанию. Призывалось к снисхождению, и в случае добровольных признаний имущество подозреваемых не подлежало аресту (стандартная процедура). Аресты не производились, если они основывались исключительно на показаниях

¹⁷ Maddox T. M. Op. cit. P. 683.

¹⁸ Maddox T. M. Op. cit. P. 686.

¹⁹ Henningsen G. El abogado de las brujas. Brujería vasca e inquisición española. Madrid : Alianza Editorial, S. A., 2010. P. 278.

других подозреваемых, и судебные пытки должны были применяться с должной осторожностью. В будущем инквизиция придерживалась этой линии, не санкционировав казнь ни одной ведьмы до Наваррского суда 1610 г., хотя местные власти инквизиторы в Сарагосе (1535 г.) и Барселоне (1549 г.) сожгли восемь ведьм без разрешения инквизиции, за что получили строгие выговоры²⁰. Снисходительность инквизиции проявлялась и в других странах, где она существовала. Этот суд очень редко приговаривал к смертной казни за практику колдовства. Печально известная книга «Маллеус Малефикарум» подвергалась резкой критике²¹.

Наиболее часто критикуемым аспектом процессов над ведьмами остается использование сверхъестественных свидетельств. Уже в конце XVI — начале XVII в. в разных странах юристы сомневались в их рациональности. Но с точки зрения логики неудивительно, что судебные преследования за колдовство опираются на сверхъестественные доказательства, если колдовство было сверхъестественным преступлением. Тем не менее даже при наличии таких доказательств суд не всегда спешил выносить обвинительный приговор. Именно поэтому повсеместно судьи придавали значения и выискивали более материальные доказательства. Так, в XVII–XVIII вв. в Европе пытались описать пакт ведьм как нечто реальное. Многие элементы, связанные с процедурой заключения договора с дьяволом, имели аналоги в современном социальном мире²².

Новое время породило наиболее жестокую охоту на ведьм. Но одновременно мыслители и население стали пытаться создать логическое обоснование происходящего. Хотя в обыденном сознании Испания является одной из стран, где это явление приобрело уродливые масштабы, именно здесь были заложены основы рационального изучения колдовства и предприняты меры, позволившие завершить эту охоту. Началось все с процесса в Логроньо, по которому проходили две тысячи обвиняемых и почти пять тысяч подозреваемых, что является одним из самых масштабных преследований за всю историю (хотя в результате смертных приговоров оказалось всего шесть); а в Испании события привели к решающему повороту в истории преследования ведьм в Европе. Огромную роль в этом сыграл судебный следователь от Инквизиции Алонсо де Саласар Фриас. Судебный процесс над ведьмами в Европе обычно проходил без участия адвокатов, по крайней мере до начала XVIII в.²³ Саласар Фриас стал первым и наиболее значимым в истории адвокатом ведьм, положившим начало искоренению этого типа судебного процесса благодаря рациональному подходу. В отличие от Англии, где юристы не рассуждали о природе колдовства, о его рациональной или сверхъестественной составляющей, он заострил внимание на этом аспекте. Саласар заметил, что, как только начинают говорить о ведьмах, случаи колдовства появляются повсюду; и как только на эти заявления не обращали внимания, ведьмы просто исчезали. Таким образом, он понял, что это некий социально-психологический эффект, и деревням нужны не миссионерские крестовые походы или наказания, а нечто совершенно иное — молчание²⁴.

В 1610 г. в разгар процессов в Логроньо появился трактат известного ученого-гуманиста Педро де Валенсия, в котором он выражает отвращение по отношению к ведовским процессам. Он пишет о том, что в признаниях смешаны неправдоподобные вещи из страшных рассказов для простолюдинов и детей. Он высказал несколько гипотез, соответствующих современным представлениям о колдовстве. Первая гипотеза предполагала, что дьявольские собрания действительно происходили,

²⁰ Amelang J. Between Doubt and Discretion: Revising the Rules for Prosecuting Spanish Witches // Making, Using and Resisting the Law in European History. Pisa : Edizioni Plus, 2008. P. 83.

²¹ Torquemada Sánchez M. J. Op. cit. P. 1596.

²² Kristófl, Csonka-Takács E. How to make a (legal) pact with the devil?: legal customs and literacy in witch confessions in early modern Hungary // Witchcraft Mythologies and Persecutions / G. Klaniczay, É. Pócs (Eds.). Central European University Press, 2008. P. 165–166.

²³ Maddox T. M. Op. cit. P. 678.

²⁴ Henningsen G. Op. cit. P. 449.

но без вмешательства дьявола. Ковены должны были состоять из людей, которые собирались вместе, чтобы удовлетворить свои низменные инстинкты и предаться низменным удовольствиям. «Дьяволом» был один из участников, одетый в маску с рогами. В этом обличье он совокуплялся с женщинами, иногда используя искусственный фаллос. Вторая гипотеза предполагала, что собрания ведьм были чем-то вроде галлюцинаций, вызванных токсичной мазью. Чернокнижники учились друг у друга готовить такую мазь и, намазываясь ею, полагали, что летят к месту собрания, когда на самом деле не двигались с места, а погружались в глубокий сон. Таким образом, Валенсия становится на уровень современных ученых, которые пытаются объяснить феномен колдовства как культ наркотиков, и шабаши — это состояния измененного состояния сознания, возникающие при употреблении психоактивных веществ, вызванные галлюциногенными свойствами мазей²⁵. Это подтверждается записями о самых ранних дошедших до нас судебных процессов, где, например, ведьмы обвинялись в использовании жаб и жабьей крови для сглаза (жабья шкура действительно может содержать наркотические вещества, вызывающие галлюцинации). В пространных показаниях, рассказывающих о шабаше ведьм, Мартин де Салдаис из деревни Бургетт поделился рецептом ядовитой смеси, которая использовалась для уничтожения зерна и убийства людей: чтобы отправиться на собрание ведьм они намазали себя мазью, используя мертвых жаб²⁶. Валенсия пришел к выводу, что они столкнулись с явлением, существование или отсутствие которого невозможно доказать. Обвинение не могло быть доказано, даже если бы пятьдесят свидетелей утверждали, что видели обвиняемого или обвиняемую на шабаше. Но во всех случаях колдуны заслуживают суровых наказаний, если окажется, что у них было четкое намерение вступить в сговор с дьяволом; при этом порка была бы лучшим лекарством²⁷. До сегодняшнего дня не придумано более рационального объяснения феномена колдовства. В тот период возникло явление юридического скептицизма в отношении колдовства.

Итальянский профессор права Амброджо Виньяти (XV в.) был одним из первых юристов, посвятивших значительную часть одной из своих работ ведьмам. Один из вопросов, которые его занимали («Трактат о ереси»): могут ли ведьмы преодолевать огромные пространства за очень короткое время, разговаривать с демонами и заниматься с ними сексом, или превращаться в кошек²⁸. Инквизиция в целом заняла четкую позицию, проявляя критичность, скептицизм и отрицая возможность того, что колдовство было реальным. Например, в 1540 г. епископ Памплоны дон Педро Пачеко разослал священникам епархии инструкции, в которых предупреждал о ложности колдовства и предлагал так называемых колдунов и одержимых отвести к врачу²⁹.

Колдовство можно в общих чертах определить как идеологическую систему, способную предлагать простые и нестандартные решения повседневных проблем. Речь идет о людях, которые отказались от социальных норм. Оспаривание авторитета Церкви — это вызов общественному порядку и величю самого Господа, и с юридической точки зрения безразлично, исходит ли это из ереси или колдовства³⁰. Колдун — это воплощение аморальности и всего того, что противоречит идеалам общества. Вера в ведьм служит предохранительным клапаном для агрессивного инстинкта, который запрещено выражать средствами, не одобряемыми обществом. Это и мифологизация социально маргинализированных групп. Ведовство — это

²⁵ Henningsen G. Op. cit. P. 296.

²⁶ Rojas R. Op. cit. P. 726.

²⁷ Henningsen G. E. Op. cit. P. 297.

²⁸ Duni M. *Doubting Witchcraft: Theologians, Jurists, Inquisitors during the Fifteenth and Sixteenth Centuries* // *Studies in Church History*. Vol. 52. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 203–231. P. 228.

²⁹ Usunáriz Garayoa J. M. *La caza de brujas en la Navarra moderna (siglos XVI–XVII)* // *Revista internacional de los estudios vascos*. 2012. № Extra 9. P. 344–345.

³⁰ Martínez Peñas L. Op. cit. P. 76.

социальное кривое отражение юридических, экономических, религиозных, эстетических идей и институтов, реакция на два основных социальных процесса в Европе в раннее Новое время: Реформации и централизации власти при создании национального государства современного типа. Религиозная напряженность скрывается прямо под поверхностью многих судебных процессов. Демонологический дискурс в Англии, скажем, был связан с распространением реформаторских ценностей среди населения и с антикатолицизмом³¹. С другой стороны, волну процессов спровоцировал процесс становления централизованной власти и распределения компетенций. «Генезис нововременных государств Европы заключался в поступательном движении к более высокой степени универсализации (делокализации), монополизации, концентрации власти»³². Институты централизованного государства смягчали и сдерживали судебное преследование за колдовство в Европе раннего Нового времени задолго до того, как были окончательно пересмотрены правовые основания для таких судебных процессов³³. В том числе значимым стал вопрос разделения юрисдикции между королевским и церковным судами. «Со временем политика всё больше принимала на себя функции легитимации самого сакрального порядка, используя для этого всю мощь государства, не отказываясь от свойственного религиозным системам символического оформления (миф, обряд)»³⁴. Подавление колдовства было нередко связано с конфликтами в рамках межобщинных споров и напряженностью между множеством местных властей и центральной властью, а не с демонизмом, и не было историческим капризом. Число казненных было меньше в странах, где политическая или церковная власть была более централизованной, как, например, во Франции или Испании. Судебные преследования ведьм имели противоречивое значение, поскольку иногда они служили средством достижения политического консенсуса, объединяя общины против общего врага, но в равной степени могли привести к острой поляризации³⁵.

Тему колдовства и отношения к нему общества следует изучать комплексно, потому что она всегда связана с политикой, религией, экономикой, медициной и т.д. Изучение колдовства в контексте метафизики права Нового времени, возможно, заставит нас задуматься о том, что будущие историки могут счесть загадочным и иррациональным в отношении нашей современности, о наших правовых убеждениях, которые последующие поколения признают ложными, неубедительными, возможно, странными³⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 30–40.
2. *Исаев И. А.* У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 12. — С. 23–30.
3. *Исаев И. А., Румянцева В. Г.* Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6. — С. 11–20.

³¹ См.: *Mendez A.* Op. cit.

³² *Исаев И. А.* У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12. С. 24.

³³ *Johnson B.* Legislating the Witch: A Genealogy of Juridical Thought // *Culture & History Digital Journal*. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 1.

³⁴ *Исаев И. А., Румянцева В. Г.* Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6. С. 13.

³⁵ *Pearson J.* Witchcraft, Witch-Hunting, and politics in early modern England // *The Seventeenth Century*. 2016. № 31 (3). P. 376.

³⁶ *Machielsen J.* Op. cit. P. 294.

4. *Amelang J.* Between Doubt and Discretion: Revising the Rules for Prosecuting Spanish Witches // Making, Using and Resisting the Law in European History. — Pisa : Edizioni Plus, 2008. — P. 77–92.
5. *Duni M.* Doubting Witchcraft: Theologians, Jurists, Inquisitors during the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Studies in Church History. — Vol. 52. — Cambridge : Cambridge University Press 2016. — P. 203–231.
6. *García-Pelayo M.* La idea medieval del derecho. — Caracas : Fundación Manuel García-Pelayo, 2004. — 74 p.
7. *Henningsen G.* El abogado de las brujas. Brujería vasca e inquisición española. — Madrid : Alianza Editorial, S. A., 2010. — 536 p.
8. *Johnson B.* Legislating the Witch: A Genealogy of Juridical Thought // Culture & History Digital Journal. — 2018. — Vol. 7. — № 2. — P. 1–9.
9. *Kristóf I., Csonka-Takács E.* How to make a (legal) pact with the devil? Legal customs and literacy in witch confessions in early modern Hungary // Witchcraft Mythologies and Persecutions / G. Klaniczay, É. Pócs (Eds.). — Central European University Press, 2008. — P. 164–183.
10. *Machielsen J.* «Moved and Seduced by the Instigation of the Devil»: Witchcraft and the Law, 1450–1700 // Research Handbook on Interdisciplinary Approaches to Law and Religion / R. Sandberg [et al.], eds. — Cardiff : Edward Elgar Publishing, 2019. — P. 277–335.
11. *Maddox T. M.* The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // Yale Journal of Law & the Humanities. — 2024. — Vol. 35:4. — P. 666–709.
12. *Martínez Peñas L.* Witchcraft and the legal evolution of religious persecution // Sociedades seguras y pacíficas: mecanismos jurídicos para la construcción de la paz. — Madrid : Dykinson 2023. — P. 75–92.
13. *Mendez A.* To Accommodate the Earthly Kingdom to Divine Will: Official and Nonconformist Definitions of Witchcraft in England (1542–1630) // Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural. — 2017. — Vol. 6. — № 2. — P. 278–309.
14. *Pearson J.* Witchcraft, Witch-Hunting, and politics in early modern England // The Seventeenth Century. — 2016. — № 31 (3). — P. 375–379.
15. *Rallo Lombarte A.* Memoria democrática y Constitución // Teoría y Realidad Constitucional. — 2023. — № 51. — P. 109–146.
16. *Rojas R.* The Witches' Accomplice: Toads in Early Modern Navarre // Sixteenth Century Journal. — 2020. — Vol. 51. — № 3. — P. 719–740.
17. *Torquemada Sánchez M. J.* The crimes of sorcery and witchcraft in modern Europe several remarks about the origins of their legal punishment and other particularities // Historia iuris: estudios dedicados al profesor Santos M. Coronas González. — 2014. — Vol. 2. — P. 1587–1598.
18. *Usunáriz Garayoa J. M.* La caza de brujas en la Navarra moderna (siglos XVI–XVII) // Revista internacional de los estudios vascos. — 2012. — № Extra 9. — P. 306–350.

REFERENCES

1. Isaev IA. Simulyakry: virtual reality of the law. *Courier of Kutafin Moscow state Law University (MSAL)*. 2021;5:30-40. (In Russ.).
2. Isaev IA. At the entrance to the New Time: political unity or political integrity. *Courier of Kutafin Moscow state Law University (MSAL)*. 2024;12:23-30. (In Russ.).
3. Isaev IA, Rumyantseva VG. Institute and a symbol in political theology. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(6):11-20.
4. Amelang J. Between Doubt and Discretion: Revising the Rules for Prosecuting Spanish Witches. In: Making, Using and Resisting the Law in European History. Pisa: Edizioni Plus Publ.; 2008.
5. Duni M. Doubting Witchcraft: Theologians, Jurists, Inquisitors during the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Studies in Church History. Vol. 52. Cambridge: Cambridge University Press; 2016.
6. García-Pelayo M. La idea medieval del derecho. Caracas: Fundación Manuel García-Pelayo; 2004.

7. Henningsen G. El abogado de las brujas. Brujería vasca e inquisición española. Madrid: Alianza Editorial; S. A.; 2010.
8. Johnson B. Legislating the Witch: A Genealogy of Juridical Thought. *Culture & History Digital Journal*. 2018;7(2):1-9.
9. Kristóf I, and Csonka-Takács E. How to make a (legal) pact with the devil?: Legal customs and literacy in witch confessions in early modern Hungary. In: G. Klaniczay and É. Pócs (Eds.), *Witchcraft Mythologies and Persecutions*. Central European University Press; 2008.
10. Maddox TM. The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts. *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2024;35:4:666-709.
11. Machielsen J. «Moved and Seduced by the Instigation of the Devil»: Witchcraft and the Law, 1450–1700. In: Russell Sandberg et al. (eds). *Research Handbook on Interdisciplinary Approaches to Law and Religion*. Cardiff: Edward Elgar Publishing; 2019.
12. Martínez Peñas L. Witchcraft and the legal evolution of religious persecution. *Sociedades seguras y pacíficas: mecanismos jurídicos para la construcción de la paz*. Madrid: Dykinson; 2023.
13. Mendez A. To Accommodate the Earthly Kingdom to Divine Will: Official and Nonconformist Definitions of Witchcraft in England (1542–1630). *Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural*. 2017;6(2):278-309.
14. Pearson J. Witchcraft, Witch-Hunting, and politics in early modern England. *The Seventeenth Century*. 2016;31(3):375-379.
15. Rallo Lombarte A. Memoria democrática y Constitución. *Teoría y Realidad Constitucional*. 2023;51:109-146.
16. Rojas R. The Witches' Accomplice: Toads in Early Modern Navarre. *Sixteenth Century Journal*. 2020;51(3):719-740.
17. Torquemada Sánchez M. J. The crimes of sorcery and witchcraft in modern Europe several remarks about the origins of their legal punishment and other particularities. *Historia iuris: estudios dedicados al profesor Santos M. Coronas González*. 2014;2:1587-1598.
18. Usunáriz Garayoa JM. La caza de brujas en la Navarra moderna (siglos XVI–XVII). *Revista internacional de los estudios vascos*. 2012;Extra 9:306-350.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.109-115

«НАЦИЯ» И «ИМПЕРАТОР» В ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ БРАЗИЛИИ

Алексеева Татьяна Анатольевна,

профессор кафедры теории и истории права и государства
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43
ta_al@mail.ru

© Алексеева Т. А., 2026

Аннотация. Статья посвящена «нации» и «императору» — ключевым понятиям первой Конституции Бразилии 1824 г. Они отражали самобытность введенного понятийного аппарата, принципов и назначения учреждаемых институтов, основанных на различных зарубежных источниках, исторических и современных, идейных и юридических. Выявлена степень заимствования норм римского публичного права, конституций Франции 1791 г., Испании 1812 г. и Португалии 1822 г., Конституционной хартии 1814 г., идей Константа при закреплении представления об императоре, а также положений конституций Франции 1791 и 1793 гг., Испании 1812 г. и Португалии 1822 г., вдохновивших бразильского учредителя при оформлении понятия нации. Особое внимание уделено историческому контексту, предопределившему значение рассматриваемых понятий, роли политической активности народа, совпадению интересов населения и части португальского королевского двора, не покинувшего Бразилию. Выявлены и проанализированы характерные черты понимания нации как народа — объединения бразильских граждан; ее соотношение с понятиями империи и императора; значение для определения титула императора, его обязанности быть защитником Бразилии, представителем и главой нации, а также обладания, наряду с исполнительной властью, сдерживающей властью, предназначенной обеспечивать гармоничное функционирование учрежденной системы органов Бразильской империи. Сделан вывод о том, что понятия нации и императора воплотили особенности Конституции, принятой в стране, нацеленной на признание независимости и создание собственной государственности, предвосхищали ее длительное действие и заимствование в ряде государств при разработке конституционного законодательства.

Ключевые слова: Бразильская империя; гражданин; император; народ; нация; исполнительная власть; независимость Бразилии; Политическая конституция; 1824 г.; республика; сдерживающая (нейтральная) власть

«NATION» AND «EMPEROR» IN THE FIRST CONSTITUTION OF BRAZIL

Tatyana A. Alekseeva,

Dr. Si. (Law), Associate Professor; Full Professor, профессор Department of Theory and History of Law and State, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation
ta_al@mail.ru

Abstract. *The paper is devoted to the «nation» and the «emperor», the key concepts of the first Constitution of Brazil of 1824. These concepts reflected the originality of the conceptual framework introduced by the Constitution, as well as the principles and purposes of the institutions it established, which were based on a variety of foreign source — historical and contemporary, ideological and legal. The study determines the extent to which the framers borrowed norms of Roman public law, the French Constitutions of 1791, the Spanish Constitution of 1812, the Portuguese Constitution of 1822, the Constitutional Charter of 1814, and the ideas of Benjamin Constant in shaping the conception of the emperor. It also identifies the provisions of the French Constitutions of 1791 and 1793, the Spanish Constitution of 1812, and the Portuguese Constitution of 1822 that inspired the Brazilian constituent power in formulating the concept of the nation. Particular attention is given to the historical context that predetermined the significance of these concepts, including the role of popular political activity and the convergence of interests between the population and that part of the Portuguese royal court that did not leave Brazil. The article identifies and analyzes the characteristic features of the understanding of the nation as the people — that is, the community of Brazilian citizens; its relationship to the concepts of empire and emperor; and its significance for determining the emperor's title, his duty to be the protector of Brazil, the representative and Head of the Nation, and the holder, alongside executive power, of the moderating power intended to ensure the harmonious functioning of the institutional system of the Brazilian Empire. The author concludes that the concepts of the nation and the emperor embodied the distinctive features of the Constitution adopted in a country seeking recognition of its independence and the creation of its own statehood, and that they anticipated both its long period of operation and its influence on constitutional drafting in a number of other states.*

Keywords: *Brazilian Empire; citizen; emperor; people; nation; executive; Brazilian independence; Political Constitution; 1824; republic; restraining (neutral) power*

Первая Конституция Бразилии достойна внимания не только в связи с полезностью знаний о важной странице в истории права страны БРИКС, но и ее значением в эволюции конституционализма, еще слабо изученным отечественной историко-правовой наукой. Император (imperador) и нация (nação) — базовые понятия первой Конституции Бразилии¹. При ее разработке учредитель использовал в качестве образцов для заимствования конституции Испании 1812 г., Португалии 1822 г., Франции 1791 и 1793 гг., Конституционную хартию 1814 г.²,

¹ Constituição Política do Imperio do Brazil (1824) // Nogueira O. Constituições brasileiras. 3. ed. Brasília, 2012. P. 65–88.

² Тексты актов см.: Политическая конституция испанской монархии, промульгированная в Кадисе 19 марта 1812 г. / пер. с исп. Т. А. Алексеевой // Алексеева Т. А. История испанских конституций. М., 2021. С. 108–149; Конституция Франции 3 сентября 1791 г. // Документы истории Великой французской революции. Т. 1 / отв. ред. А. В. Адо. М., 1990. С. 112–141; Конституция Франции 24 июня 1793 г. // Там же. С. 216–227; Конституционная хартия 4 июня 1814 г. // Тексты важнейших основных законов иностранных государств. М., 1905. Ч. 1. С. 73–84; Constituição politica da Monarchia Portuguesa. Lisboa, Imprensa Nacional, 1822. 100 p.

римское право. Идейнными источниками Бразильского основного закона стали не только учения французских просветителей, но и Б. Константа, книги которого, как и многие политические деятели того времени, читал император Педру I, промульгировавший Конституцию Бразильской империи 1824 г.³

Нация и империя. Понятия нации и империи, содержащиеся в первой статье Конституции 1824 г., не являются синонимами. Бразильская империя — «политическая ассоциация (*associação política*) всех бразильских граждан». Это положение напоминает определение республики, сформулированное Цицероном (*De re publica*. I, 25, 39)⁴. Из следующего предложения ст. 1 (бразильские граждане «образуют (*formam*) свободную и независимую нацию») очевидно, что нация понимается учредителем как простое объединение бразильских граждан, как народ в якобинской Конституции 1793 г. (ст. 7). Народ же являлся и ключевым элементом дефиниции республики по Цицерону.

Выбор учредителем термина «нация» (а не революционного и пугающего «народ») соответствовал духу времени. Нация — одна из важнейших категорий либеральной политической мысли в 1820-е гг.⁵, что нашло отражение в двух главных источниках Конституции 1824 г. Различия обнаруживаются в том, что создатели конституций Испании 1812 г. (действовала в 1820–1823 гг.) (ст. 1) и Португалии 1822 г. (ст. 20), определяя нацию как объединение, соответственно, «всех испанцев» и «всех португальцев» «в обоих полушариях», исходили из сложившегося понимания территории королевства и, ориентируясь на пример Конституции Франции 1791 г., выделили граждан из числа членов нации (испанцев / португальцев). Следует отметить, что к португальцам в 1822 г. были отнесены и жители Бразилии (ст. 20. II), с чем последние не могли согласиться.

В соответствии с курсом на отделение от Португалии бразильский учредитель усилил значение понятия нации, подчеркнув, что она является «свободной и независимой, <...> не допускает вступления в иное объединение или союз, который противоречит ее независимости» (ст. 1).

Нация — источник власти императора. Бразильский учредитель установил по образцу Французской конституции 1791 г. (ст. 2 разд. 3), что «все власти Бразильской империи делегированы нацией» (ст. 12), император и генеральная ассамблея объявлены ее представителями (ст. 11). При этом император признан «первым представителем нации» (ст. 98). Несмотря на текстуальное сходство с положением Конституции Франции 1791 г., очевидно существенное различие: император — первый представитель бразильского народа, а король французов — нации, понимаемой депутатами Учредительного собрания как «юридическое лицо, отличное от индивидов, ее составляющих»⁶.

В установленной формуле промульгации любого закона содержалось и указание на то, что император является правящим «по воле Бога и единогласно провозглашенным народами» (*unanime Acclamação dos Povos*) (ст. 69). Это уточнение подчеркивает существенное отличие представления об императоре в сравнении с испанским королем, правящим «по воле Бога и Конституции», принятой представителями нации — учредительными кортесами. А ссылка на «народы» напоминает нам положение римского права, обосновывающего статус императора: народ «посредством царского закона» перенес на него «всю свою высшую власть» (*imperiū*) (Дигесты Юстиниана. 1.4.1; Институции Юстиниана. 1.2.6). Данный подход нашел отражение при обсуждении конституционного проекта в Генеральной ассамблее в 1823 г. Депутат Крус

³ Фаусту Б. Краткая история Бразилии / пер. с порт. Л. С. Окуневой, О. В. Окуневой. М., 2013. С. 117.

⁴ Цицерон. Диалоги / пер. В. О. Горенштейна. М., 1994. С. 58.

⁵ Кирсанова Н. В. Представление о нации в Португалии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М., 2005. С. 331.

⁶ История буржуазного конституционализма XVII–XVIII / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1983. С. 207.

Гоувеа 25 июня назвал действующего императора «нашим Вашингтоном в Южной Америке, бессмертным Сеньором Доном Педру I, августейшим императором»⁷.

Тезис о народной основе и происхождении власти императора имел историческую основу. Оформление его правового статуса путем принятия Конституции стало возможным в результате совпадения интересов населения колонии и части двора принца-регента Педру, прибывшего в 1808 г. из столицы страны, оккупированной армией Наполеона, и не покинувшей Бразилию после возвращения короля в Лиссабон. Вехами народной активности и соответствующей реакции двора стали следующие исторические факты: 1) заявление принца-регента, сделанное 9 января 1822 г. перед представителями бразильского населения в ответ на официальное требование его возвращения в Португалию: «Скажите народу, что я остаюсь»; 2) объявление принца-регента Сенатом Муниципального совета Рио-де-Жанейро в мае 1822 г. «постоянным защитником Бразилии»; 3) провозглашение принцем-регентом независимости Бразилии публично и в устной форме, без составления документа⁸, «возгласом на Ипиранге» (*Grito de Ipiranga*) 7 сентября 1822 г. («Пришел час! Независимость или смерть! Мы отделяемся от Португалии!»); 4) объявление представительным органом принца-регента 12 октября «Доном Педру I Бразильским императором»; 5) его коронация 1 декабря с принесением в императорской часовне в Рио-де-Жанейро торжественной клятвы с обещанием: «Шпагой будет защищать родину, нацию и конституцию, достойную Бразилии и меня»⁹. Благодаря церковному обряду власть Педру I получила императорское значение и религиозное обоснование. Бразильский исследователь подчеркнул: Бог как «основной источник власти и народ, одобивший его решение», дали «религиозную и политическую санкцию на избрание Дона Педру монархом новой Бразильской империи»¹⁰. Примечательно, что один из генералов армии С. Боливара назвал Педру I создателем и основателем народной империи¹¹.

Вместе с тем, осознавая поддержку населения, император созвал, а затем распустил в 1823 г. учредительную ассамблею. 25 марта 1824 г. Император Педру I октроировал Конституцию Бразильской империи.

Титул императора. Конституция 1824 г., в отличие от испанского (ст. 169) и португальского (ст. 127) образцов, которые не вводили особого титула монарха, подтвердила ранее врученный титул Его Императорского Величества: «конституционный император и постоянный защитник Бразилии» (ст. 100). Обязанности императора, вытекающие из функции защитника, раскрывались в присяге, приносимой императором перед членами обеих палат генеральной ассамблеи при вступлении на трон: «сохранять религию римско-католическую апостольскую, целостность и неделимость империи, соблюдать и поддерживать соблюдение Политической конституции бразильской нации и других законов империи, а также обеспечивать общее благо Бразилии» (ст. 103). Примечательно, что Акт 1824 г. в тексте присяги был назван конституцией Бразильской нации, что дополнительно подчеркивало ее, по существу, народное происхождение.

⁷ Fanni R., Pimenta J. P. La Asamblea Constituyente de Brasil de 1823 y la presencia de la América española // Revista Complutense de Historia de América. 2021. № 47. P. 117.

⁸ На заявление судьбоносного для страны решения в публичной и устной форме, без составления документа, обращают внимание историки и правоведы. Например, на русском языке см.: Андреева Г. Н., Хащина Э. Э. Правовые акты о независимости в Латинской Америке и в Восточной Европе как источники изучения сецессии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 62.

⁹ Paz Silva J. La «santa ciudadanía» del imperio: confesionalidad como fuente restrictiva de derechos en Brasil (1823–1831): Tesis doctoral (Departamento de derecho público general). Salamanca, 2014. P. 223, 251–260.

¹⁰ Romero de Oliveira E. O império da lei: ensaio sobre o cerimonial de sagração de D. Pedro I (1822) // Tempo. 2009. Vol. 13. No. 26. P. 144.

¹¹ Catalano P. Riflessioni di un romanista su alcuni aspetti della Tradizione giuridica brasiliana: impero e cittadinanza // E vós, Tágides Minhas / a cura di M. J. de Lancastre, S. Peloso, U. Serani. Viareggio-Lucca, 1999. P. 247.

Роль императора. В Конституции 1824 г. четко определена роль и предназначение императора как «верховного главы нации» (*Jefe Supremo de la Nación*) (ст. 98). Эту формулировку целесообразно сопоставить с положением Французской конституционной хартии 1814 г., объявившей короля «верховным главой государства» (*le chef suprême de l'État*) (ст. 14). Текстуальное сходство формулировок не означало совпадения содержательного наполнения использованных понятий. Педру I был признан лидером новой нации (народа) — фундамента легитимности конституированного правопорядка в целом и императорской власти в частности, исключая претензии португальского королевского двора на прежнюю роль в Бразилии. Верховенство императора подчеркнуто введенным обращением «Императорское Величество» (ст. 100), нормой о неприкосновенности и священности его личности с гарантией недопустимости привлечения к какой бы то ни было ответственности (ст. 99).

Вышеуказанная роль бразильского императора связана с закрепленной исключительно за ним сдерживающей властью (*poder moderador*), объявленной «ключевой для политической организации» Бразильской империи и обязывающей его непрерывно обеспечивать независимость, баланс и гармонию «между политическими властями» (ст. 98).

Для реализации данной задачи император наделялся девятью полномочиями (ст. 101): назначать сенаторов; участвовать в законодательном процессе путем санкционирования актов генеральной ассамблеи; продлевать, приостанавливать ее сессий, а также созывать на чрезвычайные заседания; распускать нижнюю палату генеральной ассамблеи и объявлять о созыве в новом составе; назначать и увольнять министров, принимать решения об отстранении от должности судей; утверждать или приостанавливать решения провинциальных советов; осуществлять помилование и амнистию. Данный перечень частично соответствует представлению о власти, названной Б. Констаном не только сдерживающей (или умеряющей (*modérateur*)), но и нейтральной (*neutre*) властью¹². Указанные полномочия адекватны верховному положению императора в системе государственных органов, предполагают его активную деятельность для поддержания установленного конституционного правопорядка, что позволило аргентинскому исследователю охарактеризовать его сдерживающую власть как «политический контроль»¹³. Кроме того, эти полномочия напоминают роль императора как «постоянного защитника Бразилии», вызывая аналогию с римским магистратом — плебейским трибуном, не обладавшим административной, но негативной властью¹⁴.

Подобно иным конституционным монархам 20-х гг. XIX в., бразильский император был также признан главой исполнительной власти, которую осуществляет посредством «своих государственных министров» (ст. 102), и наделен правом санкционировать и промульгировать законы (ст. 64–68).

Итак, в 1825 г. Португалия признала независимость Бразилии, а Конституция 1824 г. с некоторыми изменениями действовала в течение шести с половиной десятилетий, до провозглашения республики в 1889 г. Нация и император — два столпа текста данной Конституции. Они выполнили роль фундамента государственности, конституционализированной в 1824 г., когда процесс отделения в Бразилии от Португалии формально не был еще завершен. Учредитель использовал известное и апробированное в ряде стран понятие нации для обозначения социально-политической основы учреждаемой государственности. Оно служило легитимации императора как центрального элемента организации власти. Представление о монархе на тот момент не могло быть выражено термином «король», как в Португалии, ему соответствовало римское понятие «император». Положения о его статусе оставили

¹² *Constant B.* Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos / trad. A. Zozaya. Madrid : Biblioteca Economica Filosófica, 1890. T. 1. P. 68.

¹³ *Afonso Campos G.* Poder moderador na obra de Constant e na Constituição de 1824: pena de morte e sua comutação e perdão entre os escravos brasileiros no século XIX // *Estudios de Filosofía Práctica e Historia de las Ideas*. 2019. Vol. 21. P. 9.

¹⁴ *Poletti R.* Concetto jurídico de imperio. Brasília, 2009. P. 277.

наибольший след в эволюции конституционного права, так как стали предметом теоретического осмысления и заимствования при разработке норм о главе государства как органе «нейтральной» («сдерживающей», арбитражной) власти, обеспечивающей гармоничное функционирование всего государственного механизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Г. Н., Хащина Э. Э. Правовые акты о независимости в Латинской Америке и в Восточной Европе как источники изучения сепарации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2020. — № 3. — С. 56–77.
2. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII / отв. ред. В. С. Нерсесянц. — М.: Наука, 1983. — 296 с.
3. Кирсанова Н. В. Представление о нации в Португалии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. — М., 2005. — С. 314–336.
4. Фаусту Б. Краткая история Бразилии / пер. с порт. Л. С. Окуновой, О. В. Окуновой. — М.: Весь мир, 2013. — 448 с.
5. Цицерон. Диалоги / пер. В. О. Горенштейна. — М.: Ладомир : Наука, 1994. — 222 с.
6. Afonso Campos G. Poder moderador na obra de Constant e na Constituição de 1824: pena de morte e sua comutação e perdão entre os escravos brasileiros no século XIX // Estudos de Filosofia Prática e Historia de las Ideas. — 2019. — Vol. 21. — 19 с.
7. Catalano P. Popolo. Parte giuridica. Principi e Sistema // Enciclopedia di Bioetica e Scienza giuridica : In 12 Vol. — Vol. 10. — Napoli : Edizioni Scientifiche Italiane, 2016. — P. 480–491.
8. Catalano P. Riflessioni di un romanista su alcuni aspetti della Tradizione giuridica brasiliana: impero e cittadinanza // E vós, Tágides Minhas / a cura di M. J. de Lancastre, S. Peloso, U. Serani. — Viareggio-Lucca, 1999. — P. 241–260.
9. Constant B. Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos T. 1 / trad. A. Zozaya. — Madrid : Biblioteca Economica Filosofica, 1890. — 160 с.
10. Fanni R., Pimenta J. P. La Asamblea Constituyente de Brasil de 1823 y la presencia de la América española // Revista Complutense de Historia de América. — 2021. — № 47. — P. 111–136.
11. Paz Silva J. La «santa ciudadanía» del imperio: confesionalidad como fuente restrictiva de derechos en Brasil (1823–1831): Tesis doctoral (Departamento de derecho público general). — Salamanca : Universidad de Salamanca, 2014. — 427 p.
12. Poletti R. Concetto jurídico de imperio. — Brasília: Editora Consulex, 2009. — 363 p.
13. Romero de Oliveira E. O império da lei: ensaio sobre o cerimonial de sagração de D. Pedro I (1822) // Tempo. — 2009. — Vol. 13. — No. 26. — P. 133–159.

REFERENCES

1. Andreeva G.N., Khashchina E.E. Legal acts on independence in Latin America and Eastern Europe as sources of study of secession. *Historical and Legal Problems: A New Angle*. 2020;3:56-77.
2. Nersesyants VS. The history of bourgeois constitutionalism XVII–XVIII. Moscow: Nauka Publ.; 1983. (In Russ.).
3. Kirsanova N.V. Idea of a nation in Portugal. In: Bondarchuk VS. National idea in Western Europe in modern times. Essays on history. Moscow; 2005. (In Russ.).
4. Fausto B. A brief history of Brazil. Tr. by Okuneva and O. V. Okuneva. Moscow: Ves Mir Publ.; 2013. (In Russ.).
5. Cicero. Dialogues. Tr. by V.O. Gorenstein. Moscow: Lomir; Nauka Publ.; 1994. (In Russ.).
6. Afonso Campos G. Poder moderador na obra de Constant e na Constituição de 1824: pena de morte e sua comutação e perdão entre os escravos brasileiros no século XIX. *Estudios de Filosofia Prática e Historia de las Ideas*. 2019;21:19
7. Catalano P. Popolo. Parte giuridica. Principi e Sistema. Enciclopedia di Bioetica e Scienza giuridica: In 12 Vol. Vol. 10. Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane; 2016. P. 480–491.

8. *Catalano P.* Riflessioni di un romanista su alcuni aspetti della Tradizione giuridica brasiliana: impero e cittadinanza. E vós, Tágides Minhas A cura di M.J. de Lancastre, S. Peloso, U. Serani. Viareggio-Lucca; 1999.
9. Constant B. Principios de política aplicada a todos los gobiernos representativos T. 1. Trad. A. Zozaya. Madrid: Biblioteca Economica Filosofica; 1890. (In Russ.).
10. *Fanni R., Pimenta J.P.* La Asamblea Constituyente de Brasil de 1823 y la presencia de la América española. *Revista Complutense de Historia de América.* 2021;47:111-136.
11. *Paz Silva J.* La «santa ciudadanía» del imperio: confesionalidad como fuente restrictiva de derechos en Brasil (1823–1831): Tesis doctoral (Departamento de derecho público general). Salamanca: Universidad de Salamanca, 2014.
12. *Poletti R.* Concetto jurídico de imperio. — Brasília: Editora Consulex, 2009. 363 p.
13. *Romero de Oliveira E.* O império da lei: ensaio sobre o cerimonial de sacração de D. Pedro I (1822). *Tempo.* 2009;13(26):133-159.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.116-126

ПРАВОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ОХОТНИКОВ-ЛЮБИТЕЛЕЙ И АНТИОХОТНИКОВ В КОРОЛЕВСТВЕ НИДЕРЛАНДОВ

Кислухин Владимир Александрович,
доцент кафедры публично-правовых наук Волго-Вятского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
610000, Россия, г. Киров, ул. Ленина, д. 99
pravo@kisluhin.kirov.ru

© Кислухин В. А., 2026

Аннотация. В статье представлен авторский взгляд на проблему рационального и иррационального в праве, существующую в сфере реализации правовых норм, регулирующих политический процесс. Данная проблема рассматривается на примере Королевства Нидерландов как правового демократического государства. Ярким примером иррационального в праве Королевства Нидерландов являются неразрешимые до сих пор конфронтационные правоотношения между охотниками-любителями и антиохотниками — экстремистскими элементами, оказывающими негативное воздействие на массовое сознание нидерландского общества. Происходит открытое противостояние между двумя формами одного явления — рационального в праве, осложненного иррациональностью нидерландской политической системы. Автор констатирует неспособность нидерландских властей решить проблему этого затяжного противостояния социальных групп, хотя при наличии политической воли со стороны правящих элит и нахождения между ними компромисса решение может быть найдено в результате кардинального внесения изменений в политическую систему Нидерландов.

Ключевые слова: политический процесс; рациональное и иррациональное в праве; Королевство Нидерландов; политические партии; зеленые; общественные движения; фонды радикальной направленности; охотники-любители; антиохотники; эскалация преследования; парламент; полиция

THE LEGAL CONFLICT BETWEEN RECREATIONAL HUNTERS AND ANTI-HUNTING ACTIVISTS IN THE KINGDOM OF THE NETHERLANDS

Vladimir A. Kislukhin,
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Public Law Disciplines, Volga-Vyatka
Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian
Federation
pravo@kisluhin.kirov.ru

Abstract. The paper presents the author's view of the problem of the rational and the irrational in law as it exists in the sphere of the implementation of legal norms regulating the political process. This problem is examined through the example of the political

system of the Kingdom of the Netherlands, a constitutional democratic state governed by the rule of law. A characteristic and vivid example of the irrational in the law of the Kingdom of the Netherlands is provided by the confrontational legal relations that have persisted for many years and remain unresolved to this day between such social groups of Dutch society as amateur hunters and anti-hunters — extremist elements exerting a negative influence on the mass consciousness of Dutch society. In other words, a situation arises in which, in both cases, there is open confrontation between two forms of one and the same phenomenon, namely, the rational in law, complicated by the irrationality of the Dutch political system. The author concludes that the current Dutch authorities are incapable of resolving this prolonged confrontation between these social groups, although, given political will on the part of the ruling elites and the achievement of a compromise between them, a solution could be found through fundamental changes to the political system of the Netherlands.

Keywords: *political process; rational and irrational in law; the Kingdom of the Netherlands; political parties; greens; social movements; radical foundations; amateur hunters; anti-hunters; escalation of persecution; parliament; police*

В современном мире одним из основополагающих факторов достижения позитивного результата в целенаправленном правовом воздействии государства на общественное сознание является способ функционирования политической системы общества, то есть политический процесс. Цель политического процесса — обеспечение существования и развития таких его основных элементов, как само государство, его правительство, политические партии, а также другие многочисленные субъекты политического процесса, деятельность которых направлена на сохранение, изменение и прекращение сложившихся экономических, социальных, религиозных отношений. Политический процесс осуществляется в разнообразных формах, регулируется путем применения различных правовых средств и методов. В идеале он направлен на обеспечение нерушимости государственного строя и территориального суверенитета, охрану общественного порядка, защиту прав, свобод, законных интересов человека и гражданина от противоправных посягательств.

В общественном понимании политический процесс неизбежно отождествляется с организацией избирательных кампаний, контролем за обеспечением общественного порядка при проведении митингов, шествий, демонстраций, распространением с помощью информационно-коммуникационных технологий объективного мнения о принимаемых органами государственной власти, местного самоуправления правовых решений, формированием позитивного общественного сознания и правовой культуры у населения в связи с осуществлением государством политической деятельности.

Сущность политического процесса заключается в том, что сознательные и целенаправленные действия субъектов политического процесса, урегулированные нормами права, должны соответствовать строго определенному порядку принятия решений и исключать какие-либо отрицательные непредсказуемые последствия результата политической деятельности субъектов.

Такой строго формализованный, контролируемый человеческим разумом, основанный на общих правилах и принципах порядок принятия решений с целью успешного достижения поставленных задач, получил в науке название «рациональное в праве». То есть рациональным можно назвать такое состояние регулируемого нормами права политического процесса, когда его субъекты в полной мере достигли поставленной цели.

Однако, как показывает многовековая практика оценки многих исторических событий, при подведении итогов политической деятельности нередко субъекты политического процесса приходят к видению такой ситуации, когда вместо намеченной цели получается совершенно иной результат, чем ожидалось. Иногда он может быть прямо противоположным тому, к которому стремились субъекты, активно осуществляя свою политическую деятельность. Подобная ситуация зачастую

возникает потому, что в ходе динамичного развития общественных отношений происходит неконтролируемое взаимодействие субъектов политического процесса с представителями других политических сил, ранее не включенных в процесс, но ставших в силу разного рода причин и обстоятельств участниками политической деятельности, например таких участников, как неформальные общественные объединения, физические и юридические лица — иностранные агенты, нежелательные организации, другие элементы политической системы, часто находящиеся в оппозиции к действующей власти, подчас играющие негативную роль в осуществлении политической деятельности государства и общества, нарушающие правила ведения политического процесса, выражающие взгляды и мнения, противоположные официальной идеологии. В конечном итоге практически спонтанно, игнорируя волю субъектов политического процесса, исчезает та определенная заданность в достижении цели, которая была заложена в самом начале развития этого процесса. Такое социальное явление заслужило соответствующее определение в научном мире и стало называться «иррациональное в праве»¹. Иррациональное в праве как отклонение от ожидаемых результатов политического процесса, кроме негативного воздействия на политическую деятельность со стороны радикальных и иных оппозиционных сил, а иногда и непосредственно экстремистских элементов, может также возникнуть в результате недостатка, а иногда и полного отсутствия политических или экономических ресурсов для проведения политической деятельности, вмешательства в процесс субъектов международно-правовых отношений, действующих в качестве негативных факторов, каких-либо других случайных или неожиданно возникших внешних и внутренних угроз, способных повлиять негативно на политический процесс, привести к потере его управляемости.

Проблема воздействия на политический процесс таких правовых явлений, как рациональное, так и иррациональное в праве, не теряет своей актуальности ни в прошлом веке, ни в настоящее время. Проблему рационального и иррационального пытались решить немецкие философы Г. В. Ф. Гегель и М. К. Э. Вебер, русские дореволюционные правоведы Б. А. Кистяковский, С. А. Муромцев, И. А. Покровский. Внесли свой заметный вклад в изучение этой проблемы такие современные российские ученые, как Е. В. Булипопова, Е. Н. Васильева, В. В. Денисенко, В. Е. Милославская, В. М. Пиоев, многие другие исследователи.

Так, известный российский правовед, философ Б. А. Кистяковский рассматривал проблему рационального и иррационального в праве с трех основных позиций: как понятие этики (злое и доброе); как понятие техническое (целесообразное и нецелесообразное); как понятие логическое (понятие и воля). При этом ученый правомерно указывал на то обстоятельство, что в основании правовых норм «лежат иррациональные психические переживания и восприятие их необходимо связано с этими переживаниями»².

Выдающийся современный российский правовед, заслуженный деятель науки, доктор юридических наук профессор И. А. Исаев, изучая проблему рационального и иррационального в праве, называет иррациональное в праве «теневой стороной закона». Исследуя влияние иррационального в праве на процесс перехода от архаичного, патриархального права к праву «современному», профессор Исаев указывает на роль мистики в создании условий для такого процесса, обоснованно доказывая при этом, что «...именно мистика могла способствовать утверждению рационального жизненного поведения»³.

В последние годы в связи с резким обострением международной обстановки в ряде регионов земного шара, обусловленным нежеланием правящих элит большинства

¹ Исаев И. А. Иррациональное в рациональном: приход «современного» права // История государства и права. 2013. № 16. С. 2–9.

² Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 211–221.

³ Исаев И. А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография. М. : Проспект, 2015. С. 346.

стран коллективного Запада решить проблему сдерживания и ликвидации вооруженных конфликтов, неспособностью правительств ряда современных государств решить внутригосударственные проблемы обеспечения безопасности собственных граждан, надежно защитить их права и свободы, остается исключительно важной задачей ученых и практиков изучение таких сложных социальных явлений, как рациональное и иррациональное в праве. В связи с тем, что политическая деятельность руководства многих стран Европейского Запада сегодня перестает быть рациональной, а принятые политиками этих государств решения, кажущиеся, на первый взгляд, рациональными, в процессе активного взаимодействия с иррациональными факторами, выливаются в непредсказуемые по своей политической сущности такие негативные явления, как открытое проявление ненависти одной группы населения к другой в форме прямых вооруженных столкновений, совершение актов террористической направленности, распространение экстремистской идеологии, базирующейся на национальной, религиозной почве, неприязненное, порой враждебное отношение представителей властных структур к отдельным лицам и общественным объединениям, исповедующим другие взгляды, принципы, ценности. Явление иррационального в праве через сознание населения страны воздействует на психологическую ситуацию в обществе, при этом оно может способствовать корректровке общественного сознания как в прогрессивном направлении, так и быть использованным в силу воплощения в жизнь каких-либо волонтаристских идей, помыслов или непредсказуемых деяний с целью причинения вреда как отдельным лицам, социальным группам, так и всему обществу. Поэтому следует согласиться с мнением профессора И. А. Исаева, который совершенно обоснованно утверждает, что «иррациональное неотделимо от рационального»⁴. При разумном подходе к использованию рационального и иррационального в праве можно добиться позитивного решения любой социальной и политической проблемы, найти выход из кажущейся нерешаемой проблемы повседневного бытия.

Ярким примером того, что нерешенность проблемы взаимодействия рационального и иррационального в праве может отрицательно повлиять на расстановку политических сил в стране, привести к столкновению интересов и амбиций различных социальных групп в обществе и государстве, является ситуация, которая сложилась в настоящее время в таком правовом демократическом государстве, которое называется «Королевство Нидерландов». Всему миру известна политика этого государства в отношении таких неоднозначно воспринимаемых мировым сообществом явлений, как легальное употребление легких наркотиков, государственная регистрация однополых браков, применение эвтаназии, других проявлений либерального отношения к различным отклонениям от нормального поведения индивида в обществе. Новая Конституция Королевства, принятая в 1983 г. (с изменениями от 22.02.2023), гарантировала жителям страны защиту от дискриминации на основании религиозного вероисповедания, расы, пола, наложила запрет на применения смертной казни. В соответствии с Конституцией на правительство государства возложена обязанность защищать население страны от безработицы, обеспечивать охрану окружающей среды. Так, статья 21 устанавливает конституционную норму, провозглашающую, что «государственные органы должны заботиться о сохранении населения, защите и улучшении окружающей среды». Пунктом 1 ст. 9 Конституции гарантируется право на проведение собраний и демонстраций при условии ответственности за злоупотребления указанным правом в порядке, предписанного законом. Пунктом 2 этой статьи устанавливаются правила осуществления указанного права в интересах защиты безопасности граждан, организации дорожного движения, ликвидации или предотвращения беспорядков⁵.

Основным законом страны установлены главные политические институты государственной власти: монархия, правительственный кабинет, Генеральные штаты

⁴ Исаев И. А. Теневая сторона закона. С. 347.

⁵ Grondwet van het Koninkrijk der Nederlanden (1848). Gewijzigd op 6 februari 2024. Rijksoverheid, Algemeen Rijksdrukkerij. Den Haag. 2024. Blz. 6–8.

(парламент, состоящий из Палаты представителей и Сената), судебная система. Известным фактом является и то, что в Нидерландах при наличии многопартийной политической системы очень большой популярностью и устоявшимся авторитетом пользуются сторонники так называемых «зеленых» партий. Когда в результате парламентских выборов депутатские места в Палате представителей занимают представители партий «зеленой» направленности, таких, например, как «Зеленые левые», «Партия труда», «Партия защиты животных», парламент Нидерландов нередко принимает большинством голосов депутатского корпуса нормативные правовые акты популистского характера, рассчитанные на поддержку избирателей со стороны «зеленого» электората. Принятые с участием депутатов из числа сторонников «зеленых» партий законы, направленные главным образом на защиту прав животных, включают запрет на проведение любительской охоты, совершение каких-либо иных деяний, лишаящих жизни представителей нидерландской фауны. Так, в 1999 г. депутатам от «зеленых» партий удалось «протащить» через парламент Королевства закон, запрещающий полностью охоту на представителей отряда гусеобразных, обитающих на территории страны. В результате принятия такого не обдуманного парламентариями акта в течение нескольких лет на территории Королевства произошел «популяционный взрыв» численности различных видов гусеобразных: гусей, казарок, лебедей, как обитавших оседло на многочисленных озерах, реках и каналах страны, так и прилетавших из России и государств Скандинавии на зимний период в ставшую совершенно гостеприимной территорию Нидерландов.

Обилие пернатых в виде тысяч гусей и казарок, которые выходили на возделываемые фермерами плодородные земли с произрастающими на них сельскохозяйственными культурами, чтобы полакомиться побегами и ростками зерновых и бобовых растений, оставляли после себя кучи ядовитого птичьего помета на фермерских полях. Гусеобразные наносили огромный ущерб сельскому хозяйству, занимая луга, на которых паслись стада крупного и мелкого рогатого скота, выщипывали молодую траву, которой должны питаться эти парнокопытные домашние животные. В результате государство, которое получало от экспорта сельхозпродукции в зарубежные страны ежегодно доход, исчисляемый в сумме около 100 млрд евро, стало терять прибыль, не поступавшую в бюджет страны. Чтобы возместить фермерам убытки, понесенные в результате отравы посевов, государство было вынуждено выплачивать земледельцам десятки миллионов евро в год в качестве компенсации за потерю урожая.

Кроме ущерба, наносимого фермерам в виде убытков от потери урожая, опасность представляли также и многочисленные стаи отряда гусеобразных, поселившиеся на территории международного аэропорта «Схипхол» столицы Нидерландов. Пернатые, летая над территорией авиапорта «Схипхол», угрожали безопасности полетов авиалайнеров, представляя огромную проблему для тысяч пассажиров авиарейсов. Опасность нахождения гусеобразных на территории аэропорта заключалась в том, что птицы, попавшие в воздухе в сопло самолета, могли вывести двигатель из строя и повлечь за собой катастрофу авиалайнера.

Конечно, фермеры с целью снижения численности гусеобразных, нападавших на посевы сельскохозяйственных культур, предпринимали поначалу разные «гуманные» меры, позволяющие убить зародыши птиц на стадии яйца без причинения вреда взрослой особи. Применялись такие способы добиться гибели зародыша в яйце, как, например, встряхивание яиц, прокалывание яиц в кладке иглой, обмазывание их маслом для того, чтобы зародыш задохнулся в скорлупе. Однако подобные действия не способствовали какому-либо снижению количества пернатых особей. Даже полное уничтожение фермерами гусиных кладок не приводило к положительному результату. Гусеобразные улетали в другие пригодные для нормального существования места и там устраивали гнездовья. Даже грохот шумовых пушек, который должен был отпугивать птиц с насиженных мест, спустя несколько дней переставал воздействовать на прожорливых гусей и казарок, которые быстро привыкали к такому легкому беспокойству и больше не реагировали на звуковой раздражитель.

Потерпев неудачу в применении «гуманных» методов в борьбе с нерегулируемым ростом численности инвазивных, то есть чужеродных видов птиц, правительство Нидерландов было вынуждено пойти на крайние меры. Оно объявило тендер среди предпринимателей на применение такого метода уничтожения пернатых вредителей, который был бы способен кардинально решить вопрос о снижении численности популяции гусеобразных в стране.

Правительство под давлением фермерского лобби вынуждено было пойти на такую радикальную меру уничтожения пернатых, как применение газации, то есть использование углекислого газа для максимально большего количества убийства птиц. В результате массового отлова сетями гусей, казарок, лебедей в период их линьки, когда птицы не способны летать, и их удушения путем пуска углекислого газа в закрытые камеры, наполненные птицами, численность гусеобразных на территории Нидерландов снизилась на сотни тысяч голов, что благоприятно сказалось на увеличении урожая, повышении доходов фермеров и получении дополнительной прибыли от экспорта сельхозпродукции из закровов государства в зарубежные страны. Тушки убитых гусей и уток предприниматели отправляли в мясные лавки, а оттуда мясо птиц после обработки поступало на предприятия общественного питания.

Однако негуманный процесс применения газа для удушения беззащитных птиц вызвал шквал критики правительства со стороны как нидерландской общественности, так и международного зоозащитного сообщества. Зооактивисты обвинили предпринимателей, которые по поручению правительства занимались умерщвлением сотен тысяч гусеобразных, в возрождении нацистских методов убийства, сравнивая действия предпринимателей с временами массового уничтожения нацистами еврейского населения Нидерландов и других государств Европы, оккупированных гитлеровской Германией в годы Второй мировой войны. В результате в отношении правительства страны последовала целая серия возбуждения судебных исков со стороны агрессивно настроенных защитников прав животных. Поэтому кабинет министров был вынужден отказаться от выполнения контрактов, заключенных с предпринимателями, с тем чтобы остановить втягивание сил и средств государства в судебные разбирательства.

В результате широкого протестного давления «зеленых» на правительство Нидерландов оно было вынуждено отказаться от услуг предпринимателей, занимавшихся массовым истреблением гусеобразных. Но экоактивисты не прекратили свою агрессивную деятельность против предпринимателей, которые после запрета газации стали забивать птиц ударами молотка по головам пернатых или выстрелами из охотничьих ружей. Убийство ударом молотка по головам, сопровождающееся потоками птичьей крови и паникой, создаваемой еще живыми лебедями и гусями, тоже не явилось гуманным способом истребления тысяч особей инвазивных видов птиц. В то время как процесс газации занимал всего около двух минут, убийство птиц с помощью молотка растягивалось на часы.

С целью воспрепятствования истреблению птиц экозащитники начали совершать циничные, оскорбительные действия в отношении тех предпринимателей, которые давали свое согласие правительству на уничтожение инвазивных видов гусеобразных. Так, однажды члены экстремистской группы под названием «Фронт освобождения животных» ворвались в офис компании, которой руководил один из таких предпринимателей, подожгли одну из комнат и нацарапали оскорбительные выражения в виде граффити, адресованные хозяину офиса. После нападения предприниматель оборудовал территорию, окружающую офис, камерами видеонаблюдения и высоким забором. Но анонимные письма с оскорблениями в его адрес и угрозами расправы не перестал получать. Несмотря на активное преследование со стороны экоактивистов, он в настоящее время продолжает свою деятельность, поскольку находит поддержку со стороны благодарных фермеров, которые могут теперь не опасаться за судьбу урожая.

Аналогичные письма с оскорблениями поступали и в адрес вице-губернатора нидерландского региона «Утрехт» за то, что он дал разрешение предпринимателям

заниматься газированием гусеобразных. Вице-губернатор объяснил жителям региона, что сам он не приемлет метод массового убийства птиц путем отравления газом, но обязан уважительно относиться к решению центрального правительства на убийство птиц путем газации, поскольку оно было принято демократическим путем⁶.

Предприниматели находят объяснение такого поведения со стороны эоактивистов, требующих прекращения убийства птиц, тем, что эти граждане, проживающие в условиях больших городов, очень сентиментально относятся к смерти животных, наделяя птиц человеческим разумом, придумывая им имена. В дикой природе, по их мнению, действуют очень жестокие законы. Когда, например, птица заболевает, это ее состояние сразу становится заметным лисице или другому хищнику, который убивает больную особь, спасая от заразы тем самым всю птичью стаю. Люди же, когда видят умирающую птицу, чтобы ее спасти, не зная причины заболевания, несут ее к ветеринару, подвергая опасности заражения себя и других членов человеческого общества.

Окончательно вопрос с использованием метода газации был снят после того, как Европейское химическое агентство приняло решение об официальном одобрении использования углекислого газа в качестве биоцида. В результате решения, принятого на уровне Евросоюза, неопределенность в отношении законности применения углекислого газа исчезла сама по себе.

Таким образом, для того чтобы оставаться постоянно у власти, правительству, сформированному по партийному принципу, приходится постоянно лавировать между интересами фермеров, борющихся за спасение урожая, и протестными выступлениями зоозащитников, обладающих значительной поддержкой со стороны авторитетных политических лобби, занимающих депутатские места в Палате представителей и Сенате нидерландского парламента.

Другим объектом для систематических нападков и травли со стороны нидерландских зоозащитников служат охотники — любители.

Большинство граждан Королевства настроены против ведения охоты, которая у нидерландцев ассоциируется с насилием над животными, то есть в действиях охотников большинство жителей страны усматривает признаки садизма и приравнивает охоту к антиобщественной деятельности.

Нидерланды знамениты в мире еще и тем, что в этой стране существует очень строгий порядок получения статуса охотника — любителя. Так, гражданин Нидерландов, достигший возраста 18 лет и пожелавший стать охотником, должен продемонстрировать перед строгой комиссией свои отличные практические и теоретические знания в области охотничьего законодательства, получить диплом, который позволит нидерландцу называться охотником — любителем, после чего получает право вступить в качестве члена в престижную общественную организацию — Королевскую ассоциацию охотников Нидерландов. Он обязан приобрести страховой ваучер, покрывающий сумму возможных расходов в 1 млн евро, позволяющий при возникновении чрезвычайных обстоятельств возместить все потери, связанные с охотой. Затем после тщательной проверки личности он имеет право получить в полиции разрешение на хранение и использование охотничьего огнестрельного оружия и экологическое разрешение, дающее право на добычу объектов любительской охоты. Такая сложная процедура получения в Нидерландах права на любительскую охоту позволяет допустить к этому виду социальной деятельности только самых дисциплинированных и законопослушных граждан Королевства.

Королевская ассоциация охотников Нидерландов пользуется уважением и доверием у правительства, поскольку охотники приносят государству значительную пользу своей деятельностью. Так, охотники защищают окружающую среду от бесконтрольного роста численности инвазивных видов зверей и птиц, причиняющих вред биологическому многообразию государства, вносят заметный вклад в борьбу с браконьерством, проводят биотехнические мероприятия с целью сохранения

⁶ Henderson M. Harrassment from anti hunting group. URL: <https://www.africahunting.com/threads/harrassment-from-anti-hunting-group.91419/> (дата обращения: 30.01.2026).

численности редких и исчезающих видов животных и растений. Даже пройдя всю эту строгую процедуру получения права на любительскую охоту, осуществить свое намерение добыть зверя или птицу на территории охотничьих угодий охотнику могут помешать так называемые «антиохотники».

К сожалению, те лица, которые избрали своим основным видом деятельности незаконное преследование охотников, как показывает практика, не имеют желания ознакомиться с практической пользой любительской охоты. Сами охотники называют своих идейных противников зооэкстремистами и зоотеррористами. Но мнение охотников не мешает их оппонентам создавать шум и помехи при проведении охоты, препятствовать отстрелу дичи. Противники охоты, одетые в балаклавы и маски, заходят в охотничьи угодья, где всячески препятствуют проведению охотничьих мероприятий, ломают охотничье оборудование, саботируют процесс проведения охоты путем издания громких звуков с помощью охотничьих рожков, свистков, мегафонов, пугающих зверей и птиц, выкрикивают оскорбления, называя охотников садистами и убийцами. Эти же лица занимаются опубликованием конфиденциальной информации в Интернете о своих жертвах с указанием их персональных данных без получения какого-либо согласия на эти деяния.

Антиохотники встают на линии огня, с тем чтобы помешать охотникам производить выстрелы. В других случаях они при организации своих акций выстраиваются цепью на дорогах общего пользования в местах, где проводится любительская охота, создают видимость законности совершаемых ими действий, называя их деяния «мирной демонстрацией», гарантированной Конституцией государства. При попытке полиции вмешаться в действия антиохотников эти люди тут же заявляют стражам порядка о том, что полицейские нарушают их конституционное право на проведение демонстрации. В результате полицейские не имеют возможности принять к антиохотникам каких-либо мер юридической ответственности, а поэтому бывают вынуждены отступить, в то время как антиохотники торжествуют победу над полицией и охотниками.

Такие действия антиохотников вызваны желанием шантажировать охотников, мстить им за их отказ изменить взгляды и убеждения, находящиеся в конфронтации с идеологией антиохотников.

Нидерландские антиохотники — это радикализованные члены различных общественных фондов, неформальных экозащитных (зоозащитных) организаций, политических партий и движений, выступающие за запрет любой социальной деятельности, приводящей к гибели представителей животного мира. Причем свои экозащитные действия антиохотники в основном совершают в таких агрессивных формах, как высказывание угрозы убийством в адрес охотников, тотальное преследование как взрослых членов семей охотников, так и их детей, нанесение публичных словесных оскорблений в адрес охотников в общественных местах и средствах массовой информации. Именно такие аморальные действия совершают радикальные экозащитники, называющие себя поборниками прав животных, в отношении нидерландских охотников. Эти «поборники прав животных» всё чаще и активнее используют тотальное преследование в качестве инструмента психологического насилия над жертвой и его семьей в том населенном пункте, в котором проживает охотник и его семья, а также занимаются травлей своих противников через злонамеренное распространение дипфейковой информации о членах семьи охотника через социальные сети в Интернете. Тем самым антиохотники, присвоившие себе право считаться защитниками животного мира и право наказывать охотников за их деятельность, провоцируют охотников на совершение каких-либо неконтролируемых действий, с тем чтобы заявить о противоправном поведении «злодеев-охотников» в отношении невинных демонстрантов, добиться от властей наступления юридической ответственности для охотников.

Получается так, что охотники зачастую не могут себя защитить, а злоумышленники, используя лазейки в нидерландском либеральном законодательстве, развивают и усиливают эскалацию их преследования. Попытки охотников-любителей обратиться

к органам государственной власти за защитой своего права на проведение охоты преимущественно заканчиваются не в пользу охотников. Такое отсутствие защитного механизма в отношении законопослушных граждан Королевства — охотников-любителей — только провоцирует антиохотников на дальнейшее расширение круга своих неправомерных действий, которые со временем начинают выливаться в совершенно противоправные деяния, граничащие с такими составами преступлений, как экстремизм и терроризм.

В результате многолетнего враждебного противостояния двух социальных групп в правовом демократическом государстве возникла парадоксальная ситуация, когда законопослушные граждане Нидерландов — охотники, осуществляющие совершенно законную деятельность в рамках правовых норм, оказались совершенно беззащитными перед циничными деяниями антиохотников, действующих практически безнаказанно и оправдывающих совершение своих аморальных поступков ссылками на положения Конституции и действующее законодательство Королевства.

Здесь совершенно уместно обратиться к исследованию, проведенному профессором И. А. Исаевым, который прозорливо отмечает следующее явление, оказывающее свое воздействие на весь мир: «Свет Закона распространяется в пространстве и времени, высвечивая соответствующие образы и картины. В соответствии с ним строится поведение людей. Им недоступны истинные цели Закона, по-разному могут быть истолкованы и его предписания. Однако они убеждены, что правильно понимают его, и на этом основании они либо применяют его, либо отвергают. Действительные последствия его действия им неизвестны либо непонятны. Закон и человек живут в разных планах, выход из “пещеры” невозможен, и тайна остается тайной»⁷. Мысли ученого смело можно переносить и на Нидерландскую землю относительно данной ситуации. Но у нидерландских зоозащитников тоже имеется свое представление об охоте, необходимости ее проведения, которое они активно навязывают органам государственной и муниципальной власти. Так, в 2019 г. мэр небольшого голландского муниципалитета под названием «Хукше Ваарде», находящегося в провинции Южная Голландия, расположенной на западе Нидерландов, запретил антиохотникам проводить свое очередное мероприятие с целью преследования членов Королевской ассоциации охотников Нидерландов. Поводом для отказа в проведении такой демонстрации послужила, по мнению мэра, опасность возникновения беспорядков в результате противостояния охотников с экозащитниками. Экозащитники с таким решением категорически не согласились, ссылаясь на нормы международного права и положения Конституции Нидерландов, гарантирующие право проведения демонстрации как «легкодоступного средства придания свободе выражения мнений». Мэр, по мнению экологов, не должен препятствовать им проводить демонстрации, направленные против охоты, а должен содействовать их проведению и защищать права демонстрантов. Через год зоозащитники в результате ухода предыдущего мэра в отставку обжаловали решение о запрете проводить демонстрации, направленные против любительской охоты, как принятое незаконно. Заступивший на пост главы городской администрации новый мэр согласился с мнением экозащитников и отменил решение своего предшественника.

Муниципалитет признал претензии экозащитников обоснованными и выплатил общественному объединению «Права животных», членами которого являлись экологов, компенсацию за понесенные судебные издержки в сумме 1 050 евро. Экозащитники считают, что охота — это вредный ритуал, аморальное явление, анахронизм, сохранившийся от прежних эпох, поскольку у человека уже нет потребности добывать пищу охотой с целью выживания. Поэтому охота, по их мнению, не является допустимым занятием для разумных людей⁸.

Охотники, возражая против мнения антиохотников (зоозащитников, экоэкстремистов, экотеррористов) в том, что охота — вредное аморальное явление, доказывают, что антиохотники — это в большинстве случаев невежественные люди, которые имеют очень неточное представление о законах природы, не имеют никакого

⁷ Исаев И. А. Теневая сторона закона. С. 8.

⁸ Henderson M. Op. cit.

представления о том, что путем осуществления любительской охоты возможно контролировать численность популяции животного мира и не позволять какому-либо инвазивному виду разрушать видовое многообразие на конкретной территории.

В результате непонимания одной социальной группой (экоактивистами, зоозащитниками, антиохотниками), целей и задач, стоящих перед другой социальной группой (охотниками), в течение ряда лет в Нидерландах происходит напряженная конфронтация, выливающаяся в эскалацию тотального преследования.

Большинство граждан Королевства, как показывают социальные исследования, также настроены против охоты, которая у них ассоциируется с насилием над животными, то есть действия охотников большинство жителей страны приравнивает к антиобщественным проступкам.

Сами охотники считают свое увлечение полезным видом социальной деятельности. С одной стороны, они получают удовольствие от успешной охоты, с другой стороны, уверены в том, что любительская охота направлена на изъятие из природы отдельных особей, что ведет к сокращению численности определенного вида зверей или птиц, увеличение поголовья которых отрицательно сказывается на состоянии окружающей среды.

Общественные некоммерческие организации Королевства Нидерландов, такие «Права животных» (Animal Rights), «Фауна для жизни» (Fauna4Life), добиваются от правительства страны принятия такого решения, в соответствии с которым животные в их стране, как дикие, так и содержащиеся в неволе, были бы признаны гражданами государства, а также получили статус юридических лиц и резидентов с закрепленными в Конституции Королевства Нидерландов правами и свободами. Общественный фонд «Права животных» также вышел с предложением к депутатам парламента внести в Конституцию государства дополнение в виде слова «вид», имея в виду «вид» как структурная единица биологической систематики животного и растительного мира. Если следовать логике зоозащитников, то второе предложение ст. 1 гл. 1 «Основные права» Конституции Королевства Нидерландов будет иметь следующее содержание: «Все лица в Нидерландах должны иметь равное отношение при равных обстоятельствах. Дискриминация по признаку религии, веры, политических убеждений, расы, пола, вида или по любым другим признакам не допускается». Кроме внесения инициативы в парламент, активисты зоозащитных организаций также гордятся «успехами» в своей антиохотничьей деятельности, выкладывая тексты, фотографии, видеоролики в Интернет, показывающие то, как они проводят мероприятия по саботированию охоты, охватывая при этом с каждым разом всё большие территории охотничьих угодий. При проведении своих мероприятий зоозащитники активно используют качественные видеокамеры, телеобъективы с переменным фокусным расстоянием, бинокли. По утверждению зоозащитников, охота как вид социальной деятельности, давно устарела и должна быть немедленно запрещена⁹.

«Что бы человек ни предпринимал, — пишет И. А. Исаев, — результат его действий будет для него всегда неожиданным. Что бы Эдип ни делал, для того чтобы избежать предупреждений оракула, он получает то, что должен был получить. Запрещающие или препятствующие законы не могут предотвратить роковых последствий, поскольку над ними самими господствует более высокий Закон. Наказание неотвратимо находит свое преступление, пусть даже через длинный цикл совпадений и случайностей. Кольцо все равно замкнется, и Экклезиаст только подтвердит трагическую верность мифологического представления о «вечном возвращении»¹⁰. Завершая наше исследование и опираясь на мудрые мысли И. А. Исаева, можно только констатировать, что проявления теневой стороны закона могут быть самыми неожиданными для субъектов правоотношений, поскольку существуют в мире социальные явления окружающего бытия, которые получили названия в науке, как рациональное и иррационального в праве.

⁹ Russell R. Dutch anti-hunters harass with near impunity in the Netherlands // Duck Hunting Drochure. 2023. URL: <https://www.getducks.com/dutch-anti-hunters-harass-with-near-impunity-in-the-netherlands> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁰ Исаев И. А. Теневая сторона закона. С. 42.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* Иррациональное в рациональном: приход «современного» права // История государства и права. — 2013. — № 16. — С. 2–9.
2. *Исаев И. А.* Теневая сторона закона. Иррациональное в праве : монография. — М. : Проспект, 2015. — 368 с.
3. *Кистьяковский Б. А.* Философия и социология права. — СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1998. — 798 с. — С. 211–221.
4. *Henderson M.* Harrassment from anti hunting // Africa hanting. — Apr. 2025: — URL: <https://www.africahunting.com/threads/harassment-from-anti-hunting-group.91419/> (дата обращения: 30.01.2026).
5. *Russell R.* Dutch anti-hunters huruss with near impunity in the Netherlands // GetDucks.com Duck Hunting Drochure. — 2023. — URL: <https://www.getducks.com/dutch-anti-hunters-harass-with-near-impunity-in-the-netherlands> (дата обращения: 30.01.2026).

REFERENCES

1. *Isaev IA.* Irrational in rational: the arrival of «modern» law. *History of State and Law.* 2013;16(62):2-9. (In Russ.).
2. *Isaev IA.* The shadow side of the law. *Irrational in law: monograph.* Moscow: Prospekt Publ.; 2015. (In Russ.).
3. *Kistyakovsky BA.* *Philosophy and Sociology of Law.* St. Petersburg: Publishing House of Rus. Christian. Humanit. Inst.; 1998. (In Russ.).
4. *Henderson M.* Harrassment from anti hunting. *Africa hanting.* Apr. 2025. Available at: <https://www.africahunting.com/threads/harassment-from-anti-hunting-group.91419/> (Accessed 30.01.2026).
5. *Russell R.* Dutch anti-hunters huruss with near impunity in the Netherlands. *GetDucks.com Duck Hunting Drochure;* 2023. Available at: <https://www.getducks.com/dutch-anti-hunters-harass-with-near-impunity-in-the-netherlands> (Accessed 30.01.2026).

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.127-142

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРИБУНАЛ ПО БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лобынцев Михаил Алексеевич,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123242, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
mihail.lobyntzew@yandex.ru

© Лобынцев М. А., 2026

***Аннотация.** На закате своего существования Социалистическая Федеративная Республика Югославия стала жертвой противостояния экономических и политических интересов республик, входящих в ее состав. Бывшие части федерации стремились обрести независимость всеми доступными способами. В результате балканская «пороховая бочка» загорелась с новой силой: сербы отстаивали право жить вместе под одной крышей, хорваты стремились навести новые порядки в своей стране, боснийцы оказались разделены между тремя квазигосударствами. Реакция международного сообщества оказалась жесткой: 23 мая 1993 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию об учреждении международного трибунала, действующего ad hoc и призванного осудить виновных в нарушении норм международного гуманитарного права. Громогласно названный «наследником Нюрнберга», он должен был перенять принципы международной уголовной юстиции предшественника и стать новым витком эволюции международных трибуналов. Однако на поверку оказалось, что при создании трибунала было множество упущений: образовались правовые пробелы, которые судьи были вынуждены восполнять самостоятельно; рассмотрение дел растянулось в общей сложности на 25 лет и фактически продолжается по сей день; сомнительной в глазах исследователей оказалась правомерность создания трибунала. Автор изучает, в каких исторических и геополитических условиях создавался Международный трибунал по бывшей Югославии, и пытается дать собственные ответы на спорные международно-правовые вопросы.*

***Ключевые слова:** право; нормы права; международное право; международное гуманитарное право; уголовное право; уголовная юрисдикция; военные преступления; принципы права; Международный трибунал по бывшей Югославии; ООН*

THE INTERNATIONAL CRIMINAL TRIBUNAL FOR THE FORMER YUGOSLAVIA: ORGANIZATIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF ITS ACTIVITIES

Mikhail A. Lobyntsev,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
mihail.lobyntzew@yandex.ru

***Abstract.** In the final period of its existence, the Socialist Federal Republic of Yugoslavia became a victim of the clash of the economic and political interests of the republics within it. The former constituent parts of the federation, no longer wishing to remain within a single state, sought to achieve independence by all available means. As a result, the Balkan «powder keg» ignited with renewed force: the Serbs defended the right to live together under one roof, the Croats sought to establish new arrangements in their own country, and the Bosnians found themselves divided among three quasi-state entities. The reaction of the international community was severe. On 23 May 1993, the United Nations Security Council adopted a resolution establishing an ad hoc international tribunal tasked with condemning those responsible for violations of international humanitarian law. Grandly proclaimed the «heir to Nuremberg», it was expected to adopt the principles of international criminal justice developed by its predecessor and to mark a new stage in the evolution of international tribunals. In practice, however, it became clear that the Tribunal had been created with numerous shortcomings: legal gaps emerged that the judges were forced to fill on their own; the proceedings lasted a total of 25 years and, in effect, continue to this day; and the legality of the Tribunal's establishment appeared questionable in the eyes of many scholars. In this article, the author examines the historical and geopolitical circumstances in which the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia was created and attempts to offer independent answers to the controversial issues of international law involved.*

Keywords: law; rules of law; international law; international humanitarian law; criminal law; criminal jurisdiction; war crimes; principles of law; International Tribunal for the Former Yugoslavia; UN

История создания МТБЮ

К концу 1980-х гг. некогда единая Югославия больше напоминала «лоскутное одеяло», которое должно было вот-вот с треском разорваться на маленькие кусочки. Тому было много причин, тесно переплетенных между собой.

Неравномерное экономическое развитие республик Югославии и даже отдельных регионов стало сильно заметным в 1970-е гг. Наиболее развитые Словения и Хорватия, понуждаемые федерацией к выделению дотаций менее развитым регионам, стали рассматривать их как обузу для своих экономик и стремились найти правовые обоснования для сокращения отчислений в пользу Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и Македонии¹. Югославская конституция 1974 г. усилила конфедеративные начала в государственном устройстве и наделила республики еще большим объемом полномочий в решении экономических вопросов, а реализация единой, общегосударственной политики должна была осуществляться на основе согласования интересов республик в равноправных условиях.

Многолетний лидер Югославии Иосип Броз Тито, скончавшийся в 1980 г., создал политическую систему страны таким образом, что он в любом возможном конфликте

¹ Груздев И. С. Предпосылки и причины распада Социалистической Федеративной Республики Югославии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 21.

являлся бы арбитром, к помощи которого прибегали бы республики²; новые же руководители государства договориться между собой не могли. В результате фактически образовалась автаркия республик и краев, а межреспубликанский товарооборот сокращался³.

Обострились национальные противоречия: в 1980-е гг. стали регулярными выступления албанских националистов в Косово, что стало предметом беспокойства сербского руководства. Для обеспечения порядка в автономном крае были привлечены армейские части и объединенные отряды милиции со всей Югославии, однако в 1989–1990 гг. оттуда были выведены части, прибывшие из Словении и Хорватии. В ответ на это Скупщина Сербии приняла тайное решение о бойкоте словенских товаров⁴.

Национальные выступления приобрели характер массовых митингов и протестов, которые стали затрагивать партийное и государственное руководство. Во второй половине 1980-х гг. в Сербии приходит к власти Слободан Милошевич, занявший сначала пост Председателя ЦК Союза коммунистов Сербии в 1986 г., а затем ставший главой государства — Председателем Президиума СР Сербии в 1989 г. Власти Словении открыто стали поддерживать албанских сепаратистов в Косово, а осенью 1989 г. была изменена конституция республики в обход союзной с включением формулировки «Словения находится в составе СФРЮ на основе постоянного, целостного и неотъемлемого права словенского народа на самоопределение вплоть до отделения и объединения»⁵. В 1990 г. делегации Словении и Хорватии покинули XIV съезд Союза коммунистов Югославии, фактически ознаменовав конец общесоюзного существования правящей партии СФРЮ.

В том же году республики Югославии, следуя общей тенденции, провели первые в истории выборы на многопартийной основе. Одна за другой стали появляться новые политические партии, ранее существовавшие коммунистические организации перешли к реорганизации, однако общим направлением движения для них стало усиление национальных начал и следование собственным национальным интересам. По итогам выборов бывшие компартии потерпели сокрушительное поражение в Словении⁶ и Хорватии⁷, в Сербии к власти пришла реформированная Социалистическая партия⁸, в Македонии⁹ и Боснии и Герцеговине было составлено коалиционное правительство из национальных партий. Лишь в Черногории победу одержал прежний Союз коммунистов¹⁰.

Приход к власти национальных правительств ускорил процесс распада Югославии, и постепенно вставал вопрос о вооруженной поддержке потенциально новых государств. 9 января 1991 г. Президиум СФРЮ издал указ о разоружении и

² *Trbovich A. A. Legal Geography of Yugoslavia's Disintegration. Oxford : Oxford University Press Inc., 2008. P. 165.*

³ *Матвеев Г. Ф., Ненашева З. С., Прозоров В. Б. История южных и западных славян : в 3 т. Т. 3 : Новейшее время : учебник / 4-е изд., испр. и доп. М. : КДУ, 2022. С. 229.*

⁴ *Матвеев Г. Ф., Ненашева З. С., Прозоров В. Б. Указ. соч. С. 230–231.*

⁵ Цит. по: *Старикова Н. Н. Словенские писатели и «бархатная революция» // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 221.*

⁶ *Гуськова Е. Ю. Словения. Путь к самостоятельности : документы. М. : Индрик, 2001. С. 147.*

⁷ Статистические данные о выборах депутатов в парламент Социалистической Республики Хорватия. Приложение (часть 2) // Государственная избирательная комиссия Хорватии. URL: <https://goo.su/w9ZZeaC> (дата обращения: 30.01.2026).

⁸ Выборы-1990: итоговые результаты выборов президента и депутатов парламента // Республиканское бюро статистики Сербии. URL: <https://clck.ru/3LVyqs> (дата обращения: 30.01.2026).

⁹ Выборы-90: окончательные результаты выборов депутатов Скупщины СР Македонии. С. 30 // URL: <https://goo.su/2r88uP> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁰ *Goati V. Partije Srbije i Crne Gora u političkim borbama od 1990. do 2000. Bar : Conteco, 2000. P. 260.*

расформировании всех незаконных военных формирований, который отказалась выполнять, в частности, Хорватия, выдвинув встречные требования: возвращение Югославской народной армии в казармы и признание за Хорватией права «навести порядок в Книне и других сербских общинах Хорватии»¹¹. Президент Хорватии Франьо Туджман заявлял, что в случае захвата власти необходимо «свести счеты с теми, кто против Хорватии» и что списки таких лиц уже подготовлены¹².

Весной 1991 г. подошел срок утверждения нового Председателя Президиума СФРЮ, но работа органа была парализована. Стипе Месич, представитель от Хорватии, считался одним из главных претендентов на пост Председателя, но его кандидатуру не поддержали представители Сербии и автономных краев Косово и Воеводина, а также Черногории, в результате чего Месич не был избран. Хорватские власти расценили это как вмешательство в работу федерального руководства, обвинив Сербию и ее правящую партию. Югославия оказалась без юридического руководителя (по Конституции 1974 г. именно Председатель Президиума был первым лицом страны), что подтолкнуло Словению¹³ и Хорватию¹⁴ к объявлению независимости 25 июня 1991 г. Сложившаяся ситуация послужила поводом к началу вооруженных столкновений, которые позже назовут «югославские войны».

Первой стала т.н. «десятидневная война», развернувшаяся в Словении с 27 июня по 7 июля 1991 г. между силами территориальной обороны Словении и Югославской народной армией (ЮНА).

25 июня, в день провозглашения независимости, словенское руководство отдало приказ о взятии под свой контроль таможенных и пограничных пунктов, портов, аэродромов. 26 июня Правительство СФРЮ выпустило заявление, согласно которому отделение Словении не признавалось. ЮНА получила задачу восстановить контроль над этой территорией. К вечеру следующего дня она была выполнена, однако части ЮНА, и без того слабо организованные и малообеспеченные¹⁵, понесли большие потери. Начались переговоры, к которым словенская сторона активно привлекала представителей западноевропейских государств, указывая им на Югославию и, в частности, Сербию как на агрессора и оккупанта.

7 июля 1991 г. было заключено Брионское соглашение, согласно которому Словения должна была деблокировать казармы ЮНА, выпустить пленных и заложников, а также отвести все свои отряды. Словения и Хорватия на три месяца откладывали реализацию деклараций о независимости¹⁶. Не позднее 1 августа 1991 г. должны были начаться переговоры «обо всех аспектах будущего Югославии»¹⁷ на основании принципов Заключительного акта СБСЕ.

Однако если отделение Словении прошло относительно быстро и безболезненно, как бы цинично эта фраза ни звучала, то дальнейшие события до сих пор являются глубокой раной и печальной страницей общей истории современных государств, когда-то входивших в состав Югославии.

Словения и Хорватия шли рука об руку в вопросах отделения от СФРЮ: министры обороны двух стран совместно готовили оборону республик¹⁸, хорватский представитель в Президиуме СФРЮ предупредил словенское руководство о планах ЮНА на случай провозглашения им независимости, а Президент Хорватии полностью

¹¹ Sekulić M. Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. Beograd, 1997. S. 59.

¹² Цит. по: Joviћ B. Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. Београд, 1996. С. 109.

¹³ Основная конституционная хартия о самостоятельности и независимости Республики Словения // URL: <https://clck.ru/3LVywk> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁴ Декларация о провозглашении суверенитета и независимости Республики Хорватия // Narodne Novine. 25.06.1991. URL: <https://clck.ru/3LVyzs> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁵ Sekulić M. Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. Beograd, 1997. S. 123.

¹⁶ Гуськова Е. Ю. Указ. соч. С. 247–248.

¹⁷ Гуськова Е. Ю. Указ. соч. С. 246.

¹⁸ Никифоров К. В. Югославия в XX веке: очерки политической истории. М. : Индрик, 2011. С. 768.

поддержал словенского коллегу М. Кучана в его оценке действий ЮНА как официального объявления войны и попытки длительной оккупации¹⁹.

Но хорватский вопрос осложнялся тем, что десятую часть населения этой страны составляли сербы, которые компактно размещались на трети ее территории, составляя там национальное большинство. Взгляды сербов и хорватов на будущее Хорватии и СФРЮ кардинально различались; к тому же, в 1980-е гг. Хорватия стала поощрять антисербские настроения на самом высоком уровне, агрессивность которых росла год от года. Так, этнические сербы в глазах хорватской власти стали выглядеть «пятой колонной» и пособниками агрессора — т.е. Сербии. Сербов стали увольнять с руководящих должностей на государственной службе, предприятиях и в органах печати; Сербская православная церковь стала подвергаться разграблениям и разрушениям. Многие сербы были вынуждены покинуть страну, опасаясь потерять свой дом и даже жизнь.

С другой стороны, в течение 1990 г. велась работа по самоорганизации сербов: сначала в экономических целях, а затем и в политических — были созданы автономные области Краина, Западная и Восточная Славонии. Целью этого было стремление не допустить разделение сербов границами бывших союзных республик СФРЮ, все сильнее желавших стать независимыми. В ответ на провозглашение Хорватией независимости в декабре 1991 г. состоялось провозглашение Республики Сербская Краина (РСК)²⁰.

Такое активное противостояние сербов и хорватов закономерно вызвало вооруженные столкновения, которые начались весной 1991 г. Хорватия в течение этого времени увеличивала численность личного состава полиции, поощрялось создание сил самообороны, возникло спецподразделение МВД «Сбор народной гвардии». РСК тоже создавала свои вооруженные силы и территориальную оборону, которая пополнялась сербами-добровольцами из других республик СФРЮ, в частности из самой Сербии. Поддержку Краине оказывала и ЮНА. Этот вооруженный конфликт получил название «Война в Хорватии», в хорватской литературе его часто называют «Отечественной войной», а в западной — «войной за независимость Хорватии». Хронологически его можно разделить на четыре этапа:

- 1) март — ноябрь 1991 г. — начало активных боестолкновений, переход под контроль РСК почти всех сербских районов Хорватии;
- 2) ноябрь 1991 г. — май 1992 г. — действие Женевского²¹ и Сараевского перемирий²², ввод на территорию Хорватии миротворческих сил ООН;
- 3) май 1992 г. — май 1995 г. — период работы корпуса миротворцев ООН;
- 4) май — август 1995 г. — проведение Хорватией операций «Блеск» и «Буря», в результате которых РСК фактически перестала существовать.

После завершения в августе 1995 г. операции «Буря» война фактически прекратилась, т.к. после этого единственная подконтрольная РСК территория в Восточной Славонии была реинтегрирована в Хорватию мирным путем по Эрдутскому соглашению.

Еще сложнее была ситуация в Боснии и Герцеговине. Е. Ю. Гуськова пишет, что это была многонациональная республика, на территории которой проживали три этнические группы — сербская, хорватская и мусульманская. Представители

¹⁹ Никифоров К. В. Указ. соч. С. 770.

²⁰ Конституция Республики Сербская Краина (РСК) // URL: <https://clck.ru/3LVz5s> (дата обращения: 30.01.2026).

²¹ Приложение к письму Генерального секретаря ООН от 24.11.1991 на имя Председателя СБ ООН // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/23239> (дата обращения: 30.01.2026). С. 3.

²² Приложение 3 к докладу Генерального секретаря ООН, представляемому во исполнение резолюции 721 (1991) СБ ООН // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/23363> (дата обращения: 30.01.2026). С. 17.

последней группы составляли относительное большинство населения, но сербы при этом занимали бóльшую территорию. Были распространены смешанные браки²³.

Хотя в мирные годы развития Югославии Босния и Герцеговина считалась самой толерантной республикой, именно здесь в 1990-е гг. развернулись наиболее трагичные и кровопролитные события. В 1990–1991 гг., когда состоялись первые многопартийные выборы, представители трех национальностей заняли руководящие посты: лидер мусульманской партии А. Изетбегович — Председатель Президиума (глава государства), хорват Ю. Пеливан — Председатель Исполнительного Вече (правительство), серб М. Краишник — Председатель Народной Скупщины (парламент).

Однако сотрудничество партий не сложилось. Хорватская партия объединилась с мусульманской, и вместе они начали готовить документ о провозглашении независимости Боснии и Герцеговины; сербские же политики стремились остаться с Югославией. Разногласия вылились в разделение единой республики на несколько непризнанных государств — Республики Сербской, создание которой было провозглашено 9 января 1992 г. как федеративной единицы Югославии, Хорватской республики Герцег-Босны, провозглашенной 18 ноября 1991 г., и Республики Боснии и Герцеговины, объявившей о независимости от СФРЮ 1 марта 1992 г. Лишь последняя из них, с подачи Европейского сообщества, получила международное признание — во многом это, как отмечают исследователи²⁴, стало катализатором Боснийской войны. Она продлилась с марта 1992 г. по декабрь 1995 г., и в этот период квазигосударства противостояли друг другу, пытаясь вытеснить кого-то третьего. Так, сербы и хорваты пытались вместе разбить мусульман, дабы разделить Боснию между собой по Караджоджевским соглашениям 1991 г. Хорваты и мусульмане воевали против сербов, поскольку считали их агрессорами и оккупантами. Боевые действия развернулись по всей территории бывшей югославской республики, и лишь в марте 1994 г. удалось добиться успехов в объединении — в Вашингтоне было подписано соглашение о создании Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ), примирившее между собой мусульман и хорватов (хотя и те, и другие считали, что это лишь временное объединение ради быстрой победы над сербами). В 1995 г. операцию «по принуждению к миру» против армии Республики Сербской провела НАТО, облегчив задачу для армии ФБиГ, нанеся поражение сербам в сентябре того же года. Война закончилась подписанием «Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине», известного как Дейтонские соглашения, в ноябре 1995 г.

Трагичность войн в Хорватии и Боснии и Герцеговине во многом обусловлена еще и жестоким характером боестолкновений. Подпитываемые межнациональными противоречиями, которые не могли найти мирного разрешения, военные и гражданские руководители допускали вопиющие нарушения основополагающих прав и свобод человека и гражданина, норм международного гуманитарного права.

Сообщения об этом появлялись в прессе с первых дней: о казнях военнопленных, о расстрелах мирных жителей²⁵, о содержании концентрационных лагерей²⁶. Причем нельзя было сказать, что к бесчеловечному поведению прибегает только кто-то один: напротив, каждая враждующая сторона оставила за собой «кровавый след»²⁷.

²³ Никифоров К. В. Указ. соч. С. 805.

²⁴ Бильдт К. Стала ли Босния уроком для Европы? Выводы для европейской внешней политики // Intern. politik. 1997. № 7. С. 8.

²⁵ Saopštenje povodom likvidacije Gospićkih Srba u jesen 1991. godine // Документационный информационный центр Veritas. URL: <https://clck.ru/3LVzAW> (дата обращения: 30.01.2026).

²⁶ Nizich I. War Crimes in Bosnia-Herzegovina. Vol. 2. Helsinki : Helsinki Watch, 1993. P. 84–161, 211–214, 354–372.

²⁷ См., например: Pokoljem najavili rat // Документационный информационный центр Veritas. URL: <https://clck.ru/3LVzDW> (дата обращения: 30.01.2026) ; Milan Lukić and Sredoje Lukić Convicted of War Crimes in Višegrad // Международный трибунал по бывшей Югославии. URL: <https://www.icty.org/sid/10188> (дата обращения: 30.01.2026) ; Nizich I. Op. cit.

Внимание международной общественности к совершаемым преступлениям привлекали и правозащитные организации: например, Human Rights Watch²⁸ издала особый сборник²⁹, где собрала имевшуюся информацию о совершенных противоборствующими сторонами деяниях во время войны в Боснии и Герцеговине: изнасилования, массовые убийства, атаки на гражданские объекты, насильственное перемещение и др.

Безусловно, подобные сведения, хотя и в более обобщенной форме, были отражены и в документах органов ООН. Так, в Совете Безопасности впервые вопрос вооруженных конфликтов в Югославии затронут резолюцией 713 от 25.09.1991³⁰, где было отмечено, что боевые действия «приводят к многочисленным человеческим жертвам и к огромному материальному ущербу»; данной резолюцией было введено всеобщее полное эмбарго на поставки оружия и военного снаряжения в Югославию.

Помимо этого, активно обсуждался вопрос об учреждении миротворческой миссии ООН. Например, в разд. II доклада Генерального секретаря ООН, представленного 11 декабря 1991 г.³¹, отмечалось, что личный посланник Генерального секретаря Сайрус Р. Вэнс в течение ноября 1991 г. проводил консультации с президентом Сербии С. Милошевичем, президентом Хорватии Ф. Туджманом, секретарем по народной обороне СФРЮ В. Кадиевичем, в ходе которых была подготовлена и одобрена концепция миротворческой операции. В ней были определены районы сосредоточения войск ООН (названные «районы, охраняемые ООН» или РОООН), места их дислокации и функции. Тем не менее введение этой концепции в действие задерживалось ввиду «отсутствия условий для учреждения операции» и несоблюдения сторонами Женевского соглашения о прекращении огня.

Лишь через 2 месяца, 15 февраля 1992 г., Генеральный секретарь представил очередной доклад, в котором рекомендовал Совету Безопасности учредить миротворческую миссию под названием «Силы ООН по охране (СООНО)» и представил замечания к ранее подготовленному плану. 21 февраля 1992 г. СБ ООН резолюцией 743 учредил СООНО на первоначальный период 12 месяцев³². Полное развертывание СООНО было санкционировано резолюцией 749 СБ ООН³³ и завершилось в начале июля 1992 г.³⁴

Отдельно в докладах Генерального секретаря рассматривались гуманитарные вопросы. Так, в докладе от 11.12.1991 сделаны следующие указания: число перемещенных в результате конфликта лиц превысило 500 тыс. чел., из них две трети — это женщины и дети; наблюдаются случаи задержания перемещенных лиц, их организованного расселения в местах, покинутых другими перемещенными, оказания давления на определенные группы населения с целью заставить их покинуть места жительства³⁵.

²⁸ Внесена в перечень иностранных и международных НПО, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

²⁹ *Nizich I. Op. cit.*

³⁰ Резолюция 713 (1991), принятая СБ ООН 25 сентября 1991 г. С. 2 // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/713\(1991\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/713(1991)) (дата обращения: 30.01.2026).

³¹ Доклад Генерального секретаря ООН, представленный во исполнение резолюции 721 (1991) Совета Безопасности, от 11.12.1991 // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/23280> (дата обращения: 30.01.2026). С. 6.

³² Резолюция 743 (1992), принятая СБ ООН 21 февраля 1992 г. С. 2. // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/743\(1992\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/743(1992)) (дата обращения: 30.01.2026).

³³ Резолюция 749 (1992), принятая СБ ООН 7 апреля 1992 г. // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/749\(1992\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/749(1992)) (дата обращения: 30.01.2026).

³⁴ Доклад Генерального секретаря ООН, представленный во исполнение резолюции 762 (1992) Совета Безопасности, от 27.07.1992. С. 1 // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/24353> (дата обращения: 30.01.2026).

³⁵ Доклад Генерального секретаря ООН, представленный во исполнение резолюции 721 (1991) Совета Безопасности, от 11.12.1991. С. 6.

Практика принудительного перемещения и запугивания впоследствии была освещена в докладах Генерального секретаря от 12 мая³⁶, 15 июня³⁷ и 27 июля 1992 г.³⁸ Отмечалось, что «проживающие в Боснии и Герцеговине сербы» намереваются создать т.н. этнически чистые районы в контексте переговоров о «кантонизации»³⁹, используя военную силу и запугивание несербского населения; изгоняемые лица конкретно избираются и подвергаются угрозам; покинутые дома организованно заселяются или разграбляются — причем как с сербской, так и с хорватской стороны⁴⁰. Подобные меры были осуждены Советом Безопасности в резолюциях 752 от 15.05.1992⁴¹, 769 от 07.08.1992⁴².

Соблюдение норм международного гуманитарного права впервые получило упоминание в резолюции СБ ООН 764 от 13.07.1992, где Совет напомнил об обязательствах по Женевским конвенциям 1949 г.⁴³ Это положение получило свое развитие в резолюции СБ ООН 771 от 13.08.1992⁴⁴, где было указано на «непрерывно поступающие сообщения о широкомасштабных нарушениях международного гуманитарного права», в частности массовое насильственное изгнание и депортацию гражданских лиц, надругательство над ними, преднамеренные нападения на больницы. В этой же резолюции СБ ООН потребовал от всех сторон конфликта в бывшей Югославии прекращения любых нарушений МГП и воздержания от их совершения в дальнейшем.

Следует рассмотреть резолюцию 780 от 06.10.1992, в которой Совет направил Генеральному секретарю просьбу «в срочном порядке создать беспристрастную комиссию экспертов для рассмотрения и изучения информации... с целью предоставления своих выводов... относительно фактов серьезных нарушений Женевских конвенций и других нарушений МГП, совершаемых на территории бывшей Югославии»⁴⁵. Данная комиссия была создана уже 12 октября и представила первый промежуточный доклад 26 января 1993 г.⁴⁶ Полученная информация о фактах была

³⁶ Очередной доклад Генерального секретаря во исполнение резолюции 749 (1992) Совета Безопасности от 12.05.1992 // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/23900> (дата обращения: 30.01.2026).

³⁷ Доклад Генерального секретаря во исполнение пункта 15 резолюции 757 (1992) Совета Безопасности и пункта 10 резолюции 758 (1992) Совета Безопасности от 15.06.1992 // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/24100> (дата обращения: 30.01.2026).

³⁸ Доклад Генерального секретаря ООН, представленный во исполнение резолюции 762 (1992) Совета Безопасности, от 27.07.1992. С. 1.

³⁹ Имеются в виду переговоры о плане Каррингтона — Кутилейру, согласно которому территория Боснии и Герцеговины была бы разделена на три вида муниципалитетов по национальному принципу. См.: Klemenčić M. Territorial proposals for the settlement of the war in Bosnia-Herzegovina // International Boundaries Research Unit: Boundary and Territory Briefing. 1994. Vol. 1. No. 3. P. 43.

⁴⁰ Выглядит очевидным гораздо более обширное и детальное описание нарушений, совершаемых сербами, в сравнении с нарушениями, допущенными хорватами или мусульманами.

⁴¹ Резолюция 752 (1992), принятая СБ ООН 15 мая 1992 г. С. 2 // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/752\(1992\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/752(1992)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁴² Резолюция 769 (1992), принятая СБ ООН 7 августа 1992 г. // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/769\(1992\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/769(1992)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁴³ Резолюция 764 (1992), принятая СБ ООН 13 июля 1992 г. С. 1 // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/764\(1992\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/764(1992)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁴⁴ Резолюция 771 (1992), принятая СБ ООН 13 августа 1992 г. С. 1 // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/771\(1992\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/771(1992)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁴⁵ Резолюция 780 (1992), принятая СБ ООН 6 октября 1992 г. // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/780\(1992\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/780(1992)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁴⁶ Письмо Генерального секретаря от 09.02.1993 на имя Председателя Совета Безопасности // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/25274> (дата обращения: 30.01.2026).

собрана по 4 направлениям: массовые убийства и уничтожение имущества, обращение с заключенными и задержанными, систематические сексуальные посягательства, «этническая чистка», — по которым Комиссия в дальнейшем намеревалась произвести подробные расследования.

Однако особый интерес представляет замечание, выраженное в п. 74 доклада: идея об учреждении специального международного трибунала является целесообразной. Эта идея была рассмотрена Советом Безопасности и впоследствии отражена в резолюции 808 от 22.02.1993⁴⁷, в которой было постановлено, что должен быть учрежден международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения МГП, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г. Генеральному секретарю была направлена просьба подготовить доклад по всем аспектам этого вопроса. Соответствующий доклад был представлен 3 мая 1993 г.⁴⁸, и в нем, в сущности, отражены основные характеристики и дискуссии, имевшие место в связи с учреждением трибунала, например касавшиеся его правовой основы, компетенции, организации, порядка расследования и др. Приложением к докладу явился проект устава Международного трибунала, который в дальнейшем станет известен как МТБЮ.

23 мая 1993 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 827⁴⁹, которой были утверждены доклад Генерального секретаря от 3 мая и устав Международного трибунала, а также было постановлено создание Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года. Так началась история МТБЮ, продлившаяся более 20 лет.

Правовой статус, юрисдикция, источники права МТБЮ

Изучение международно-правового статуса МТБЮ следует начать с положений его Устава, предложенного в упомянутом выше докладе Генерального секретаря ООН от 03.05.1993 и утвержденного резолюцией 827 Совета Безопасности ООН от 23 мая того же года.

Так, положения преамбулы и ст. 1 Устава МТБЮ, вытекающие из положений резолюции 808 Совета Безопасности ООН, устанавливают статус Трибунала:

- как учрежденного Советом Безопасности ООН;
- как трибунала *ad hoc*, т.е. непостоянного судебного учреждения, уполномоченного на «судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года»⁵⁰.

Данные положения вызывают споры среди юристов, которые пытаются ответить на вопрос: соответствовало ли учреждение МТБЮ на основе резолюции СБ ООН международному праву?

Некоторые авторы, например Н. Г. Михайлов⁵¹ и Е. Г. Пономарева⁵², отвечают отрицательно. Их позиция заключается в том, что СБ ООН не обладает полномочиями по созданию международных судебных органов и что в Уставе ООН нет соответствующих указаний, основывается на принципе «никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам». Действительно, к тому моменту сложилась устойчивая

⁴⁷ Резолюция 808 (1993), принятая СБ ООН 22 февраля 1993 г. С. 2 // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/808\(1993\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/808(1993)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁴⁸ Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение пункта 2 резолюции 808 (1993) Совета Безопасности // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/25704> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴⁹ Резолюция 827 (1993), принятая СБ ООН 25 мая 1993 г. // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/827\(1993\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/827(1993)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁵⁰ Устав МТБЮ // Сайт ООН. URL: <https://clck.ru/3Lgqoi> (дата обращения: 30.01.2026).

⁵¹ Михайлов Н. Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 18.

⁵² Пономарева Е. Г. По ком звонит Гаагский колокол? // Свободная мысль. 2011. № 4. С. 32.

практика создания международных судов на основании международных договоров: см., например, Нюрнбергский трибунал, учрежденный на основании Лондонского соглашения 1945 г.; Международный Суд ООН, действующий на основании Устава ООН, который также является международным договором.

С другой стороны выступают, в частности, И. И. Лукашук⁵³ и Н. И. Костенко⁵⁴, которые утверждают, что в данном случае следует широко толковать ст. 29 Устава ООН, которая предусматривает возможность СБ «учреждать такие вспомогательные органы, какие он найдет необходимыми для выполнения своих функций». Другими аргументами является факт молчаливого одобрения создания МТБЮ — резолюция 827 была одобрена в Совете Безопасности при отсутствии возражений и голосов «против», а также фактическая необходимость форсированного создания трибунала в условиях продолжающегося военного конфликта в странах бывшей Югославии, о чем было прямо сказано в докладе Генерального секретаря⁵⁵.

Неразрывно связанным со статусом Трибунала является вопрос юрисдикции, который можно подразделить на 4 части: предметная, территориальная, временная и персональная юрисдикции. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Текст Устава сначала подводит к предметной юрисдикции (*rationae materiae*), посвящая ей ст. 2–5. В нее включаются:

1. Серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г.

Женевские конвенции 1949 г. — это комплекс из 4 конвенций по международному гуманитарному праву, регулирующих правила обращения с ранеными и больными на суше и на море, с военнопленными и с гражданским населением, которые были подписаны в Женеве 12 августа 1949 г. и вступили в силу 21 октября 1950 г. В 1977 г. конвенции были дополнены двумя дополнительными протоколами, касающимися защиты жертв вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера.

Однако Устав МТБЮ, во-первых, не упоминает данные дополнительные протоколы, а во-вторых, пошел по пути перечисления конкретных действий, совершение которых будет расследоваться и наказываться Трибуналом.

Генеральный секретарь в своем докладе от 03.05.1993 указал, что такая мера принята на основе положений самих Женевских конвенций, в которых прямо указано, что составляет их серьезные нарушения: ст. 50 Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях⁵⁶, ст. 51 Конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море⁵⁷, ст. 13 и 130 Конвенции об обращении с военнопленными⁵⁸, ст. 147 Конвенции о защите гражданского населения во время войны⁵⁹. Перечисленные в них деяния были отражены в тексте ст. 2 Устава МТБЮ.

2. Нарушения законов или обычаев войны.

⁵³ Лукашук И. И. *Международное право. Особенная часть* : учебник. М., 2001. С. 344.

⁵⁴ Костенко Н. И. *Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции* : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 34.

⁵⁵ Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение пункта 2 резолюции 808 (1993) Совета Безопасности. С. 8–9 // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/S/25704> (дата обращения: 30.01.2026).

⁵⁶ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях 1949 г. // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XVI. М. : Политиздат, 1957. Ст. 645.

⁵⁷ Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 г. // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XVI. Ст. 646.

⁵⁸ Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г. // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XVI. Ст. 647.

⁵⁹ Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XVI. Ст. 648.

В данную категорию Устав также включил несколько конкретно перечисленных деяний, в отношении которых установил свою юрисдикцию.

Представляется, что данные виды нарушений отсылают к т.н. «праву Гааги» — подотрасли международного гуманитарного права, куда включаются итоговые документы, принятые участниками Гаагских конференций мира 1899 г. и 1907 г., а также к другим конвенциям, принятым в развитие гаагских. Сюда можно отнести: Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. (в частности, положения гл. I отдела II «О средствах нанесения вреда неприятелю, об осадах и бомбардировках»); Женевский протокол 1925 г.; Гаагскую конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.

3. Геноцид.

Статья 4 Устава МТБЮ при определении понятия геноцида опирается на положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г.⁶⁰ (ст. 2 и 3 Конвенции), включая в перечень наказуемых действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Геноцидом является как само совершение таких действий, так и оказание содействия: заговор с целью совершения геноцида; прямое и публичное подстрекательство; покушение; соучастие.

Состав геноцида как преступления характеризуется с субъективной стороны наличием прямого умысла, направленного на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы (специальная цель), а с объективной — совершением поименованных в нормативном акте действий, направленных на достижение умысла⁶¹. Данные положения доктрины уголовного права были подробно истолкованы в решениях Трибунала.

4. Преступления против человечности.

Преступления против человечности впервые появились как категория в Уставе и решениях Международного военного трибунала в Нюрнберге. Так, пункт «с» ст. 6 Устава МВТ определяет эти преступления путем перечисления, включив в эту группу «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»⁶². В похожем виде данное понятие было включено в Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и решением Трибунала, утвержденные Комиссией международного права ООН в 1950 г.⁶³

Статья 5 Устава МТБЮ дополнила перечень такими преступлениями, как депортация, заключение в тюрьму, пытки и изнасилования, оставив в действии остальные положения данной нормы. При этом перечень преступлений против человечности, как и перечень нарушений законов и обычаев войны, является открытым.

Статья 8 Устава Трибунала определила начало временной юрисдикции (*rationae temporis*) МТБЮ — 1 января 1991 г., однако не установила ее окончания. В резолюции 827 СБ ООН, которой учрежден Трибунал, указывается, что данный вопрос будет разрешен самим Советом «после восстановления мира», чего сделано не было.

⁶⁰ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

⁶¹ Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. М. : Юрайт, 2025. Т. 4 : Особенная часть. Разд. X–XII. С. 239–240.

⁶² Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Действующее международное право : в 3 т. М. : МНИМП, 1996. Т. 3.

⁶³ Принципы международного права, признанные в Уставе и решении Нюрнбергского трибунала (на английском языке) // URL: <https://clck.ru/3LvZKm> (дата обращения: 30.01.2026).

МТБЮ оказался перед лицом неопределенности правовых норм и был вынужден разрешать ее самостоятельно.

В этой же, ст. 8 Устава МТБЮ определена территориальная юрисдикция Трибунала (*rationae loci*) — территория бывшей СФРЮ, включающая в себя как сухопутную территорию, так и воздушное пространство и территориальные воды. Думается, что этот вопрос является наименее дискуссионным. Хотя характер вооруженных конфликтов в бывшей Югославии и был спорным — считать ли его гражданской войной как противостоянием отдельных частей государства (позиция Сербии) или же международным конфликтом, учитывая провозглашение независимости и последующее признание Словении, Хорватии и Боснии и Герцеговины (позиция названных стран), — он не выходил за границы СФРЮ.

Что касается персональной юрисдикции (*rationae personae*), здесь регулирование осуществляется ст. 6 и 7 Устава МТБЮ. Она была распространена на физических лиц, которые несут личную ответственность за допущенные ими нарушения. Юридические лица, как общепринято в доктрине уголовного права, ответственности перед Трибуналом не несут; это бремя возлагается на следующий круг лиц:

— лица, которые совершают нарушения МГП, предусмотренные статьями 2–5 Устава МТБЮ;

— лица, которые участвуют в подготовке или планировании таких нарушений, содействуют их совершению, подстрекают к этому;

— лица, которые находятся на руководящей должности, в том числе государственной, и: либо отдают незаконные приказы о совершении преступлений, либо не принимают мер по предотвращению совершения преступлений своими подчиненными, либо не наказывают подчиненных лиц, уже совершивших преступления.

Факт нахождения лица на руководящей позиции или, наоборот, действия в качестве подчиненного по приказу начальства не освобождает его от ответственности и не может служить доводом в защиту. Следует также отметить «параллельную юрисдикцию» МТБЮ, которая заключается в том, что и национальные суды, и Трибунал вправе осуществлять преследование лиц, виновных в нарушении норм международного гуманитарного права. Это было закреплено в ст. 9 Устава МТБЮ вместе с указанием о приоритете юрисдикции Трибунала: на любом этапе судебного разбирательства он мог направить запрос в адрес национальных судов о передаче производства по делу в МТБЮ. Порядок осуществления данной процедуры нашел отражение в Правилах процедуры и доказывания Трибунала.

Внутренняя структура и порядок деятельности МТБЮ

Внутренняя структура МТБЮ раскрывается в ст. 11 Устава: Трибунал состоит из «камер» — непосредственно судебных органов, которые занимались рассмотрением и разрешением дел; Обвинителя (иногда его называют Прокурором) — должностного лица, отвечающего за расследование дел и выдвижение обвинения против лиц, ответственных за нарушения МГП; Секретариата — органа, выполняющего административные функции.

Камер изначально было 3 — две Судебные камеры (первая инстанция) по 3 судьи в каждой и одна Апелляционная камера, в которой работало 5 судей. Впоследствии судебный корпус был расширен: сначала путем создания третьей Судебной камеры⁶⁴, затем введением резерва судей *ad litem*⁶⁵, которые исполняли свои полномочия не на постоянной основе, а по назначению в конкретных судебных разбирательствах. Увеличилось общее число судей, их состав по камерам, было введено разделение Судебных камер на секции.

Все судьи избирались на 4 года Генеральной Ассамблеей ООН из списка, представленного Советом Безопасности. СБ составлял его на основании кандидатур,

⁶⁴ Резолюция 1166 (1998), принятая СБ ООН 13 мая 1998 г. // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1166\(1998\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1166(1998)) (дата обращения: 30.01.2026).

⁶⁵ Резолюция 1329 (2000), принятая СБ ООН 30 ноября 2000 г. // Система документации ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1329\(2000\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1329(2000)) (дата обращения: 30.01.2026).

заявленных Генеральному секретарю ООН государствами — членами ООН и государствами — наблюдателями при ООН. Каждое государство могло выдвинуть не более 2 кандидатур, удовлетворяющих специально установленным требованиям к квалификации, представленности основных правовых систем мира, географическому распределению.

Первые 11 судей были приведены к присяге 17 ноября 1993 г., всего за время работы МТБЮ были назначены 51 постоянный судья⁶⁶, 36 судей *ad litem*⁶⁷.

Порядок назначения Обвинителя (Прокурора) МТБЮ регламентирован статьей 16 Устава, в соответствии с которой его назначает СБ ООН по рекомендации Генерального секретаря. Требования к кандидату на данную должность включали в себя: высокие моральные качества, наивысший уровень профессиональной компетенции и опыт в расследовании и обвинении по уголовным делам. Срок полномочий Обвинителя МТБЮ составил 4 года с возможностью переназначения. Обвинитель также имел в своем штате канцелярию, которая занималась обеспечением его работы и состояла из двух отделов: по расследованию и по обвинению⁶⁸.

Наконец, в системе органов МТБЮ был создан Секретариат, на который были возложены административные функции и обслуживание Международного трибунала в части связей со СМИ и общественностью, печатью и изданием документов. Отдельное подразделение внутри этого органа создавалось для работы с потерпевшими и свидетелями вооруженных конфликтов. В состав Секретариата Трибунала входил сам Секретарь и другой необходимый персонал, назначаемый Генеральным секретарем.

Порядок движения дела в Трибунале определялся ст. 18–28 Устава МТБЮ, а также Правилами процедуры и доказывания — внутренним актом Трибунала, который принимали судьи МТБЮ. В нем регулировались вопросы назначения и отвода судей, избрания Председателя и Вице-председателя Трибунала, проведения расследования, досудебного и судебного разбирательства.

Изучение данного документа позволяет выделить иные органы и подразделения, образованные внутри МТБЮ. Так, Председатель, Вице-председатель и председательствующие в камерах судьи Трибунала образовывали Бюро — консультативный орган при Председателе МТБЮ⁶⁹. Председатель, Прокурор и Секретарь МТБЮ входили в состав Координационного совета Трибунала⁷⁰. Наконец, все судьи Трибунала собирались на пленарные заседания в целях избрания Председателя и Вице-председателя, принятия ежегодного отчета и внутренних актов МТБЮ⁷¹.

Движение дела в МТБЮ можно разделить на несколько этапов.

1. Проведение расследования.

В соответствии со ст. 18 Устава МТБЮ и Разделом 4 Правил процедуры и доказывания Прокурор начинал расследование *ex officio* (т.е. по должности) или на основе информации, полученной из любого источника. Для этих целей он был вправе проводить допросы, собирать и истребовать доказательства, запрашивать помощь у полномочных органов государств, а также через Секретариат и судей Трибунала запросить перемещение подозреваемого для заключения под стражу в следственные изоляторы МТБЮ. Подозреваемые наделялись правами пользоваться услугами защитника, в том числе бесплатно, пользоваться услугами переводчика, отказаться свидетельствовать против себя.

⁶⁶ Судьи МТБЮ // Официальный сайт МТБЮ. URL: <https://www.icty.org/en/about/chambers/judges> (дата обращения: 30.01.2026).

⁶⁷ Бывшие судьи МТБЮ // Официальный сайт МТБЮ. URL: <https://www.icty.org/en/sid/10572> (дата обращения: 30.01.2026).

⁶⁸ Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение пункта 2 резолюции 808 (1993) Совета Безопасности // Система документации ООН. URL: <https://docs.un.org/gu/S/25704> (дата обращения: 30.01.2026). С. 24.

⁶⁹ Правила процедуры и доказывания МТБЮ (в ред. от 08.07.2015) // URL: <https://clck.ru/3Lgrj0> (дата обращения: 30.01.2026). С. 28.

⁷⁰ Правила процедуры и доказывания МТБЮ. С. 28.

⁷¹ Правила процедуры и доказывания МТБЮ. С. 29.

Защитниками, согласно Правилу 44, могли быть квалифицированные юристы, владеющие письменной и устной речью на языках производства Трибунала, не привлекавшиеся к ответственности за дисциплинарные и уголовные правонарушения. Вступление защитника в процесс допускалось по приглашению подозреваемого либо по назначению самого Трибунала.

2. Вынесение обвинительного заключения и рассмотрение его судьей.

Если Прокурор по итогам расследования приходил к выводу о наличии существенных оснований полагать, что подозреваемый совершил преступление, подсудное Трибуналу, то он готовил обвинительное заключение в соответствии с Правилем 47. Оно направлялось через Секретариат судье Трибунала в сопровождении необходимых материалов, а судья должен был установить, имеются ли *prima facie* (на первый взгляд) основания для продолжения разбирательства или нет, и принять решение о дальнейшем движении дела в порядке Правила 47. В случае утверждения обвинительного заключения хотя бы по одному пункту подозреваемый наделялся статусом обвиняемого и подлежал заключению под стражу в изолятор МТБЮ на основании ордера, выданного судьей Трибунала.

3. Подготовка дела к судебному рассмотрению.

После доставления обвиняемого в местопребывание Трибунала он предстает перед судьей или перед Судебной камерой, где проводится его ознакомление с обвинительным заключением, дается возможность сделать заявление о признании вины, а дело назначается к разбирательству по существу. Признание обвиняемым вины должно было удовлетворять условиям, изложенным в Правиле 62 бис.

4. Предварительное слушание (Правило 65 тер).

На этом этапе под руководством и надзором судьи, специально назначенного на предварительное слушание, осуществляется координация действий сторон обвинения и защиты. Прокурор представляет окончательную версию обвинительного заключения, а сторона защиты представляет свою позицию, излагая защитительные доводы и возражения. Обе стороны составляют списки для вызова свидетелей и вещественных доказательств для исследования в судебном заседании.

5. Судебное разбирательство по существу (Часть 6 Правил процедуры).

Ключевой стадией является разбирательство дела по существу. Оно производится всем составом Судебной камеры в открытом судебном заседании (или в закрытом при наличии к тому оснований) с ведением Секретариатом полного протокола проводимых заседаний.

В начале заседания сторонам предоставляется право выступить с открывающим заявлением. Далее стороны приступают к представлению доказательств, порядок которого установлен Правилем 85. Затем проводятся прения сторон, в которых стороны должны сделать предложения касательно постановления приговора. Участие в прениях необязательно для сторон, при этом обе стороны имеют право реплики.

По окончании слушания Судебная камера удаляется в совещательную комнату и голосует по каждому пункту обвинительного заключения. Решение принимается большинством судей с применением стандарта «вне всякого разумного сомнения». По каждому пункту обвинительного заключения, в отношении которого судьи установили доказанность вины, назначается наказание в виде тюремного заключения на определенный срок вплоть до пожизненного, а также может быть вынесено решение о реституции имущества и о компенсации потерпевшим. В случае, если судьи посчитали вину недоказанной, выносится оправдательный приговор.

Постановленный приговор провозглашается в присутствии сторон, а его копия должна быть направлена обвиняемому и его защитнику. Оправданный подлежит немедленному освобождению, а осужденный по истечении срока на апелляционное обжалование направляется на отбывание наказания в исправительные учреждения государств, которые выразили согласие на размещение у себя лиц, осужденных МТБЮ.

Факультативными стадиями производства в МТБЮ являются:

— производство в Апелляционной камере (ч. 7 Правил процедуры).

— производство по новым и вновь открывшимся обстоятельствам (ч. 8 Правил процедуры).

— помилование и смягчение приговора (ч. 9 Правил процедуры).

В ходе анализа положений Устава МТБЮ, Правил процедуры и доказывания и других документов удалось выяснить организационную структуру Трибунала, его состав и роль каждого из подразделений в ходе рассмотрения дел. Процесс был достаточно четко регламентирован и не раз пересматривался и уточнялся, предусматривал важнейшие права и гарантии для подозреваемых и обвиняемых.

Создание МТБЮ стало во многом прорывным событием для международной уголовной юстиции. Распад Югославии и последовавшие за ним «югославские войны» стали первым масштабным и длительным вооруженным конфликтом в Европе со времен Второй мировой войны, что потребовало быстрой и жесткой реакции международного сообщества. Такой реакцией и стал Трибунал. Желание дать своевременный и качественный ответ на непрекращавшиеся противоречия между лидерами бывших югославских республик и населявшими их народами, положить конец кровопролитным войнам, обернувшимся страданиями для сотен тысяч жителей и многочисленными нарушениями норм международного гуманитарного права, на мой взгляд, спровоцировало спешку и, как следствие, непродуманность с юридической стороны многих тонкостей в статусе, юрисдикции, порядке работы Трибунала, решать которые пришлось «на месте».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бильдт К.* Стала ли Босния уроком для Европы? Выводы для европейской внешней политики // *International Politik*. — 1997. — № 7. — С. 7–13.
2. *Груздев И. С.* Предпосылки и причины распада Социалистической Федеративной Республики Югославии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2001. — 22 с.
3. *Гуськова Е. Ю.* Словения. Путь к самостоятельности : документы. — М. : Индрик, 2001. — 552 с.
4. *Костенко Н. И.* Теоретические проблемы становления и развития международной уголовной юстиции : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 406 с.
5. *Лебедев В. М.* Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. — Т. 4 : Особенная часть. Разделы X–XII. — М. : Юрайт, 2025. — 276 с.
6. *Лукашук И. И.* Международное право. Особенная часть : учебник. — М., 2001. — 456 с.
7. *Матвеев Г. Ф., Ненашева З. С., Прозоров В. Б.* История южных и западных славян : учебник / : в 3 т. Т. 3 : Новейшее время. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : КДУ, 2022. — 328 с.
8. *Михайлов Н. Г.* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии как институт международной уголовной юстиции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2006. — 54 с.
9. *Никифоров К. В.* Югославия в XX веке: очерки политической истории. — М. : Индрик, 2011. — 888 с.
10. *Пономарева Е. Г.* По ком звонит Гаагский колокол? // *Свободная мысль*. — 2011. — № 4. — С. 27–42.
11. *Старикова Н. Н.* Словенские писатели и «бархатная революция» // *Славянский альманах*. — 2015. — № 1–2. — С. 215–224.
12. *Goati V.* Partije Srbije i Crne Gora u političkim borbama od 1990. do 2000. — Bar : Conteco, 2000. — 272 p.
13. *Јовић Б.* Последњи дани СФРЈ: изводи из дневника. — Београд, 1996. — 487 S.
14. *Klemenčić M.* Territorial proposals for the settlement of the war in Bosnia-Herzegovina // *International Boundaries Research Unit: Boundary and Territory Briefing*. — 1994. — Vol. 1. — No. 3. — 74 p.
15. *Nizich I.* War Crimes in Bosnia-Herzegovina. Vol. 2. — Helsinki : Helsinki Watch, 1993. — 440 p.
16. *Sekulić M.* Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. — Београд, 1997. — 430 S.
17. *Trbovich A.* A Legal Geography of Yugoslavia's Disintegration. — Oxford : Oxford University Press Inc., 2008. — 536 p.

REFERENCES

1. Bildt K. Has Bosnia become a lesson for Europe?: Conclusions for European foreign policy. *International Politik*. 1997;7:7-13. (In Russ.).
2. Gruzdev IS. Prerequisites and reasons for the collapse of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia. Author's Abstract. Cand. Sci. (History) Diss. Moscow: 2001. (In Russ.).
3. Guskova EYu. Slovenia. Path to self-reliance. Documents. Moscow: Indrik Publ.; 2001. (In Russ.).
4. Kostenko NI. Theoretical problems of the formation and development of international criminal justice. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2002. (In Russ.).
5. Lebedev VM. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 vols. Vol. 4. Special part. Sections X-XII. Moscow: Yurayt Publ.; 2025. (In Russ.).
6. Lukashuk II. International law. Special part. Moscow; 2001. (In Russ.).
7. Matveev GF, Nenasheva ZS, Prozorov VB. History of the Southern and Western Slavs. In 3 vols. Vol. 3: Recent times. 4th ed. Moscow: KDU Publ.; 2022. (In Russ.).
8. Mikhailov NG. International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia as an institution of international criminal justice. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow: 2006. (In Russ.).
9. Nikiforov KV. Yugoslavia in the XX century: essays on political history. Moscow: Indrik Publ.; 2011. (In Russ.).
10. Ponomareva EG. For whom does The Hague bell ring? *Svobodnaya Mysl*. 2011;4:27-42. (In Russ.).
11. Starikova NN. Slovenian writers and the «velvet revolution». *Slavic Almanac*. 2015;1-2:215-224. (In Russ.).
12. Goati V. Partije Srbije i Crne Gora u političkim borbama od 1990. do 2000. Bar: Conteco Publ.; 2000.
13. Joviћ B. Follow the tribute of EMEs J: Notes from the Diary. Belgrad; 1996.
14. Klemenčić M. Territorial proposals for the settlement of the war in Bosnia-Herzegovina. *International Boundaries Research Unit: Boundary and Territory Briefing*. 1994;1(3):74.
15. Nizich I. War Crimes in Bosnia-Herzegovina, Vol. 2. Helsinki: Helsinki Watch; 1993.
16. Sekulić M. Jugoslaviju niko nije branio a vrhovna komanda je izdala. Belgrad; 1997.
17. Trbovich A. A Legal Geography of Yugoslavia's Disintegration. Oxford: Oxford University Press Inc; 2008.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.143-150

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА НАУЧНЫХ ДАННЫХ

Бочарников Дмитрий Андреевич,

эксперт научно-экспертного центра правового обеспечения научно-технологического развития Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

dabocharnikov@msal.ru

© Бочарников Д. А., 2026

Аннотация. Статья исследует научные данные как объект информационно-правового регулирования. Выявляются законодательные подходы к определению правового значения использования научной информации. Особое внимание уделено установлению критериев квалификации информации в качестве научной, выработанных судебной практикой и доктриной. Проанализированы установленные законодательством режимы научной информации с точки зрения доступа к ней, в результате чего констатирована дифференциация правового режима научных данных. Автором предпринята попытка формулирования новых концептуальных подходов к публично-правовому регулированию оборота научной информации. В заключение определены базовые аспекты, на которых может быть основано совершенствование правового регулирования с целью трансформации научных данных в системный ресурс для достижения технологического лидерства.

Ключевые слова: государство; наука; научная информация; научно-техническая информация; научные данные; научно-технологическое развитие; правовой режим; информационно-правовой режим; технологическое лидерство

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Развитие правовой системы в условиях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации: национальные приоритеты и международные вызовы (FSMW-2026-0005)», регистрационный номер: 126022017763-1.

PECULIARITIES OF THE INFORMATION-LEGAL REGIME OF RESEARCH DATA

Dmitriy A. Bocharnikov

Expert, Scientific and Expert Center for Legal Support of Scientific and Technological Development, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

dabocharnikov@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of scientific data as an object of information-law regulation. It identifies the existing legislative approaches to determining the legal significance of the use of scientific information. Particular attention is paid to the problem of establishing criteria for qualifying information as scientific, as developed in judicial practice and legal doctrine. The author analyzes the legal regimes applicable

to scientific information from the perspective of access to it and, as a result, concludes that the legal regime of scientific data is differentiated. The article also attempts to formulate new conceptual approaches to the public-law regulation of the circulation of scientific information. In conclusion, the author identifies the basic aspects on which further improvement of legal regulation may be based in order to transform scientific data into a systemic resource for achieving technological leadership.

Keywords: *scientific information; scientific and technical information; scientific and technological development; legal regime; technological leadership*

Acknowledgments. *The paper was prepared as part of the work on the state task on the topic «Development of the Legal System in the context of Ensuring the Technological Leadership of the Russian Federation: National Priorities and International Challenges (FSMW-2026-0005)». Registration number: 126022017763-1.*

Наука как сфера общественной жизни играет ключевую роль в развитии государства. Согласно п. 11 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145¹, «в настоящее время российская наука служит основой суверенного развития государства, создавая необходимые предпосылки и условия для обоснованного, сбалансированного и эффективного решения всего комплекса стоящих перед Российской Федерацией социальных, экономических, культурных и иных задач, обеспечения безопасности страны и ее значимого вклада в интеллектуальное достояние человечества». Очевидным представляется, что в процессе осуществления научной деятельности происходит генезис научной информации. Квалификация такого рода данных в качестве научных имеет важное юридическое значение, так как использование научной информации порождает определенные правовые последствия, установленные нормативными актами. Исходя из того, что в силу своей сущностной природы научные данные являются разновидностью информации, выделяемыми по предметному критерию, общественные отношения, возникающие в связи с использованием таких данных, выступают объектом регулирования информационного права. Вместе с тем в настоящее время ни информационное законодательство, ни отечественная доктрина информационного права не содержат комплексного понимания правовой природы и юридического режима научной информации. Данное обстоятельство предопределяет необходимость проведения анализа и выработки концептуальных положений, содержащих системное понимание научной информации как объекта действующего информационно-правового регулирования.

Несмотря на отсутствие в российском законодательстве легальной дефиниции научной информации, в отраслевых нормативных правовых актах неоднократно употребляется данная категория. Прежде всего, базовый в сфере регулирования науки Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»² (далее — Закон о науке) в ст. 9 закрепляет, что субъекты научной и (или) научно-технической деятельности имеют право на обмен информацией, за исключением информации, содержащей сведения, относящиеся к государственной, служебной или коммерческой тайне. Пункт 3 названной статьи устанавливает, что «в случае ликвидации государственных научных организаций, при которых функционируют банки данных и базы данных научной и (или) научно-технической информации, обеспечиваются сохранность указанных банков данных и баз данных и передача их правопреемникам в установленном порядке». Однако же Закон о науке не только не

¹ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

содержит легального определения научных данных, но и не устанавливает особенности правового режима такого рода информации.

Неоднократное упоминание научных данных содержится в законодательных актах, посвященных правовому регулированию экологических отношений. Так, Федеральный закон «О карантине растений»³ в ст. 2 квалифицирует анализ фитосанитарного риска через определение способности или неспособности объекта быть карантинным объектом, необходимости регулирования распространения карантинного объекта и (или) принятия в отношении его карантинных фитосанитарных мер путем оценки биологических или других научных данных, экономических данных. Федеральный закон «О животном мире»⁴ в ст. 24 устанавливает, что занесение (исключение) в Красную книгу Российской Федерации, красные книги субъектов Российской Федерации редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного мира осуществляется на основании данных государственного мониторинга и опубликованных научных данных (научных оценок численности). Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»⁵ в ст. 1 определяет сохранение водных биоресурсов как поддержание водных биоресурсов или их восстановление до уровней, при которых могут быть обеспечены максимальная устойчивая добыча (вылов) водных биоресурсов и их биологическое разнообразие, посредством осуществления на основе научных данных мер по изучению, охране, воспроизводству, рациональному использованию водных биоресурсов и охране среды их обитания.

Сходное правовое значение научной информации имеется и в правоотношениях, связанных с осуществлением технического регулирования. Согласно ст. 7 Федерального закона «О техническом регулировании»⁶ ветеринарно-санитарные и фитосанитарные меры разрабатываются и применяются на основе научных данных, а также с учетом соответствующих международных стандартов, рекомендаций и других документов международных организаций. Во всех указанных случаях правовое значение научных данных состоит в том, что на основе их использования органами публичной власти осуществляется применение различных правовых действий. Иными словами, научная информация в данном контексте предопределяет наличие юридического факта, влекущего возникновение, изменение или прекращение правоотношений.

Тем не менее анализ законодательных актов не позволяет сформулировать дефиницию научных данных. В силу самой природы научной информации очевидной представляется имманентно присущая корреляция таких данных с осуществлением научной деятельности, понятие которой сформулировано в ст. 2 Закона о науке как деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, поисковые научные исследования.

Стоит обратиться также к актам нормативно-технического характера, содержащим эпизодические упоминания научных данных. Вероятно, наиболее развернутую характеристику анализа научных данных с установлением критериев, которым должна отвечать такого рода информация, предоставляет ГОСТ ISO 10993-1-2021 «Межгосударственный стандарт. Изделия медицинские. Оценка биологического действия медицинских изделий Часть 1. Оценка и исследования в процессе менеджмента риска». В приложении С данного акта содержится рекомендуемая процедура анализа научных данных. В обоснование значимости научных данных включают следующие юридически значимые факты:

³ Федеральный закон от 21.07.2014 № 206-ФЗ «О карантине растений» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4207.

⁴ Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

⁵ Федеральный закон от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5270.

⁶ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140.

- подтвержденность заключения автора научной информации существующими данными;
- наличие отражения в таких данных современных медицинских методов и новейших технологий;
- опубликование используемых для генерирования научной информации произведений науки в общепризнанных научных журналах или в рецензированных журналах;
- степень, в которой опубликованные сведения являются результатом исследований в соответствии с научными принципами.

Стоит отметить исключительно отраслевой характер данных нормативно-технических норм, сфера применения которых ограничивается лишь проведением оценки биологического действия медицинских изделий. Однако рассмотренные критерии научных данных представляются релевантными и для формирования общеправовой дефиниции научной информации.

В отсутствие закрепления в нормативных актах критериев научности информации представляется необходимым обратиться к разъяснениям судебных органов по данной тематике. Судебная практика, однако, также не изобилует пояснениями относительно природы и признаков научных данных. Так, встречаются позиции, согласно которым научные данные отождествляются с данными, полученными в ходе проведения научных исследований⁷. Имеется практика, в рамках которой научный характер информации увязывается с фактом получения этой информации лицом, обладающим специальными познаниями, при наличии необходимых для такого исследования материалов⁸.

Интересным представляется доктринальный опыт⁹ исследования международно-правовой характеристики категории «наилучших научных данных», которая используется для установления зонально привязанных инструментов хозяйствования. Как отмечается в исследовании, практика зарубежных и международных судебных органов по определению научного характера данных является довольно скудной: суды упускают «научный» характер данных, а ключевая проблема заключается в определении научного характера данных, а не в использовании любого набора информации¹⁰.

Одним из немногочисленных кейсов в правоприменительной практике США, в котором суд обратил внимание, что данные должны быть научными по своему характеру, является *Greenpeace, American Oceans Campaign v. National Marine Fisheries Service*. В рамках данного разбирательства Национальная служба морского рыболовства опиралась на ряд исследований, которые содержали первичные научные данные, тогда как на момент принятия решения авторами были представлены уже уточненные сведения. Суд признал, что решение органа, основанное на необъективных данных, не соответствует критерию «наилучшие имеющиеся научные данные»¹¹.

Стоит обратить внимание на дело в судебной практике США, в котором судебный орган определил собственно сами критерии, которым должно соответствовать научное исследование — кейс *Lutheran Mutual Life Insurance Co. v. United States*. К признакам научного исследования судом были отнесены: анализ подходящей совокупности

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 08.08.2025 № 304-ЭС25-7327 по делу № А45-5832/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.12.2024 № 18-КГ24-296-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ *Теймуров Э. С.* Наилучшие научные данные для установления зонально привязанных инструментов хозяйствования: международно-правовая характеристика // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 95–114.

¹⁰ *Joly J. R., Reynolds J., Robards M.* When the «Best Scientific Data Available» Isn't // *Stanford Environmental Law Journal*. 2010. Vol. 29. Iss. 2. P. 249–251.

¹¹ *Greenpeace, American Oceans Campaign v. National Marine Fisheries Service*. United States District Court, W. D. Washington, at Seattle. Decision of 18 December 2002 // СПС Westlaw International.

и репрезентативных данных; осуществление исследования квалифицированными специалистами; точность и полное представление собранных данных; объективность методов; и беспристрастность участников¹².

В зарубежной доктрине отмечается, что данные могут быть признаны научными, если исследование, результатом которого они выступают, соответствует некоторому ряду конституирующих признаков: определенная выборка, структура исследования, методология подбора данных, четкое отражение или оценка любых неточностей и неопределенностей, объяснимость (интерпретируемость) выводов¹³.

В контексте определения информационно-правового режима научных данных в российской правовой действительности следует прежде всего отметить, что Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁴ (далее — Закон об информации) не устанавливает специальных правил по поводу юридически значимых действий, осуществляемых с научной информацией. Как известно, согласно ст. 5 Закона об информации любые сведения в зависимости от категории доступа к ним подразделяются на общедоступную информацию, а также на информацию, доступ к которой ограничен федеральными законами. Информационно-правовая доктрина содержит авторскую систему информации по критерию уровня доступа информации и ее использования¹⁵. Исходя из семантического наполнения научной информации ее правовой режим может быть дифференцирован. Так как научные данные могут являться продуктом, получаемым в результате проведения научных исследований по всей плеяде научных дисциплин, то и правовой режим такой информации может базироваться на сущностной характеристике таких сведений. Так, в случае если научные данные представляют собой сведения о состоянии окружающей среды (экологическая информация), то по прямому предписанию п. 2 ч. 4 ст. 8 Закона об информации к таким данным не может быть ограничен доступ. Очевидно, что такой же правовой режим открытой информации распространяется на те научные данные, которые накапливаются в открытых фондах библиотек, музеев, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан (физических лиц) и организаций такой информацией (п. 4 ч. 4 ст. 8 Закона об информации).

В исследуемом контексте интересен анализ правового регулирования системы государственного управления научной и научно-технической информацией. Ключевым нормативным правовым актом здесь является постановление Правительства РФ от 24.07.1997 № 950 «Об утверждении Положения о государственной системе научно-технической информации»¹⁶. Согласно данному акту государственная система научно-технической информации представляет собой совокупность научно-технических библиотек и организаций — юридических лиц независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности, специализирующихся на сборе и обработке научно-технической информации и взаимодействующих между собой с учетом принятых на себя системных обязательств. Органы научно-технической информации, научно-технические библиотеки и центры обеспечивают сбор, хранение и обработку отечественных и зарубежных источников научно-технической информации, формирование, ведение и организацию использования федеральных, отраслевых и региональных информационных фондов, баз и банков

¹² Lutheran Mutual Life Insurance Co. v. U. S. United States Court of Appeals, Eight Circuit. Decision of 6 April 1987 // СПС Westlaw International.

¹³ Joly J. R., Reynolds J., Robards M. Op. cit. P. 261–262, 273.

¹⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

¹⁵ Минбалеев А. В. Система информации: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 10.

¹⁶ Постановление Правительства РФ от 24.07.1997 № 950 «Об утверждении Положения о государственной системе научно-технической информации» // СЗ РФ. 1997. № 31. Ст. 3696.

данных, составляющих государственные ресурсы научно-технической информации. Пунктом 7 Положения о государственной системе научно-технической информации предусматривается, что порядок приобретения научно-технической информации из федеральных и отраслевых фондов, баз и банков данных государственной системы научно-технической информации и ее использования региональными центрами научно-технической информации устанавливается Министерством науки и высшего образования Российской Федерации совместно с соответствующими органами исполнительной власти. Из данной нормы представляется, что по своему правовому режиму данная научно-техническая информация является данными, право на доступ к которым возникает в силу юридического факта внесения соответствующей платы. Иными словами, такая научно-техническая информация не относится к категориям информации, доступ к которой осуществляется на бесплатной основе в силу ч. 8 ст. 8 Закона об информации.

В контексте системы государственного управления научной информацией интересным представляется также рассмотрение правового положения ФГБУ «Российский центр научной информации». Согласно п. 22 устава организации¹⁷ Российский центр научной информации осуществляет методологическую поддержку мероприятий по руководству и управлению научными данными, обеспечивает доступ российских ученых к научной информации, обеспечивает создание, сопровождение, включая методологическое обеспечение, информационно-аналитических систем, баз данных и цифровых платформ. В этой связи представляется, что правовой режим научной информации включает в себя обязанность уполномоченных государством субъектов обеспечивать доступ к таким сведениям для российского научного сообщества.

Проведенный анализ действующего законодательства, судебной практики, а также отдельных доктринальных положений позволяет констатировать, что формирование целостного и внутренне непротиворечивого информационно-правового режима научных данных является одной из актуальных, но не решенных доктринальных задач. Несмотря на декларируемую в стратегических документах ключевую роль науки как основы суверенного развития государства, правовое обеспечение оборота ее главного продукта — научной информации — остается фрагментарным и лишенным концептуального единства. Отсутствие легальной дефиниции и системного законодательного закрепления особенностей правового режима такого рода информации создает правовую неопределенность, которая негативно сказывается как на осуществлении научной деятельности, так и на эффективности управленческих решений, принимаемых на основе научных данных органами публичной власти.

Как было исследовано, категория научных данных используется в ряде федеральных законов, однако ее содержание раскрывается исключительно через призму конкретных регулятивных задач той или иной сферы деятельности (экологии, рыболовства, технического регулирования, карантина растений). Подобное отраслевое употребление, не подкрепленное общим межотраслевым пониманием, приводит к вариативности в квалификации информации в качестве научной. Более того, законодатель не устанавливает универсальных юридически значимых критериев научности, что на практике может породить произвольные оценки. Определенный ориентир в этом вопросе задают нормативно-технические стандарты, формулирующие требования к подтвержденности, современности методов, публикации в рецензируемых источниках и соответствии научным принципам. Однако данные критерии, будучи сформулированными в рамках узкоспециальной области, не могут быть автоматически транспонированы на все многообразие научных дисциплин и видов исследовательской деятельности без соответствующей общеправовой адаптации.

Центральной проблемой в контексте информационного права является дифференциация правового режима научных данных, которая в настоящее время

¹⁷ Утв. постановлением Правительства РФ от 29.07.2022 № 1357 «О федеральном государственном бюджетном учреждении «Российский центр научной информации»» (СЗ РФ. 2022. № 32. Ст. 5833).

характеризуется отсутствием системообразующей логики. Как представляется, дифференциация должна базироваться на нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, это категория доступа. Правовой режим научной информации может варьироваться от полностью открытого (как в случае с экологической информацией или данными в открытых фондах библиотек и музеев, доступ к которым не подлежит ограничению в силу прямого указания Закона об информации) до ограниченного в силу действия специальных правовых институтов. К последним относятся режимы информации, составляющей государственную или иную охраняемую законом тайну. Специальный режим возникает в связи с использованием научно-технической информацией, аккумулируемой в государственных фондах и базах данных: не являясь ограниченной к доступу, она может предоставляться на возмездной основе, что предопределяет особый порядок получения доступа к ней.

Во-вторых, важнейшим критерием дифференциации должна выступать цель и контекст использования научных данных. В публично-правовой сфере, как показал анализ отраслевого законодательства, научные данные приобретают качество юридически значимого факта для принятия властных решений (прежде всего в экологической сфере). В данном случае к их достоверности, актуальности и релевантности предъявляются повышенные требования, что находит свое отражение в таких понятиях, как «наилучшие имеющиеся научные данные». Отсутствие в российском праве четких процедур верификации и отбора «наилучших данных» для целей правового регулирования создает риски принятия необоснованных управленческих решений. В то же время научные данные, являясь ключевым продуктом научно деятельности, зачастую используются в контексте взаимодействия научного сообщества с целью осуществления новых исследований, что предопределяет необходимость установления для данной категории информации такого режима, который бы удовлетворял как частный интерес субъектов, получивших научные данные в результате проведения исследований, так и публичный интерес всего научного сообщества.

В-третьих, дифференциация правового режима может проводиться по субъекту, генерирующему информацию в ходе научных исследований, и источнику финансирования исследований. Так, данные, полученные в результате деятельности государственных научных организаций за счет бюджетных средств, потенциально могут быть отнесены к информации, подлежащей размещению в государственных информационных системах в целях обеспечения открытости. Напротив, данные, полученные в рамках частных исследований, закономерно должны быть обременены более строгим ограничительным режимом доступа. Текущее законодательство, в частности Закон о науке, лишь в общих чертах касается вопросов обмена информацией между субъектами научной деятельности, не детализируя правовые последствия такого обмена в зависимости от источника происхождения данных.

Преодоление выявленных пробелов правового регулирования оборота научных данных видится не во внесении точечных поправок в отдельные нормативные акты, а в выработке целостной доктринально обоснованной концепции, которая бы определила место научных данных в системе объектов информационного права и заложила основы их комплексного регулирования. Базисными положениями такой концепции должны стать следующие аспекты:

1. Легальное определение научных данных, интегрирующее содержательные (новизна, системность, достоверность) и процедурные (получение в ходе научной деятельности с применением общепризнанных методов, возможность экспертной оценки) критерии. Это определение должно носить рамочный характер, допуская последующую детализацию в отраслевом законодательстве с учетом специфики различных областей научного знания.

2. Закрепление дифференцированных правовых режимов научной информации на уровне федерального законодательства. В данном контексте речь идет об установлении: а) режима открытого доступа для данных, созданных за счет публичных средств и представляющих общественный интерес для научного сообщества; б) условий ограничения доступа в связи с необходимостью охраны частных интересов

исследователей; в) специального режима для данных, используемых в качестве основания для принятия публично-властных решений, с установлением процедур их официального признания, валидации и периодического пересмотра.

3. Модернизация правового обеспечения функционирования государственной системы научной информации. Их роль в условиях трансформации экономики в связи с переходом на новый научно-технологический уклад должна быть переосмыслена от пассивных хранилищ информации к активным центрам управления жизненным циклом научных данных, ответственным за их каталогизацию, присвоение метаданных, обеспечение долговременной архивации и предоставление в машиночитаемом виде. Необходимо законодательно трансформировать их функции в контексте взаимодействия с образовательными организациями, научными организациями и иными провайдерами научных данных.

5. Учет международного контекста. Развитие правового регулирования должно осуществляться с обращением к международным стандартам открытой науки, принципам международного научно-технического сотрудничества, а также практику зарубежных юрисдикций в области управления научными данными. Это необходимо как для интеграции российских исследований в глобальное научное пространство, так и для обеспечения технологического суверенитета через создание надежных национальных инфраструктур управления научной информацией.

Последовательное формирование информационно-правового режима научных данных является комплексной, межотраслевой задачей, требующей совместных усилий законодателя и научного сообщества. Ее решение позволит не только устранить существующие правовые пробелы и противоречия, но и создать прочную правовую основу для реализации стратегических целей научно-технологического развития Российской Федерации, трансформировав научную информацию в системный ресурс для достижения технологического лидерства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Минбалеев А. В. Система информации: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2006.
2. Теймуров Э. С. Наилучшие научные данные для установления зонально привязанных инструментов хозяйствования: международно-правовая характеристика // *Lex russica*. — 2023. — Т. 76. — № 10. — С. 95–114.
3. Joly J. R., Reynolds J., Robards M. When the «Best Scientific Data Available» Isn't // *Stanford Environmental Law Journal*. — 2010. — Vol. 29. — Iss. 2. — P. 247–282.

REFERENCES

1. Minbaleev AV. Information system: theoretical and legal analysis. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Chelyabinsk; 2006. (In Russ.).
2. Teymurov ES. The Best Scientific Data for the Establishment of Zonally Linked Management Instruments: International Legal Characteristics. *Lex russica*. 2023;76(10):95-114. (In Russ.).
3. Joly J. R., Reynolds J., Robards M. When the «Best Scientific Data Available» Isn't. *Stanford Environmental Law Journal*. 2010;29(2):249-251.

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.151-157

К ВОПРОСУ О ПАТЕНТНОМ ПРАВЕ

Павликов Сергей Герасимович,

заведующий кафедрой патентного права и правовой охраны средств индивидуализации Российской государственной академии интеллектуальной собственности, доктор юридических наук, профессор
117279, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а
89152499929@mail.ru

© Павликов С. Г., 2026

***Аннотация.** В статье обосновывается целесообразность изучения патентного права в контексте цивилистической теории, что обуславливает разработку практических предложений по оптимизации охраны объектов так называемой промышленной собственности: изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, товарных знаков и знаков обслуживания, наименований места происхождения товаров. Обращено внимание на тот факт, что диспозитивные начала гражданского права всё чаще начинают уступать категории публичного интереса. Однако эти обстоятельства вкупе с развитием цифровых («машинных») технологий не должны влиять на фундаментальные подходы к важнейшему и универсальному регулятору общественных отношений. Право интеллектуальной собственности (как и патентное право) не должно становиться «правом машины»; более того, баланс интересов человека и «машины» (искусственного интеллекта, «смарт-технологий» и т.п.), при котором формируется «право человека и машины», вряд ли может быть обеспечен даже в перспективе. Право должно оставаться правом человека.*

***Ключевые слова:** патентное право; интеллектуальная собственность; патент; человек; машина; изобретение; публичный интерес; общественные отношения; правовое регулирование; охрана; защита*

ON THE QUESTION OF PATENT LAW

Sergei G. Pavlikov,

Dr. Sci. (Law), Full Professor, Head of the Department of Patent Law and the Legal Protection of Means of Individualization, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation
89152499929@mail.ru

***Abstract.** The paper substantiates the expediency of studying patent law within the framework of civil law theory, which ultimately makes it possible to develop practical proposals for optimizing the protection of the objects of so-called «industrial property»: inventions, utility models, industrial designs, trademarks and service marks, and appellations of origin. Attention is drawn to the fact that the dispositive principles of civil law are increasingly, for objective and readily understandable reasons, yielding to the category of public interest. At the same time, the author argues that these circumstances, together with the development of digital («machine») technologies, should not affect the fundamental approaches to the most important and universal regulator of social relations. Intellectual property law (as well as patent law studied in our department) should not become*

a «law of the machine»; moreover, the necessary balance between the interests of the human being and the «machine» (artificial intelligence, smart technologies, and the like), under which there might hypothetically emerge a «law of the human and the machine», is unlikely to be secured even in the future. Law must remain the «law of the human being».

Keywords: patent law; intellectual property; patent; human; machine; invention; public interest; public relations; legal regulation; protection

Начиная работу над представленной статьей, ее автор не мог избежать ощущения, что всё чаще любое упоминание о теоретическом характере исследования обуславливает желание «оправдаться», указать, что на основе теоретических выводов и суждений будут сформированы практические предложения по оптимизации правового регулирования конкретной отрасли общественных отношений и правоприменительной практики. Наша позиция не будет здесь исключением, поскольку осознание своей принадлежности к Родине, которая встала на путь реальной защиты прав человека (что не понравилось многим представителем «западных элит», подменяющих этот процесс элементарным словоблудием и стремлением любой ценой, не исключая даже ядерного самоубийства, сохранять пресловутую однополярность, истоки которой в колониальном прошлом и разделении человечества на неоднородные категории) и, безусловно, отстаивания суверенитета Российской Федерации, — обуславливает такой подход.

В трудах по гражданскому праву отмечается: «Сегодня в цивилистике чрезмерно преувеличивается уникальность... так называемого права интеллектуальной собственности и некоторых других частей права и науки»¹. Позволим себе заметить, что такой подход обеспечивает и еще один важнейший фактор — право интеллектуальной собственности (изучаемое на нашей кафедре патентное право и т.п.) не должно становиться «правом машины»; более того, сложный баланс при котором формируется (гипотетическое предположения об условных терминах) «право человека и машины» вряд ли может быть обеспечен в перспективе и право должно оставаться «правом человека».

Выразим уверенность, что мы находимся в этом контексте на «благодатной почве»; к, примеру, изобретение² о многом, в части своего «признания» обусловлено эффективностью норм права патентного как важнейшей подотрасли гражданского права (вспомним, например, «спор»: А. С. Попов представил радио миру 7 мая 1895 г. и только через один год, 2 июня 1896 г. итальянец Г. Д. Маркони подал в США заявку на получение патента в качестве его изобретателя). Этот процесс вряд ли прекратиться. Так, широкую известность приобрело в 2025 г. дело по иску Генпрокуратуры и Минобороны, рассмотренное Судом по интеллектуальным правам к рязанскому изобретателю в отношении патента на способ пеленгации цели, которому приборный завод придал статус «секрет производства»³ и т.п.

Следует разделить мнение о том, что взаимодействие практики и доктрины, по сути, обуславливает их взаимообогащение, является, безусловно, неотъемлемым элементом научных исследований⁴. Соответственно, многие ученые усматривает

¹ Братусь Д. А. Защита авторских и смежных прав / под общ. ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2024. С. 4–5.

² Автор статьи полагает здесь уместным привести цитату великого поэта о феномене изобретения. Как писал А. С. Пушкин, «О сколько нам открытий чудных Готовят просвещения дух И Опыт, [сын] ошибок трудных, И Гений, [парадоксов] друг, [И Случай, бог изобретатель]». Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 16 т. М. : Художественная литература, 1948. Т. 3 : Стихотворения, 1826–1836. С. 464.

³ Минобороны подало иск к изобретателю способа «пеленгации целей» // Эксклюзивы РБК: официальный сайт. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴ Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. № 3. С. 100–115.

необходимость конкретизации соответствующего понятийного аппарата, четкого разрешения вопросов относительно «отраслевой принадлежности» активно формирующегося «права машин». Возможно, и не столь важно: является ли «частью» теории гражданского права право интеллектуальной собственности (хотя мы автор статьи занимает именно такую позицию)⁵, является ли патентное право подотраслью этого права или всё же права гражданского. Представляется более своевременным фундаментальным вопрос о формировании «права машины», «права человека и машины», либо — как хочется надеяться — право останется «правом человека».

Разумеется, присущий правоведам необходимый формализм обуславливает их обращение к Конституции РФ, которая выделяет отдельно, используя знак точка с запятой, термин «гражданское законодательство» и термин «правовое регулирование интеллектуальной собственности», но в итоге гипотеза о принципиальном обособлении гражданского и «интеллектуального» законодательства ими же и опровергается⁶.

Научный интерес представляет генезис «машинного права» как подотрасли гражданского права (полагаем нецелесообразным это «доказывать», поскольку многополярность точек зрения в этом вопросе очевидна)⁷. Во многом его «предсказали» и развивали такие ученые, как О. А. Красавчиков, А. Л. Маковский Л. А. Трахтенгерц и др., в том числе как права «умственного (интеллектуального)»⁸. О. А. Красавчиков, как пишет о его трудах Д. В. Братусь, не только обогатил терминологический аппарат цивилистической теории на основе новаторской категории подотрасли «творческого» характера, но де факто предопределил «категориальный набор» критериев оригинальности, новизны, охарактеризовав их как критерии интеллектуально-правовые⁹.

Если мы осуществим небольшой исторический экскурс к периоду формирования исследуемой отрасли права, то в работах его «отцов-основателей», например А. А. Пиленко, обнаружим обращение к библейским истинам о том, что «новое вино не вливают в старые мехи в старые мехи» и, соответственно, оригинальное новаторское учение не следует втискивать в «прокрустово ложе» классических и общеизвестных дисциплин; нам волей — неволей — *volens nolens* — придется индивидуально формировать нестандартные «конструкции» — учения¹⁰. Не будет излишним осмысление и первоначальных попыток исследователей оценить роль и сущность феномена «монетизации патента», который осуществлялся с началами формирования устойчивой системы правовой охраны «интеллектуально-творческих»

⁵ Братусь Д. А. Защита авторских и смежных прав / под общ. ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2024. С. 6.

⁶ Гражданское право. Общая часть : учебник / Е. С. Болтанова, Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская [и др.] ; под ред. Е. С. Болтановой. М. : Инфра-М, 2023. С. 15.

⁷ Ограничимся цитатой о том, что патентное право представляет собой «интеллектуальные права авторов и иных правообладателей на изобретения, полезные модели и промышленные образцы». Часть IV ГК РФ ввела понятие «интеллектуальные права» в противовес понятию «вещные права на материальные объекты». В соответствии со ст. 1226 ГК РФ интеллектуальные права охватывают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных кодексом, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и др.). См.: Право интеллектуальной собственности : учебник / О. Л. Алексеева, А. С. Ворожевич, Е. С. Гринь [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М. : Статут, 2019. Т. 4 : Патентное право. С. 7.

⁸ Красавчиков О. А. Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. 2-е изд. М. : Статут, 2017. Т. 2. С. 466.

⁹ Братусь Д. В. Организационные авторские права / под общ. ред. Б. М. Гонгало. М. : Статут, 2022. С. 5.

¹⁰ Пиленко А. А. Право изобретателя. М. : Статут, 2001. С. 580.

объектов¹¹. И в наше время трудно переоценить роль этого как этого охранного документа, так и в целом патентного права в обеспечении прав и законных интересов субъектов соответствующих общественных отношений¹².

Другой аспект, который спорно было бы игнорировать в настоящем исследовании, связан со спецификой патентного права (не забудем о предпринятой попытке осуществить его научный анализ в контексте теории гражданского права и презумпции «права человека», а не права «машин»).

На первый взгляд, сущность изучаемого правового регулирования состоит в охране объективируемых объектов «творческого (интеллектуального) труда». Вместе с тем основы диспозитивности в праве гражданском всё чаще и по объективным и, как уверен автор, всем понятным причинам начинают «уступать» категории публичного интереса. Кроме того, и до начала непростого для российского государства этапа выявления истинных «лиц» многих «друзей» и «торговых партнеров» в цивилистике имело место достаточно корректное представление об основных началах гражданского законодательства в ст. 1 ГК РФ, так как уже в ней фиксировалась, что начала «равенства участников регулируемых им отношений» подлежат ограничению. Кроме того, нельзя игнорировать специфические функции права в целом и имманентные функции патентного права в частности, которое, например, обуславливает выполнение некоторых публичных функций, в частности, уплачивать обязательные регулярные платежи (пошлины) за поддержание патента в силе¹³.

Вопрос о поиске баланса между свободой участников гражданского оборота и их защитой государством всегда стоял на повестке дня. С одной стороны, важен баланс публичных ценностей (например, института доступности информационных ресурсов и т.п.) и права исключительного в отношении, в частности изобретений, полезных моделей и т.д. (как известно, в патентном праве использование этих объектов ограничено)¹⁴.

Мы приходим к осознанию фактов необходимости и «подвижных границ» этого баланса. Примеры ограничения исключительных и, в частности, прав патентных прав, разумеется имеют место: может быть изобретение использовано без согласия соответствующего патентообладателя для обеспечения безопасности и обороны российского государства, аналогичные (и некоторые и другие) задачи выполняет институт выдачи принудительных лицензий и пр.¹⁵ «В доктрине, — как отмечают в этом контексте некоторые исследователи, — нет единого подхода к определению перечня случаев свободного использования объектов патентных прав. Наиболее распространенным является подход, согласно которому случаи свободного использования предусмотрены статьями 1359–1361 ГК РФ»¹⁶.

Имеют различные точки зрения, чаще всего расширяющие, реже — ограничивающие перечень анализируемых оснований¹⁷. Вопрос этот имеет, безусловно, актуаль-

¹¹ Osterrieth C. Patent-Trolls in Europa — braucht das Patentrecht neue Grenzen // Gewerblicher Rechtsschutz und Urheberrecht. 2009/6. S. 541.

¹² Синицын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М., 2022. С. 9.

¹³ Кривицкая Ю. С. Коллизионные вопросы передачи патентных прав на служебные объекты при наследовании // Наследственное право. 2024. № 3. С. 21–23.

См.: постановление Правительства РФ от 10.12.2008 № 941 (ред. от 23.09.2025) «Об утверждении Положения о патентных и иных пошлинах за совершение юридически значимых действий, связанных с патентом на изобретение...» // СЗ РФ. 2008. № 51. Ст. 6170.

¹⁴ Анкушина М. Ю. Свободное использование объектов патентных прав // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 2. С. 73–79.

¹⁵ Полякова А. А., Лысков Н. Б. Практика ограничения патентных прав в рамках статей 1360 и 1362 Гражданского кодекса РФ // Вестник ФИПС. 2025. № 1. С. 14–23.

¹⁶ Анкушина М. Ю. Свободное использование объектов патентных прав // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2024. № 2. С. 75.

¹⁷ См.: Городов О. А. О патентной монополии на использование изобретений // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 3–8 ; Ворожевич А. С. Границы исключительных прав на па-

ный характер, поскольку и в этом конкретном случае обнаруживается актуальность взаимодействия теоретической проблематики в части списка казусов исключения из постулата свободного использования изучаемых объектов и оптимизации соответствующей правоприменительной практики¹⁸. Например, позиция Ю. Н. Андреева базируется на таких ограничительных факторах для объектов патентного права, как безопасность, оборона и чрезвычайные обстоятельства¹⁹. Автор этих строк занимает позицию, согласно которой количество выше указанных ограничений должно быть минимальным. Такая «идеальная» доктринальная и правовая «конструкция баланса» достаточно четко определена в некоторых научных трудах. По справедливому мнению С. А. Сеницына, имеет место определенная абсолютизация в отношении патентного права, которая, нередко, отождествляется с некой легализованной монополией²⁰. Фактически аналогичный подход обнаруживается и в других трудах, где констатируется наличие «патентной монополии»²¹.

Идеальные конструкции в праве традиционно трансформировались под влиянием объективно сложившихся общественных отношений. Их реалии (эпидемии, вооруженные конфликты, экономический шантаж, например «угрозы изъять заблокированные активы России почти на € 300 миллиардов и с их помощью профинансировать Украину»²²) обуславливают внесение коррективов, в том числе в патентное право. С другой стороны, эти обстоятельства вкупе с развитием цифровых («машинных») технологий не должны влиять на фундаментальные подходы к важнейшему и универсальному регулятору общественных отношений. Право интеллектуальной собственности (повторимся: изучаемое на нашей кафедре патентное право) не должно становиться «правом машины»; более того, необходимый баланс интересов человека и «машины» (искусственного интеллекта, смарт-технологий и т.п.) при котором формируется (условные термины) «право человека и машины» — вряд ли может быть обеспечен в перспективе. Право должно оставаться «правом человека».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексейчук А. А.* Свободное использование товарного знака // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2020. — № 12. — С. 53–59.
2. *Андреев Ю. Н.* Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты. — М., 2011. — 399 с.
3. *Анкушина М. Ю.* Свободное использование объектов патентных прав // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2024. — № 2. — С. 73–79.
4. *Братусь Д. А.* Защита авторских и смежных прав / под общ. ред. Б. М. Гонгало. — М.: Статут, 2024. — 236 с.

тентоохраняемые объекты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 29–45 ; *Алексейчук А. А.* Свободное использование товарного знака // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 12. С. 53–59.

¹⁸ См.: *Рузакова О. А.* Развитие законодательства о свободном использовании объектов патентного права // Патенты и лицензии. 2020. № 6. С. 2–9 ; *Ворожевич А. С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. М.: Статут, 2018. 320 с. ; *Полякова А. А., Лысков Н. Б.* Указ. соч. ; *Паземова Е. И.* Особенности реализации механизма принудительного лицензирования и иных механизмов ограничения прав правообладателей в сфере охраны лекарственных средств // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 5. С. 103–115.

¹⁹ См.: *Андреев Ю. Н.* Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты. М., 2011. 399 с.

²⁰ *Сеницын С. А.* Указ. соч. С. 19.

²¹ *Городов О. А.* О патентной монополии на использование изобретений // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 3–8.

²² В Европе задумались о вечной блокировке российских активов // URL: <https://lenta.ru/articles/2025/12/11/aktivu> (дата обращения: 30.01.2026).

5. Братусь Д. В. Организационные авторские права / под общ. ред. Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2022. — 236 с.
6. Ворожевич А. С. Границы исключительных прав на патентоохраняемые объекты // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2018. — № 21. — С. 29–45.
7. Ворожевич А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя. — М. : Статут, 2018. — 320 с.
8. Городов О. А. О патентной монополии на использование изобретений // Конкурентное право. — 2020. — № 4. — С. 3–8.
9. Гражданское право. Общая часть : учебник / Е. С. Болтанова, Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская [и др.] ; под ред. Е. С. Болтановой. — М. : Инфра-М, 2023. — 515 с.
10. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. — 2-е изд. — М. : Статут, 2017. — 494 с.
11. Кривицкая Ю. С. Коллизионные вопросы передачи патентных прав на служебные объекты при наследовании // Наследственное право. — 2024. — № 3. — С. 21–23.
12. Пазимова Е. И. Особенности реализации механизма принудительного лицензирования и иных механизмов ограничения прав правообладателей в сфере охраны лекарственных средств // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — № 5. — С. 103.
13. Пиленко А. А. Право изобретателя. — М. : Статут, 2001. — 686 с.
14. Полякова А. А., Лысков Н. Б. Практика ограничения патентных прав в рамках статей 1360 и 1362 Гражданского кодекса РФ // Вестник ФИПС. — 2025. — № 1. — С. 14–23.
15. Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. В. Бадулина, Д. А. Гаврилов, Е. С. Гринь [и др.] / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. Т. 1 : Общие положения. — М. : Статут, 2017. — 335 с.
16. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 16 т. Т. 3 : Стихотворения, 1826–1836. — М. : Художественная литература, 1948. — 635 с.
17. Рузакова О. А. Развитие законодательства о свободном использовании объектов патентного права // Патенты и лицензии. — 2020. — № 6. — С. 2–9.
18. Сидоренко А. И. Судебные доктрины в сфере интеллектуальных прав в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2021. — № 3. — С. 100–115.
19. Синицын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. — М., 2022. — 416 с.
20. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2024. — 626 с.

REFERENCES

1. Alekseychuk AA. Free use of the trademark. *IP. Industrial Property*. 2020;12:53-59. (In Russ.).
2. Andreev YuN. Judicial protection of exclusive rights: Civil Law Aspects. Moscow; 2011. (In Russ.).
3. Ankushina MYu. Free use of patent rights. *IP. Industrial property*. 2024;2:73-79. (In Russ.).
4. Bratus DA. Gongalo BM (ed.). Protection of copyright and related rights. Moscow: Statut Publ.; 2024. (In Russ.).
5. Bratus DV. Organizational copyrights. Gongalo B.M. (ed.). Moscow: Statut Publ.; 2022. (In Russ.).
6. Boltanova ES, Bagrova NV, Barishpolskaya TYu, et al. Boltanova ES (ed.). Civil law. General part. Moscow: Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
7. Vorozhevich AS. Boundaries of exclusive rights to patentable objects. *Journal of the Court for Intellectual Rights*. 2018;21:29-45. (In Russ.).
8. Vorozhevich AS. The limits of the exercise and protection of the exclusive right of the patent holder. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
9. Gorodov OA. Patent monopoly on the use of inventions. *Competition Law*. 2020;4:3-8. (In Russ.).

10. Krasavchikov OA. Creativity and civil law (concept, subject and composition of the sub-industry). *Jurisprudence*. 1984. No. 4 (in modern edition: *Civil Law Science Categories. Selected writings*. In 2 vols. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
11. Krivitskaya YuS. Conflict issues of transfer of patent rights to official objects during inheritance. *Inheritance Law*. 2024;3:21-23. (In Russ.).
12. Pazemova EI. Peculiarities of the implementation of the mechanism of compulsory licensing and other mechanisms for restricting the rights of copyright holders in the field of drug protection. *Current problems of Russian Law*. 2022;5:103. (In Russ.).
13. Pilenko AA. The right of the inventor. Moscow: Statut Publ.; 2001. (In Russ.).
14. Polyakova AA, Lyskov NB. Practice of restricting patent rights within the framework of Articles 1360 and 1362 of the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of Federal Institute of Industrial Property*. 2025;1:14-23. (In Russ.).
15. Badulina EV, Gavrilov DA, Grin ES, et al. Novoselova LA (ed.). Intellectual property law. Vol. 1: General Provisions. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
16. Pushkin AS. Collected works: In 16 vol. Vol. 3. Poems, 1826–1836. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.; 1948. (In Russ.).
17. Ruzakova OA. Development of legislation on the free use of patent law objects. *Patents and Licenses*. 2020;6:2-9. (In Russ.).
18. Sidorenko AI. Judicial doctrines in the field of intellectual rights in Russia and abroad. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2021;3:100-115.
19. Sinitsyn SA. Comparative patent law: current problems. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow; 2022. (In Russ.).
20. Sukhanov EA. Property law: scientific and educational essay. 3rd ed. Moscow: Statute Publ.; 2024. (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка — *Е. Г. Булычев*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

1 / 2026

WWW.RUS-LAW.ONLINE